С.Б. Белецкий, Л.В. Куликова

ПАТЕРНАЛИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Монография

2-е издание, дополненное и переработанное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2017

УДК 81'42+316.77
ББК 81:60.5
Б43

Р е ц е н з е н т ы:
д-р филол. наук, профессор *С.Н. Плотникова*;
Professor Doktor *Klaus Roth*

Белецкий С.Б.
Б43 Патернализм в институциональной коммуникации : монография / С.Б. Белецкий, Л.В, Куликова. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. — 192 с.
ISBN 978-5-9765-1042-5 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037353-2 (Наука)

В работе представлено комплексное прагмалингвистическое описание явления коммуникативного патернализма в целом и конституирующих его дискурсивных практик в частности (в формате институционализированных форм общения на материале русского, немецкого и английского языков). Особое внимание уделяется межкультурному аспекту проявления патернализма в рамках коммуникативного жанра «собеседование при приеме на работу».

УДК 81'42+316.77
ББК 81:60.5

Издание осуществлено при финансовой поддержке Сибирского федерального университета (Красноярск)

ISBN 978-5-9765-1042-5 (ФЛИНТА)
ISBN 978-5-02-037353-2 (Наука)
© Белецкий С.Б., Куликова Л.В., 2011
© Издательство «ФЛИНТА», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

Глава 1. ПАТЕРНАЛИЗМ В СФЕРЕ ВЕРБАЛЬНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ 8
1.1. Понятие «патернализм» в контексте современного социально-гуманитарного знания 8
1.2. Патернализм в исследованиях медицинской коммуникации 12
1.3. Критерии патернализма как коммуникативные проблемы 21
1.4. Семиотика патерналистского взаимодействия 50
1.5. Коммуникативные пространства патернализма 54
1.6. Патернализм в перспективе коммуникативно-лингвистического изучения 69
1.7. Дискурсивный анализ в рамках коммуникативного жанра 73
Выводы по главе I 82

Глава 2. ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА 85
2.1. Параметры дискурса патерналистских отношений 85
2.2. Макродискурсивные практики коммуникативного патернализма 101
2.2.1. Атрибуция иррациональности субъекту общения 106
2.2.2. Дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения 116
2.2.3. Интерактивное конструирование статуса дискурса патерналистских отношений 135
2.3. Микродискурсивные практики коммуникативного патернализма в жанре «собеседование»: межкультурный контекст 144
2.4. Стратегии аргументации патернализма в мигрантском обществе 156
Выводы по главе II 166

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 169

ЛИТЕРАТУРА 174

Приложение А 189
Приложение Б 191

ВВЕДЕНИЕ

В монографии рассматривается феномен коммуникативного патернализма, определяемого как способ непосредственной или опосредованной дискурсивной, т.е. направленной на развертывание актуального дискурса, обработки или превенции иррациональности одного субъекта общения другим. В исследовании рассматриваются прежде всего дискурсивные практики, конституирующие патернализм, с точки зрения его коммуникативно-лингвистической актуализации в рамках коммуникативного жанра.

Несмотря на достаточную разработанность проблематики патернализма как отношений опеки и покровительства в ряде наук социально-гуманитарного цикла вопрос о роли коммуникативной и языковой составляющих в процессе конструирования отношений данного рода не получил своего освещения. Актуальность настоящего исследования обусловлена слабой изученностью категории «патернализм» в работах по языкознанию, а также растущим интересом современной лингвистики к исследованиям, проводимым на стыке гуманитарных отраслей знания.

Основными методами в работе были избраны интерпретативный дискурс-анализ и этнометодологически ориентированный метод реконструкции коммуникативных перспектив участников общения (конверсационный анализ).

В изучении дискурса патерналистских отношений авторы опирались на идеи отечественных и зарубежных ученых в области теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Л.В. Куликова, Э. Лакло / Ш. Муфф, М.Л. Макаров, С.Н. Плотникова, И.А. Стернин, Н. Феарклаф, В.Е. Чернявская), в области конверсационного анализа (P. Auer, J. Bergmann, K. Birkner, M. Egbert, H. Garfinkel, G. Jefferson, H. Hausendorf, H. Sacks, E. Schegloff, T. Luckmann), прагмалингвистики (P. Brown / S.C. Levinson, A. Duranti / C. Goodwin, K. Ehlich / J. Rehbein, E. Goffman, H.P. Grice, J.J. Gumperz, D. Hymes), теории патернализма (М.Н. Афанасьев, Э. Гиббон, Т. Моммзен, Т.Н. Осипова, Н.П. Павлов-Сильванский, В.В. Радаев, О.А. Чеботарева, Н.В. Шушкова, A. van Aaken, S.N. Eisenstadt, G. Dworkin, B. Fateh-Moghadam, J. Giesinger, S. Shiffrin).

Квинтэссенция разработанной концепции заключается в следующих основных подходах.

Коммуникативный патернализм представляет собой способ непосредственной или опосредованной дискурсивной обработки или упреждения приписываемой иррациональности одного субъекта общения другим субъектом общения и реализуется как статусно-ориентированный тип общения, в ходе которого актуализируется базовое статусное неравенство его участников как рационально и иррационально действующих, находящее свое отражение в процессе конструирования комплементарной ролевой пары «эксперт-дилетант».

Проявления коммуникативного патернализма обнаруживаются в основных сферах социального взаимодействия (в контекстах бытового и институционального общения, а также в диалоге общества с государством), определяемых здесь как коммуникативные пространства патернализма. Дисперсность отношений опеки и покровительства в ряде различных дискурсов и определенный порядок их структурирования, делающий их узнаваемыми для участников общения, являются основаниями для выделения дискурса патерналистских отношений в качестве интердискурса.

Прототипической ситуацией общения, конституирующей дискурс патерналистских отношений, является ситуация заботы через запрет. Патерналистский запрет содержит аргументацию его необходимости, которая может быть описана когнитивной формулой «Это в ваших же интересах». Компоненты запрета как детерминанты коммуникативной ситуации могут быть обнаружены в составе отдельных дискурсивных практик.

С точки зрения стратегичности патерналистского воздействия запрет реализуется через основную стратегию

корректировки картины мира собеседника и вспомогательные прагматические стратегии убеждения и воззвания, а также следующие приемы риторического воздействия: описание текущего положения дел, описание желаемого положения дел, экспликация авторитета, патерналистская аргументация.

Дискурс патерналистских отношений конституируется следующими макродискурсивными практиками:

- атрибуция иррациональности субъекту общения посредством актуализации ее симптомов;
- дискурсивная обработка атрибутированной иррациональности;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

Каждый отдельный эпизод патерналистской коммуникации может конституироваться набором частных микродискурсивных практик, к числу которых относятся следующие:

- переосмысление источника коммуникативной проблемы как симптома иррациональности путем а) повторения части источника проблемы; б) перефразирования источника проблемы; в) резюмирования фрагмента коммуникации, содержащего источник проблемы; г) непосредственного введения проблемного компонента;
- атрибуция иррациональности субъекту общения путем а) упоминания; б) подчеркивания; в) разъяснения;
- коммуникативная / дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения путем а) объяснения; б) раскрытия значений; в) трансфера знаний; г) запроса на разъяснение; д) предоставления вариантов понимания; е) запрета; ж) рефлексии; з) помещения проблемного компонента коммуникации за границы рационального;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений путем а) ратификации его как состоявшегося; б) оспаривания значений его узловых точек другими дискурсами.

По структуре монография состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и двух приложений. В первой главе раскрываются основные подходы к изучению патернализма — явления опеки самого широкого спектра. Концепция патернализма, разработанная в философии права, трансферируется в теорию языкознания посредством операционализации отдельных ее аспектов понятиями и категориями коммуникативной лингвистики и дискурс-анализа. Освещаются позиции изучения патернализма в лингводискурсивной перспективе. Во второй главе дается характеристика отдельных параметров коммуникативного патернализма как явления интердискурсивного характера, описываются конституирующие его макродискурсивные практики и составляющие их микродискурсивные практики на уровне институционального коммуникативного жанра «собеседование при приеме на работу», его коммуникативных стратегий и тактик.

С момента опубликования первого издания настоящей монографии прошло 6 лет, и за это время представление авторов о патерналистском дискурсе значительно расширилось в связи с новой коммуникативной реальностью, формирующейся в условиях глобальных миграционных процессов, в-первую очередь, в странах Европы.

Суть предложенной ранее концепции осталась прежней, однако она обогатилась эмпирическим материалом, который позволил авторам добавить новый раздел и проанализировать теорию коммуникативного патернализма в контексте дискурса мигрантского общества.

Глава 1. ПАТЕРНАЛИЗМ В СФЕРЕ ВЕРБАЛЬНОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1.1. Понятие «патернализм» в контексте современного социально-гуманитарного знания

Понятие патернализма объединяет широкий круг явлений, для которых характерно действие во благо индивида или группы индивидов, которое, однако, может противоречить или не в полной мере соответствовать их воле. Проявления патернализма можно наблюдать в самых разных сферах человеческой деятельности — от воспитания детей (запрет на курение) до внешней политики государств (неоколониализм).

Обращаясь к исследованию способов экспликации патернализма в межличностной коммуникации, следует отметить, что 1) концепция патернализма до сих пор не была экстраполирована в область теории коммуникации, и термин «патернализм» если и встречался в специализированной литературе, то понимался интуитивно, без дефиниционного сопровождения; 2) термин «патернализм» имеет довольно широкую область распространения (трудовые отношения, психология, политология, право, международные отношения и др.), и каждая из областей знания выработала свое определение патернализма; 3) понимание патернализма в отечественных и зарубежных публикациях и справочной литературе различается.

По своему происхождению термин «патернализм» принадлежит исторической науке. Его содержание восходит к римскому праву, легитимировавшему существовавшие в раннем римском обществе родовые клиентелистские структуры. Клиентом становился чужак, которому pater familia, глава семейной группы, предоставлял место в общине. С одной стороны, клиент принадлежал семье (и был подобен

рабу), с другой стороны, он был ее членом (и был подобен ребенку). По отношению к клиентам, в отличие от рабов, большое распространение получила нравственная обязанность господина заботиться о них и быть их заступником. Отношения клиента и патрона определялись обычаем, а затем правом. В ряде исторических и антропологических работ патерналистские отношения называются патрон-клиентными (Шушкова, 2004: 26).

С исторической точки зрения патернализм можно охарактеризовать как непрерывную, видоизменяющую свои формы традицию выстраивания властных отношений, разных сторон социальной жизни по патриархальным, квазисемейным образцам (Шушкова, 2004: 27—28). Как отмечает Т.Н. Осипова, «отношения этого типа основываются на неравенстве в обладании ресурсами власти и разнице социальных статусов, на взаимных обязательствах и заинтересованности» (Осипова, 2007: 8). В исследование патернализма в историческом плане вклад внесли такие ученые, как С.Н. Айзенштадт, М.Н. Афанасьев, Э. Гиббон, Т. Моммзен, Н.П. Павлов-Сильванский, Л. Ронигер и др.

Интерес исследователей — представителей иных социально-гуманитарных наук (в первую очередь, социологов и экономистов) проблематика патрон-клиентных отношений вызвала после выхода в середине 60-х годов XX в. работы С.Н. Айзенштадта и Л. Ронигера «Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society», в которой патернализм определялся как форма ритуализированных межличностных отношений. Согласно точке зрения авторов его функция заключается в поддержании социального контроля и смягчении напряженности и конфликтов в расколотых обществах. Эти отношения, по мнению авторов, возникают вследствие недостатка доверия в межличностных контактах.

Отношения патрон—клиент по своей сути являются отношениями обмена, обеспечивающего контрагентов

необходимыми и желаемыми ресурсами, удовлетворяющими их потребность в доверии. Чертами таких отношений являются: «1) <...> комбинация неравенства и властной асимметрии с видимой взаимной солидарностью <...>; 2) комбинация возможного принуждения и эксплуатации с добровольными отношениями и обязательствами; 3) комбинация подчеркнутой обоюдности, солидарности и взаимодействия патронов и клиентов с некоторой неофициальностью, полулегальностью таких отношений» (Eisenstadt / Roniger, 1984: 148; цит. по: Осипова, 2006: 14).

В контексте современного социально-гуманитарного знания можно выделить несколько основных подходов к изучению явления патернализма. В отечественной науке понятие патернализма применяется для описания производственных отношений на уровне предприятия, а также для описания политической системы (Осипова, 2006: 10).

Среди экономически ориентированных исследований феномена патернализма можно выделить три основных направления: в рамках теории менеджмента, экономики культуры и теории трудовых отношений. В теории менеджмента внимание уделяется, в первую очередь, стилевому оформлению патернализма, его влиянию на эффективность производственной деятельности. Экономика культуры уделяет внимание актуальным и историческим образцам типов семейного поведения с целью анализа переноса этих образцов в публичную сферу. В рамках теории трудовых отношений изучаются отношения между руководителем и подчиненным и стиль руководства, а также возможность совместимости патернализма и партнерства в рамках профессиональных отношений (Осипова, 2006: 13).

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан исследуют патернализм как форму общественного устройства. Они трактуют патернализм как систему «строгой субординации социальных групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих» (Радаев / Шкаратан, 1995: 210). Такая система выступает в качестве основы для социального обмена, в процессе которого лояльность подчиненных групп является результатом предоставления им определенных благ.

М.Н. Афанасьев рассматривает патернализм («клиентелярные отношения», в терминологии автора) как некую подсистему в системе экономических отношений. В рамках этой подсистемы патрон покровительствует клиенту, распространяет блага и льготы, а клиент, в свою очередь, отвечает патрону лояльностью. Автор определяет клиентелярные отношения как «те отношения власти, которые реализуются индивидуальными и коллективными акторами по модели "патрон-клиент", противоречиво соединяя личную зависимость и господство со взаимными услугами и солидарностью» (Афанасьев, 2000: 20).

С философско-правовой точки зрения патернализм предстает неким ограничителем свободы личности во имя ее благополучия. Данная трактовка явления опирается на работы таких либеральных мыслителей, как И. Кант, В. фон Гумбольдт, Дж. Милль, Дж. Фейнберг и др. Г. Дворкин дает следующее определение патернализму: «патернализм — это действие, предпринимаемое государством или отдельным индивидом по отношению к личности из соображений ее благополучия или избавления от какой-либо опасности, но вопреки ее воле»[1] (перевод авт.). В качестве примеров ограничения свободы личности во имя ее благополучия можно привести такие явления, как борьба государства с наркоманией, обязанность водителя и пассажиров пристегиваться ремнями безопасности в автомобиле, врачебная тайна и мн.др. (Zude, 2006).

Завершая обзор подходов к изучению патернализма в контексте современного социально-гуманитарного знания,

[1] «Paternalism is the interference of a state or an individual with another person, against their will, and justified by a claim that the person interfered with will be better off or protected from harm» (Dworkin, www).

заметим, что ни одна из концепций патернализма не учитывает в полной мере аспекта непосредственного межличностного взаимодействия в рамках становления и функционирования патерналистских отношений. Освещенные подходы ориентированы на изучение патернализма, опирающегося на разноуровневую опосредованную коммуникацию (государство — социальный институт — индивид). Нас же, с точки зрения коммуникативной лингвистики, в первую очередь интересует то, какими средствами патерналистские отношения манифестируются в процессе непосредственной межличностной коммуникации и посредством каких языковых единиц и коммуникативных действий это явление становится «осязаемым» не только для исследователя, но и для самих участников коммуникативного процесса. К числу коммуникативно ориентированных исследований, посвященных проблематике патернализма, на наш взгляд, можно отнести исследования, выполненные в рамках изучения коммуникации между врачом и пациентом, к которым мы обратимся в следующем разделе.

1.2. Патернализм в исследованиях медицинской коммуникации

Исследование патернализма в медицинской коммуникации сосредоточено на выявлении его роли в осуществлении эффективного коммуникативного взаимодействия между врачом и пациентом. В них патернализм предстает одной из моделей отношений между врачом и пациентом (Emanuel / Emanuel, 1992; Elwyn / Edwards / Kinnersley, 1999; Roter / Hall, 1992; Byrne / Long, 1976; Quill / Brody, 1996; Ende / Kazis / Ash / Moskowitz, 1989; Strull / Lo / Charles, 1984; Wadsworth / Robinson, 1976).

Разграничение моделей базируется на разной степени участия пациента в принятии решения о методах лечения

(так называемая концепция принятия общего решения; англ. shared decision-making) и представлении врача и пациента об автономии пациента, под которой в теории патернализма понимается возможность и способность человека самостоятельно (автономно) принимать решения и действовать, руководствуясь ими. Г. Элвин и др. предложили представлять все многообразие этих моделей в виде континуума, крайними полюсами которого являются патерналистская модель (paternalistic), предполагающая, что решение врач принимает без участия пациента, и модель информированного выбора (informed choice), предполагающая, что решение пациент принимает самостоятельно, а роль врача заключается в исчерпывающем информировании (Elwyn / Edwards / Kinnersley, 1999: 202).

Схема 1. Характер отношений между врачом и пациентом

Paternalistic	↔	Shared decision-making	↔	Informed choice

Основываясь на наблюдениях за общением врача и пациента, Э. Эмануель и Л. Эмануель (Emanuel / Emanuel, 1992) выделяют четыре модели отношений между врачом и пациентом:

1) патерналистская (paternalistic);
2) информативная (informative);
3) интерпретативная (interpretative);
4) делиберативная (deliberative).

Суть патерналистской модели состоит в том, что интеракция между врачом и пациентом ориентирована на врачебное вмешательство, не предусматривающее активного участия пациента в процессе принятия решения о методах лечения. Врач анализирует состояние пациента, выбирает метод лечения и убеждает пациента в том, что выбранный метод является оптимальным. Патерналистская модель предполагает наличие общих для врача и пациента представлений о

том, что выздоровление любой ценой является благом для пациента. Врач выступает представителем интересов пациента, а роль пациента в принятии решения относительно методов лечения минимизируется. Модель предполагает также, что после выздоровления пациент будет благодарен врачу, даже если он на определенном этапе лечения был против отдельных методов, на которых врач, однако, настоял. В рамках данной модели вопрос выбора между возможностью пациента самостоятельно принимать решения и его благополучием решается в пользу последнего.

Основное отличие патерналистской модели от других заключается в том, что в ее рамках пациент практически не участвует в процессе принятия решения относительно методов лечения, в то время как в рамках других моделей он вовлечен в этот процесс.

В рамках информативной модели врач предоставляет пациенту исчерпывающую информацию о заболевании, методах лечения, побочных эффектах, чтобы пациент смог самостоятельно принять решение относительно методов лечения. Интерпретативная модель отводит врачу роль ментора, который помогает пациенту осознать его жизненные приоритеты и выбрать соответствующий метод лечения (если, например, речь идет о паллиативной медицине). В рамках делиберативной, или совещательной, модели врач исчерпывающе консультирует пациента и рекомендует определенный метод лечения, оставляя, однако, право выбора за пациентом. Основные характеристики моделей отношений между врачом и пациентом приведены в табл. 1 (Emanuel / Emanuel, 1992: 2222).

Таблица 1. Основные характеристики моделей отношений между врачом и пациентом

Характеристики	**Модели**			
	Информативная	*Интерпретативная*	*Делиберативная*	*Патерналистская*
Ценностные установки пациента	Четко определены и точно известны пациенту	Неосознанны, нуждаются в разъяснении	Могут быть пересмотрены и изменены в процессе обсуждения	Объективны; известны и врачу, и пациенту
Обязанности врача	Предоставление релевантной информации и проведение выбранного пациентом лечения	Помощь в осознании и интерпретации ценностных установок пациента; предоставление релевантной информации и проведение выбранного пациентом лечения	Обсуждение ценностных установок пациента; предоставление релевантной информации и проведение выбранного пациентом лечения	Обеспечение благополучия пациента, независимо от его текущих пожеланий
Представление об автономии пациента	Выбор и контроль методов лечения	Понимание необходимости определенных методов лечения	Моральное саморазвитие, необходимое для выздоровления	Согласие на любые действия врача по реализации объективных ценностных установок
Представление о роли врача	Эксперт	Советник или наставник	Друг или учитель	Страж

Изучение параметров моделей отношений между врачом и пациентом ориентировано в большей степени на анализ этики медицинского общения. Однако изучение медицинской коммуникации этим не ограничивается — можно выделить ряд работ, в той или иной мере освещающих аспект вербального взаимодействия между врачом и пациентом (Anderson, 1999; Apel, 1990; Bensing / Dulmen van / Tates, 2009; Birkner, 2006; Boothe, 1994; Duncan, 1974; Flader / Koerfer, 1983; Greenhalgh / Roob / Scambler, 2006; Kampits, 1996; Koerfer, 2008; Labov / Fanshel, 1977; Meerwein, 1986). Так, по признаку стилевого оформления общения между врачом и пациентом в исследовании (Koerfer, 2008) выделяются три модели медицинской коммуникации:

1) патернализм (Paternalismus);
2) кооперация (Kooperation);
3) сервис (Dienstleistung).

В качестве основы разграничения моделей авторы привлекают к рассмотрению категории коммуникативного порядка — магистральные коммуникативные процессы медицинской коммуникации: информирование, поиск решения и взятия на себя ответственности за выбор того или иного метода лечения. В разных моделях эти процессы протекают по-разному (табл. 2). Информирование (как врача пациентом, так и пациента врачом) может протекать в форме монолога, диалога или расспроса; процесс принятия решения о методах лечения может варьировать между предписанием, обсуждением и рекламой; взятие на себя ответственности за принятое решение может представлять собой взятие на себя полной ответственности пациентом или же его псевдонепричастность к решению (Koerfer, 2008: 41).

Таблица 2. Коммуникативные процессы медицинской коммуникации

Процесс	**Модель**		
	Патернализм	*Кооперация*	*Сервис*
Информирование	Сообщение в форме монолога и одностороннее восприятие информации	Диалогический обмен знаниями; понимание достигается в диалоге	Получение знаний посредством постановки вопросов и предоставления ответов
Поиск решения	Предписание или распоряжение	Предложение, оценка и обсуждение очевидных альтернатив	Предложение и спрос; реклама и договор
Взятие на себя ответственности	Сторонний контроль вплоть до полной зависимости пациента от врача	Совместный контроль в условиях обоюдного доверия и сохранения автономии каждого участника коммуникативного процесса	Самоконтроль пациента в условиях потери врачом своей автономии в результате следования принципу невмешательства

Коммуникативное взаимодействие врача и пациента неизбежно асимметрично в силу того, что это коммуникация между профессионалом и дилетантом, разницу компетенций которых невозможно нивелировать. На фоне актуализации институциональной ролевой пары врач — пациент в ходе вербального взаимодействия происходит конструирование ситуативной ролевой пары «эксперт-дилетант». В рамках данных моделей обхождение с очевидным ролевым неравенством строится по-разному. Менее патерналистичные модели медицинской коммуникации придерживаются *принципа диалогической симметрии*, согласно которому и врач, и пациент располагают приблизительно равными возможностями ведения разговора и раз-

вития важных для себя тем, обсуждения целей коммуникативного взаимодействия и выбора соответствующих форм коммуникации.

Принцип диалогической симметрии не предполагает наличия у врача и пациента равных возможностей в построении диалога. Он предполагает, что и у врача, и у пациента есть принципиальная возможность участвовать в диалоге, который, однако, остается асимметричным по своей сути. В связи с этим А. Керфер различает *функциональную и дисфункциональную асимметрию* коммуникативных ролей врача и пациента. Любой диалог функционально асимметричен: в разговоре кто-то неизбежно должен говорить, а кто-то слушать. Никто из вовлеченных в коммуникативный процесс не ожидает, что оба коммуникативных партнера будут одинаково много говорить и слушать, спрашивать и отвечать, рассказывать и переспрашивать, предлагать и соглашаться и т.п. Дисфункциональная асимметрия возникает в случае, если один из коммуникативных партнеров «злоупотребляет» некоторыми подчиняющими по своей коммуникативной функции действиями (перебивание, смена темы, недооценка и т.п.), т.е. дисфункциональную асимметрию можно рассматривать как привнесенную асимметрию, как подчеркнутое ролевое неравенство. В основе патерналистского коммуникативного взаимодействия лежит дисфункциональная асимметрия коммуникативных ролей эксперта и дилетанта.

В качестве примера коммуникации, протекающей по патерналистской модели, А. Керфер (Koerfer, 2008: 43) приводит следующий коммуникативный эпизод[2], в котором пациент весьма преклонного возраста рассказывает врачу о своем желании быть прооперированным. Врач считает операцию крайне нежелательной и обходится с «неразумным» желанием пациента патерналистично.

[2] О форме представления данных см. п. 1.7. Транскрипционные знаки приведены в приложении А.

Пример 1. meinen sie gar nicht

```
    01  A:  wissen sie es ist bei ihnen am herzen nicht so ganz\
    02      und die narkosekollegen sagen natürlich mit recht wenn
    03      es nicht sein muss warum denn
    04  P:  <<erschrocken> ja meinen sie gar nicht>
->  05  A:  und der stuhlgang der klappt ja
    06  P:  ja ja ja
```

В данном коммуникативном эпизоде прослеживаются признаки патерналистского отношения врача (А от нем. Arzt) к пациенту (Р от нем. Patient). Во-первых, информирование протекает в одностороннем порядке: врач не учитывает мнения пациента при принятии решения о непроведении операции. Он не считает нужным аргументировать свою позицию. Вместо этого он озвучивает мнение врачей-наркологов, не считающих проведение операции необходимым, и вместе с тем исключает возможность обсудить вопрос еще раз в силу отсутствия наркологов «здесь и сейчас». Попытка пациента продолжить обсуждение жестко пресекается дисфункциональным введением новой темы (05). Во-вторых, поскольку тема проведения операции не получает дальнейшего развития, то и обсуждение методов лечения (процесс поиска решения) опускается. Это говорит о «победившей воле» врача. В-третьих, в результате этого врач берет на себя всю ответственность за последствия непроведения операции.

Этика институционального взаимодействия в данном эпизоде может быть охарактеризована как реализация представления врача о себе как о гаранте благополучия пациента. Свои обязанности он видит в обеспечении благополучия пациента независимо от его конкретных желаний. О представлении врача о том, что пациент не может самостоятельно решать вопросы, касающиеся его здоровья (представление об автономии пациента), свидетельствует коммуникативное поведение врача, в частности резкая смена темы. В итоге пристального наблюдения за коммуникацией складывается впечатление, что не сам пациент, а врач стоит на страже его

интересов, в чем и заключается сущность любого патерналистского воздействия.

О.А. Чеботарева указывает на то, что патерналистская модель традиционна для российской медицины: «<...> патернализм является имманентно присущим национальной модели медицины» (Чеботарева, 2006: 4). В рамках проведенного ею социологического исследования она идентифицировала следующие интеракционные установки, конституирующие патерналистскую модель:

- большинство врачей не склонны вступать в партнерский диалог с пациентом;
- большинство врачей склонны играть ведущую роль при лечении пациента независимо от пола, возраста и стажа работы;
- пациент должен неукоснительно выполнять предписания врача;
- часто врачи не хотят иметь дело с компетентными пациентами.

Следует заметить, что внимание к проблематике патернализма со стороны исследователей именно медицинской коммуникации не случайно. Медицинский дискурс[3] в целом детерминирован заботой о другом и предполагает обязательное вмешательство в его личностное физическое и психическое пространство — вторжение в его автономию. В исследованиях медицинской коммуникации внимание ученых смещается с вопроса о легитимности патерналистского вмешательства в том или ином случае, характерного для философии права, на вопрос о роли пациента в принятии решения, о статусе его автономии. Однако аспект автономии, важный для коммуникативно ориентированного исследования, как теоретическая проблема в исследованиях медицинской коммуникации отдельно не рассматривается. Поэтому мы обратимся к теории автономии в частности, и критериям патернализма в целом путем операционализации их терминами коммуникативной лингвистики.

[3] Наше понимание термина «дискурс» раскрывается в п.2.1.

1.3. Критерии патернализма как коммуникативные проблемы

Медицинскую коммуникацию можно рассматривать как один из локусов реализации коммуникативного патернализма. Центральным параметром медицинской коммуникации, на наш взгляд, является представление врача и пациента об автономии пациента — представление о способности пациента принимать взвешенные и продуманные решения, поскольку именно оно лежит в основе разграничения моделей и является детерминантом общения в целом. Кроме того, ситуацию общения как патерналистскую характеризуют определенные представления о степени рациональности / иррациональности коммуникативного партнера и условие взаимообратности патерналистского взаимодействия как способа решения проблемы иррациональности другого. Ниже мы рассмотрим каждый из этих критериев подробно.

Аспект автономии применительно к проблематике патернализма был разработан в рамках дискуссии о легитимности патернализма, развернувшейся в англо-американской этике права. По мнению Ш. Шиффрин, в определении патернализма следует подчеркивать не аспект блага, а аспект легитимной (интуитивно признаваемой неприкосновенной) сферы совершения действий и принятия решений другого человека, т.е. аспект автономии: «действие может быть признано патерналистским, если индивидуум вторгается в сферу совершения действий или принятия решений другого или держит ее под контролем» (Shiffrin, 2000: 216). Эта точка зрения помогает понять, почему патерналистское действие совершается, как правило, во благо другого: согласно широко распространенному мнению решения, касающиеся личностного благополучия, находятся в личностной сфере принятия решений.

Придерживаясь кантианской традиции, Й. Гизингер понимает под автономией способность человека принимать

разумные, взвешенные решения и возможность самостоятельно совершать действия: «Als moralisch Handelnder kann nach Kant nur gelten, wer sich über seine biologischen Impulse erhebt und von allen egoistischen Neigungen distanziert. Wem dies gelingt, der wird innerlich frei und fähig, sein Handeln allein von Vernunft leiten zu lassen. Ein solches Wesen bezeichnet Kant als autonom» (Giesinger, 2005: 46).

Соответственно автор выделяет два типа автономии: внутреннюю автономию (innere Autonomie) и внешнюю автономию (äußere Autonomie). Под *внешней автономией* он понимает возможность индивида делать то, что он хочет (например, принципиальная возможность остановить собеседника и задать вопрос). *Внутренняя автономия* представляет собой внутреннюю, не зависящую от других способность индивида действовать (например, способность сформулировать вопрос должным образом). Она базируется на практической идентичности (praktische Identität) — понимании причин тех действий, которые индивид собирается совершить (осознание того, что необходимость задать конкретный вопрос вызвана отсутствием или неясностью определенной информации). Практическая идентичность основывается на предыдущем опыте (осознание того, что без устранения данной проблемы дальнейшее общение станет невозможным). При этом следует различать автономию как возможность и способность действовать и самостоятельность как возможность обходиться без чьей-либо помощи.

Выше отмечалось, что патернализм в философии права понимается как вмешательство в автономию другого. Однако это вмешательство не всегда очевидно. На наш взгляд, нужно различать патернализм, носящий ритуальный характер, и патернализм как действие за другого. Ритуальный патернализм соотнесен с коммуникативной ролью участника коммуникации, инициирующего его. Он является частью симметричного коммуникативного взаимодействия, например, в коммуникативной паре хозяин-гость.

В качестве примера ритуального патернализма можно привести проявление гостеприимства в ситуации, когда гостю многократно предлагают выпить или съесть что-либо, а гость, следуя ритуалу, отказывается от угощения. В тот момент, когда хозяин в очередной раз после очередного отказа предлагает гостю еду или напиток, он вторгается в сферу принятия решений гостя (внутреннюю автономию), так как только гость в состоянии определить, что для него благо в данный момент, а что нет. В случае же если хозяин, не получив согласия гостя, накладывает ему в тарелку еду или наливает напиток в стакан, он вторгается в его сферу совершения действий («растягивает» внешнюю автономию). Если и хозяин, и гость воспринимают эти действия как ритуал чествования гостя, то о патернализме в собственном смысле слова говорить не приходится. Однако если гость воспринимает действия хозяина как принуждение и реагирует на них соответствующим образом, то такую ситуацию общения можно назвать патерналистской. В данном случае, с точки зрения гостя, не заметившего ритуального характера действий хозяина или привыкшего к иным проявлениям гостеприимства, происходит асимметрия ролевого взаимодействия: роль гостя трансформируется в роль неразумного ребенка, не знающего, что для него благо, а что вред.

В рамках коммуникативно-дискурсивного исследования нам представляется возможным соотнести понятие внешней автономии с условиями протекания и правилами развертывания дискурса, а понятие внутренней автономии — с понятиями дееспособности и компетенции, в том числе коммуникативной и межкультурной. Такое понимание автономии позволяет предположить, что суть патерналистского взаимодействия сводится к ограничению и в то же время сконструированию автономии другого или к отнятию автономии у другого и действию за него. Типы вторжения в автономию проиллюстрированы следующими рисунками.

Рис. 1. Автономия — способность и возможность самостоятельно принимать решения и совершать действия

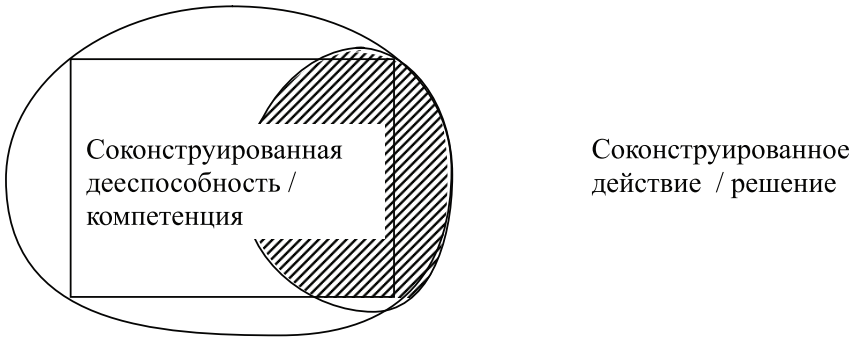

Рис. 2. Частичное вторжение в автономию — ограничение автономии

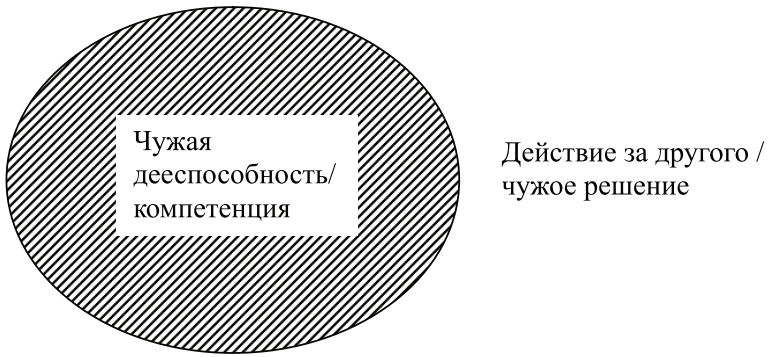

Рис. 3. Полное вторжение в автономию — отнятие автономии

На схеме прямоугольником обозначена сфера принятия решений, т.е. внутренняя автономия, овалом — сфера совершения действий, т.е. внешняя автономия. Заштрихованная часть обозначает область вторжения в автономию другого, обозначенную незаштрихованной частью. В рамках данного исследования мы не затрагиваем вопрос о характере соотношения вторжения во внутреннюю автономию с вторжением во внешнюю.

В качестве примера коммуникации, протекающей по принципу невмешательства в автономию другого (рис. 1), можно привести коммуникативный эпизод собеседования при приеме на работу, в котором интервьюер предлагает чай соискательнице.

Пример 2. h:Albe tasse aber nur

```
01  I:  h:m,     (-) [(sie auch?)]
02  B:               [das kAnn   ] aber\ (1)
03      <<p, behaucht> h:Albe tasse aber nur.
04      (0,5)
05  I:  h:m,
06      (0,5)
07  B:  dAnke.>
```

После того как интервьюер налил чаю второму интервьюеру, он предлагает чай соискательнице, выражая предложение в форме вопроса (01). Соискательница прерывает предыдущий коммуникативный ход, к совершению которого она приступила в тот момент, когда интервьюер обратился к ней с предложением налить чаю, и просит налить половину чашки (03). После того как чай налит, она благодарит интервьюера (07). Если мы посмотрим на это элементарное коммуникативное взаимодействие сквозь теорию автономии, то заметим, что интервьюер не только предлагает соискательнице чай, но и запрашивает разрешение вторгнуться в ее автономию, тем самым нивелируя факт вторжения и деконструируя его в акт *взаимо*действия. Соискательница, в

свою очередь, принимает решение автономно: она не только решает выпить чаю, но и определяет количество напитка. Сама лингвистическая кодировка коммуникативной практики предложения налить чаю не затрагивает сферу принятия решений другого. Данная структура состоит из двух компонентов: адресации sie и референции к только что совершенному действию auch. Ни один из компонентов не может быть проинтерпретирован как попытка повлиять на решение другого. Данная структура предоставляет в качестве вариантов реакции лишь опции «принять» и «отклонить» предложение присоединиться к происходящему (чаепитие), а не изменить свою картину мира.

Мы интерпретируем вторжение во внешнюю коммуникативную автономию другого как полное или частичное коммуникативное действие за другого, в основе которого лежит представление о том, что другой не в состоянии совершить это действие самостоятельно или совершает его неверно и потому данное действие нуждается в корректировке. Момент апелляции к рассудку другого в ситуации вторжения во внешнюю автономию редуцирован: вторгающийся в автономию другого не объясняет причин своих действий и не пытается заставить другого исправить неверное, с его точки зрения, действие. Вместо этого он действует за другого. Простейшим проявлением такого коммуникативного поведения является совершенная другим репаратура.

Проблематика репаратур (от англ. repair «починка») как средств «починки» коммуникации на проблемных этапах ее развертывания была детально разработана в теории конверсационного анализа (Atkinson, 1992; Auer, 1990; Drew, 1997; Egbert, 2009; Fox, 1996; Levelt, 1983; McHoul, 1990; Rieger, 2003; Sacks / Schegloff / Jefferson, 1974; Schegloff, 1979; Selting, 1987). Под репаратурой в целом понимается интеракциональный механизм, позволяющий участникам общения идентифицировать и решать проблемы акустического и смыслового восприятия коммуникативных ходов друг друга (Schegloff / Jefferson / Sacks, 1977; цит. по: Egbert, 2009: 7).

Механизм состоит из нескольких взаимосвязанных типов репаратур. Критерием их разграничения является комбинация места возникновения проблемы восприятия и места ее решения. Сама проблема может быть локализована в актуальном, предыдущем или проецируемом коммуникативном ходе одного из участников общения. Ее решение — репаратура — локализуется как в актуальном, так и в следующем коммуникативном ходе того участника общения, коммуникативный вклад которого был не ясен, а также в последующем коммуникативном ходе собеседника.

Соответственно можно выделить четыре основных типа репаратур (табл. 3): 1) инициированная и совершенная самостоятельно репаратура (self-initiated selfcompleted repair); 2) инициированная другим и совершенная самостоятельно репаратура (other-initiated selfcompleted repair); 3) инициированная самостоятельно и совершенная другим репаратура (self-initiated othercompleted repair); 4) инициированная и совершенная другим репаратура (other-initiated othercompleted repair).

Таблица 3. Типы репаратур

Место совершения	**Источник проблемы**	
	Свой коммуникативный ход	*Чужой коммуникативный ход*
Свой коммуникативный ход	Инициированная и совершенная самостоятельно репаратура (СС-репаратура)	Инициированная другим и совершенная самостоятельно репаратура (ДС-репаратура)
Чужой коммуникативный ход	Инициированная самостоятельно и совершенная другим репаратура (СД-репаратура)	Инициированная и совершенная другим (ДД-репаратура)

Проявления указанных типов репаратур легко узнаются в следующих коммуникативных действиях. СС-репара-

туры представляют собой исправления говорящим самого себя:

```
    01  I1: und=eh (-) jetzt mal abgesehn von der wassn\ (.)
->  02      mAssnermittlung, (-) die sie im bürO gemacht habn,
```

ДС-репаратуры возникают в ситуации переспроса и — шире — не(до)понимания в силу наличия

• акустических помех:

```
    01  B:  doch in kAssel erst rEcht? ich schÄtze, kassel is
    02      hÄrter als berlIn?
->  03  I1: =bitte?
->  04  B:  ich schÄtze; kassel is hÄrter als berlIn,
```

• или неясности содержания коммуникативного вклада:

```
    01  I1: aber sie wIssn, dass der (2) dass der klAssische
    02      weg=eh: (.) im: (2) im (.) baufach (.) Anders
    03      verläuft; (2) dass die (-)
->  04  B:  was bezEichnen [sie ] als der [klAssische]
    05  I1:                [dass]         [na ja=eh: ] ((…))
```

В качестве примера СД-репаратуры можно привести такое коммуникативное действие, как подсказка слова в ситуации, когда один участник общения намеренно или непроизвольно дает знать другому, что он испытывает трудности с формулировкой (инициирует репаратуру), а другой предлагает вариант решения коммуникативной проблемы (совершает репаратуру):

```
    01  I1: ((räuspert sich)) (1) <<acc>herr schÖffe; sie hattn
->  02      sich auf: grund unsrer ((blättert 5 sec))
->  03  B:  annOnce;
    04  I1: =annOnce in der (.) ef ah zet (1) oder in der (.) we
    05      ah zet bewOrbn.
```


ДД-репаратура представляет собой исправление части коммуникативного вклада собеседника в ситуации, когда он не сигнализирует о трудности в формулировке, однако собеседник по тем или иным причинам перенимает коммуникативную инициативу:

```
    01 I2: drEizehnte monatsgehalt,
->  02 I1: drEizehntes mOnatsgehalt
```

Оставляя в стороне вопросы структурной и последовательной организации репаратур, заметим лишь, что отдельные типы репаратур маркируются лексически и грамматически, что делает их узнаваемыми средствами решения отдельных классов коммуникативных проблем (Egbert, 2009).

На наш взгляд, СД-репаратуры и ДД-репаратуры можно рассматривать как коммуникативные практики отнятия автономии, как совершение коммуникативных действий за другого. Следует заметить, что под коммуникативной практикой в целом мы понимаем отдельное коммуникативное действие или их серию как неклассифицированную единицу интеракции (о понятии «коммуникативная практика» см.: Макаров, 2003: 191), в отличие от дискурсивной практики как языковой деятельности конституирования какой-либо сферы общения (см. п. 2.2).

В случае СД-репаратуры инициирующий репаратуру участник общения отказывается от своей коммуникативной автономии с целью продолжения коммуникации и дает знать собеседнику, что он нуждается в помощи. В случае ДД-репаратуры один собеседник отнимает у другого внешнюю коммуникативную автономию, не получив на то согласия, а руководствуясь своими собственными представлениями о том, что на данном этапе коммуникативного взаимодействия он должен по тем или иным причинам перенять коммуникативную инициативу (возможно, всего лишь на мгновение). Проиллюстрируем сказанное на примере отрывка транскрипта

лекции по управлению юридической компанией, которая ведется на английском языке для русскоязычной аудитории через переводчика.

Пример 3. Я английский язык не забыл

```
   01  Л:  GOOD. now we’v had three associates (1.5)
   02      (it gets a lot better;)
   03  П:  теперь мы добавляем трех (3.0) адвокатов (0.5)  [тут
   04  Л:                                                  [okey
   05  П:  ситуация у нас (--) <<p>у:::: > <<cresc>улучшается>
   06  Л:  we’v (-) eh:: done a little bit (---) here on: adding
   07      an associate’s ( ) seventy five thousand ap\ a peace
   08  ?:  ((laughs))
   09  Л:  or less; you know. to number okey? they need (-)
   10      additional staff so our cost go up to ( ) eleven
-> 11  П:  =wait
   12  Л:  now the associate (int\) (1.5) <<p, all>go ahead i’m
   13      sorry>
   14  П:  so ww (1.5) why exactly would it cost seventy five
   15      thousand dollars to  [::::
   16  С:                       [он рассказывает что если м\ если
   17      ты хочешь аэ:: изменить ситуацию например, рассмотрим
   18      что (-) кЫ тем партнерам которые были добавить трех
   19      ассоциатов.(-) добавляя трех ассоциатов по
   20      семист=пять тысяч каждый? на них потребуется
   21      дополнительнЫй аэ обслуживающий аэ: персонал
   22      [(о том говоря) ((…))
-> 23  П:  [не. я=э: де\=де\ <<f>дело
-> 24      в том что я=Я английский язык не забыл> <<dim>меня
   25      интересует немножко другое; я просто (-) пытаюсь
   26      выяснить почему именно семсят=пять тысяч на каждого
   27      ассоциата то есть [вот>
   28  С:                    [да зэ=зэ\ виртуальная зарплата\
   29      будем считать что [это семст пять тысяч за ((…))
   30  П:                    [угу
```


В данном коммуникативном эпизоде переводчик (П) задает вопрос лектору (Л) относительно смысла только что им сказанного, т.е. инициирует репаратуру (14—15). В качестве маркера репаратуры выступают сигнал экстренного привлечения внимания (wait) и вопросительное слово (why). Однако лектор не успевает совершить репаратуру путем ответа на вопрос, так как один из слушателей (С), владеющий английским языком, отвечает на поставленный переводчиком вопрос за лектора и одновременно переводит только что сказанное лектором (16—21), т.е. отнимает у переводчика его коммуникативную автономию (рис. 3).

В терминах прагматики совершаемое им коммуникативное действие можно было бы назвать трансфером знаний (в частности, пересказом только что полученной информации) — он вводит в контекст общения, как ему кажется, ту пресуппозицию, без которой переводчик дальше переводить не смог бы. Он интерпретирует коммуникативное действие переводчика как просьбу о коммуникативной помощи, как некий сигнал SOS в ситуации, когда своими силами он не может справиться со стоящей перед ним коммуникативной задачей (осуществить последовательный перевод), тем самым слушатель совершает СД-репаратуру.

Переводчик, однако, не ратифицирует коммуникативный ход слушателя, расценивая его, с одной стороны, как покушение на свою автономию и, с другой стороны, как подрыв профессиональной компетенции (и, возможно, угрозу идентичности), что следует из лексического наполнения и супрасегментного исполнения первой части его ответного коммуникативного хода (<<f>дело в том что я=Я английский язык не забыл>), а также из того, что он поясняет, что проблема заключается не в том, что он чего-то не понял, а в том, что ему непонятна взаимосвязь сказанного лектором с предыдущим курсом повествования (я просто (-) пытаюсь выяснить почему именно семсят=пять тысяч на каждого ассоциата).

Мы рассматриваем С / ДД-репаратуру как способ отнятия внешней коммуникативной автономии в силу избавления собеседника от угрозы его социальному лицу (в терминологии Э. Гоффмана), что по интеракциональной форме следует признать проявлением коммуникативного патернализма. Однако в дальнейшем мы остановимся на исследовании случаев вторжения во внутреннюю автономию, поскольку они, в отличие от эпизодов отнятия внешней автономии, сопровождаются указанием причин, лежащих в основе этих действий. Высказывания по поводу того, почему один из участников общения считает себя вправе проникнуть в автономию другого, позволяют классифицировать то или иное действие как патернализм, с точки зрения эмического подхода. В случае же отнятия внешней коммуникативной автономии мы не можем судить о мотивах, лежащих в основе этих действий.

К числу коммуникативных практик вторжения во внутреннюю автономию (рис. 2), в первую очередь, следует отнести приемы речевого воздействия (суггестии), направленные на изменение картины мира коммуникативного партнера, на трансформацию его сознания, а также коммуникативные практики «коррекции, уточнения, редактирования уже сказанного» (Макаров, 2003: 198), в случае если уже сказанное, с точки зрения инициирующего патерналистское воздействие, нуждается в «суггестивной» переработке — в переубеждении или «переразъяснении».

Проблематика суггестии, или внушения, традиционно разрабатываемая в русле психологии, получила распространение и в науке о языке. Этой проблемой занимались Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Т.Г. Винокур, М.Я. Гловинская, Е.Л. Доценко, О.В. Иванова, В.И. Карасик, М.Н. Кожина, И.В. Сентенберг, И.А. Стернин и др. Под речевым воздействием И.А. Стернин понимает воздействие одного человека на другого или группу лиц при помощи речи и невербальных средств, совершаемое с целью достижения

каких-либо задач, поставленных говорящим перед собой. Степень достижения этих целей может свидетельствовать об эффективности общения. Суггестивность как коммуникативная категория затрагивает чувственно-эмоциональную сферу восприятия. Она создает некий положительный фон общения, доверительную и расслабленную атмосферу. Суггестивная функция высказывания реализуется в том, что оно подготавливает воспринимающее сознание к изменению картины, а не трансформирует ее насильственно. Суггестивность патерналистского воздействия заключается в создании «правильной», с точки зрения его инициатора, жизненной установки другого (Стернин, 2001: 4).

На уровне вербального взаимодействия суггестивность патерналистского воздействия находит выражение в таких директивах «внушающего» характера, как команда, совет, рекомендация, инструкция, запрет, а также актах оценки — одобрении (комплимент, похвала) или осуждении.

Модели медицинской коммуникации, ориентированные на более или менее активное участие пациента в диалоге, предусматривают соконструирование врачом автономии пациента в процессе выработки общего, а не единоличного решения, что достигается путем «суггестивной» переработки сказанного. В рамках данной модели происходит частичное вторжение в автономию (рис. 2): автономия, с одной стороны, ограничивается, с другой — соконструируется.

Пример 4. totalcheck

```
01  A:  herr ef, was liegt an?
02  P:  ich wollte eigentlich mal n totalcheck bei ihnen
03      machen
04  A:  hm
05  P:  so komplett (.) n freund von mir ist auch bei ihnen
06  A:  hm
07  P:  der herr ka
08  A:  ja
```

```
    09  P:  und der hat mir also empfohlen dass das hier (.) gut
    10      gemacht wird und so in der form wollt ich das auch
    11      machen mit belastung e ka ge und äh (.) die (.) lunge
    12      äh röntgen und so weiter
->  13  A:  ja hm und warum wollen sie das?
    14  P:  öff ((atmet aus)) ich bin jetzt sechsunddreißig und
    15      möchte da also ein bisschen vorbeugen
    16  A:  hm
    17  P:  und hab also in letzter zeit durch n bisschen stress
    18      und dann auch so manchmal das gefühl dass so meine
    19      substanz n bisschen abgebaut wird
    20  A:  ja
    21  P:  das ich auch teilweise manchmal herzschmerzen habe
```

В начале данного коммуникативного эпизода пациент формулирует причину визита к врачу — желание провести комплексное обследование организма (02—03). Решение о назначении той или иной медицинской процедуры является прерогативой врача, и высказанное пациентом желание провести процедуру и перечисление ее деталей (mit belastung e ka ge und äh (.) die (.) lunge äh röntgen und so weiter) диссонирует с его институциональной ролью. Врач возвращает коммуникацию из сферы оказания услуг в русло профессионального (медицинского) общения вопросом о том, почему пациент хочет провести комплексное обследование (13). Данным вопросом врач вторгается в сферу принятия решений пациента — он хочет проверить правильность понимания ситуации пациентом, установить степень рациональности его действий путем «заинтересованного» переспроса (актуализация категории суггестивности). В ходе дальнейшего общения выясняется, что пациент сам себе поставил диагноз (meine substanz n bisschen abgebaut wird; ich auch teilweise manchmal herzschmerzen habe), который врач вряд ли сочтет показанием к назначению комплексного обследования организма. Вполне возможно, что врач в ходе дальнейшего обсуждения назначит пациенту иную процедуру и изначальный повод обращения к врачу окажется ошибочным с точки зрения профессионала.

В данном эпизоде коммуникация между врачом и пациентом протекает в модусе партнерского диалога (принцип диалогической симметрии): и врач, и пациент обладают равными возможностями в построении диалога; врач вторгается в автономию пациента, не отнимая ее (функциональная асимметрия), поскольку это является одной из составляющих его институциональной роли. Врач помогает пациенту осознать, в чем должно заключаться медицинское вмешательство на основе тех данных, которые пациент предоставляет ему в ходе диалога.

Для того чтобы проиллюстрировать общую патерналистскую окрашенность медицинского дискурса, представим себе, что тот самый пациент пришел в аптеку и попросил у продавца выписанное ему врачом лекарство. Скорее всего, ответной реакцией продавца будет акт продажи лекарства, а не вопрос о том, почему пациент хочет купить именно это лекарство. В данном случае границу между медицинским и консьюмеристским дискурсами можно провести по признаку возможности и вероятности вторжения в автономию другого в момент запроса услуги или товара.

В рамках медицинского дискурса практика вторжения в автономию пациента институционализирована. На наш взгляд, в такой форме выражается необходимость решения проблемы иррациональности субъекта общения, которая для медицинского дискурса имеет первостепенное значение, так как от степени правильности понимания ситуации врачом в конечном итоге будет зависеть здоровье пациента. Первоначальным источником данных, необходимых врачу для принятия решения о методах лечения, является сам пациент. От степени правильности описания симптомов пациентом зависит и успех работы врача. Вторжение в автономию в данном случае является не только конвенцией жанра терапевтической беседы, но и приемом мониторинга пре-

суппозиций коммуникативного партнера. На наш взгляд, проверка коммуникации на правильность пресуппозиций, т.е. мониторинг рациональности действий коммуникативного партнера, является одним из основных процессов патерналистской коммуникации, который нам представляется наиболее удобным исследовать в рамках теории социальной категоризации.

Каждый раз, упоминая о ком-то, характеризуя его или оценивая, мы в той или иной степени актуализируем ту или иную социальную категорию — обозначаем место человека в социальной системе координат (студент, иностранец, начальник и др.). На отдельных этапах коммуникативного взаимодействия категоризация явно заметна, в то время как на других этапах этот процесс протекает в фоновом режиме. Однако вне зависимости от того, насколько «осязаемым» для коммуникантов является соотнесение чьей-либо персоны с той или иной социальной группой на данном этапе коммуникативного взаимодействия, этот процесс является релевантной «здесь и сейчас» величиной, влияющей на организацию интеракции как минимум на локальном уровне.

Как отмечает Т.Г. Стефаненко, социальная атрибуция, концепция которой была разработана психологами М. Хьюстоном и Й. Ясперсом, представляет собой интерпретацию поведения человека на основе его группового членства. Функция социальной атрибуции заключается в формировании и поддержании позитивной групповой идентичности в процессе сопоставления ее с другими группами и отграничения от них (Стефаненко, 1999: 12).

В настоящем исследовании предпринята попытка реконструировать процесс категоризации, т.е. процесс соотнесения личности человека с определенной социальной группой на основании его коммуникативного поведения, через атрибуцию ему иррациональности в ходе коммуникативного взаимодействия. Под иррациональностью понимается выражение находящегося за пределами разума, алогического или неинтеллектуального, несоизмеримого с рациональным или даже противоречащего ему мышления (БСЭ, 1972: 1333). Когнитивная категория иррациональности была выбрана нами в качестве предмета анализа, поскольку в философско-правовой концепции патернализма именно иррациональность рассматривается как повод для патерналистского вторжения в автономию индивида (Aaken van, 2006: 109).

Так, Й. Гизингер оправдывает педагогический патернализм, т.е. патернализм в воспитании детей, тем, что дети, в отличие от взрослых, не способны принимать рациональные решения (Giesinger, 2005: 7—8). Однако, как показывают эксперименты в области экономики денег, взрослые в определенных ситуациях также оказываются не в состоянии сформулировать четкие и ясные приоритеты. Их действия могут напрямую зависеть от обстановки, в которой они находятся, от когнитивных возможностей и от внешнего информационного воздействия. Иррациональность чьих-либо действий может явиться поводом для нормативного вмешательства в автономию индивидуума и получить закрепление в форме правовой нормы (Aaken van, 2006: 110).

Основываясь на размышлениях исследователя патернализма А. Ван Аакен, мы понимаем под иррациональностью кажущуюся или наличествующую ошибочность суждений индивида и готовность руководствоваться ими в совершении каких-либо действий. Говоря далее об иррациональности, мы будем иметь в виду атрибутированную, или приписываемую индивиду, иррациональность, поскольку, на наш взгляд, иррациональность в межличностной коммуникации обнаруживает себя часто как относительная, а не абсолютная когнитивная категория: разным людям одни и те же суждения могут показаться как ошибочными, так и взвешенными и продуманными.

Процесс атрибуции иррациональности мы анализируем с привлечением модели социальной категоризации, разработанной немецким ученым Х. Хаузендорфом (Hausendorf, 2002). Под социальной категоризацией автор понимает интерактивное, т.е. протекающее в ходе межличностного вербального взаимодействия, конструирование принадлежности коммуниканта к определенной социальной группе (профессиональной, возрастной, этнической и т.п.). В основе модели Х. Хаузендорфа лежит так называемый механизм категоризации членства (англ. member categorization device) — схема анализа процесса социальной категоризации, разработанная основателем конверсационного анализа Х. Саксом.

В своей концепции Х. Сакс исходит из двух наблюдений: 1) посредством актуализации определенных когнитивных категорий (membership categories) в ходе вербального взаимодействия люди становятся узнаваемыми как представители определенных социальных групп и соответственно классифицируются как таковые; 2) эти категории составляют совокупности и формируют механизмы (membership categorization devices). Например, слова «мама» и «малыш» могут быть рассмотрены как категории из одной и той же совокупности, в которую также входит слово «папа». Механизм этой совокупности, в которую входит и ряд других слов, можно назвать словом «семья» (Sacks, 2000: 417—418).

Х. Хаузендорф видит недостаток модели Х. Сакса в том, что она ориентирована в большей степени социологически и в малой мере пригодна для лингвистического анализа межличностной коммуникации. Немецкий ученый строит на ее основе собственную модель, ориентированную на анализ языкового аспекта межличностной коммуникации. На примере анализа принадлежности коммуникантов к западной или восточной немецкой лингвокультурам автор рассматривает категоризацию как коммуникативный конструкт, создаваемый участниками коммуникации по ходу ее развития. В этой связи он говорит о конверсационной, или вербально-интерактивной, организации культуры (а также других механизмов) как об актуализации категорий членства в тот или иной момент общения.

Анализ членства, или принадлежности к определенной социальной группе, как коммуникативной проблемы, которую участники общения решают общими силами, разворачивается на следующих уровнях:

- задачи (Aufgaben), которые должны быть решены в ходе конструирования принадлежности;
- способы (Mittel) решения отдельных задач;
- средства (Formen), которыми коммуниканты реализуют тот или иной способ решения той или иной коммуникативной задачи.

Далее автор дифференцирует уровень задач на частичные задачи, которые коммуникантам приходится решать в рамках решения задачи представления чьей-либо принадлежности к той или иной группе. Средства дифференцируются в зависимости от того, каким образом решается тот или иной комплекс (частичных) задач. Анализ на уровне средств предоставляет возможность эмпирической реконструкции способов решения отдельных задач.

К числу задач, которые должны быть решены в ходе интеракции во время представления принадлежности, относятся следующие:

1) соотнесение (Zuordnen), представляющее собой актуализацию принадлежности с помощью особых категорий принадлежности (die meinungsfreiheit die gabs bei uns nicht);

2) атрибуция (Zuschreiben), представляющая собой выражение различных свойств и способов поведения, связанных / ассоциирующихся с определенными категориями принадлежности (wir waren auch fleißig);

3) оценка (Bewerten), представляющая собой обнаружение отношения к свойствам и формам поведения, ассоции-

руемым с определенными категориями принадлежности (na du blöder osti).

Соотнесение, или прямое обозначение групповой принадлежности, является для коммуникантов простейшим способом показать, что принадлежность к определенной группе на данном этапе разговора является релевантной для интеракции величиной. Атрибуция — это (интерактивное) представление свойств, качеств, моделей поведения, характерных для определенной группы. Оценка представляет собой (интерактивное) обнаружение обычно эмоционально окрашенного отношения к определенным характеристикам группы.

В зависимости от степени интеракционной релевантности конкретной задачи автор выделяет следующие способы ее решения:

- упоминание принадлежности;
- подчеркивание принадлежности;
- разъяснение принадлежности (Hausendorf, 2002: 31).

Различие между данными способами решения задач представления членства заключается в степени их эксплицитности и относительной интеракционной релевантности. Автор поясняет это на примере решения задачи «соотнесение». При упоминании принадлежности соотнесение сигнализируется минимально эксплицитно как известная обоим коммуникантам, ранее введенная в ситуацию общения интерактивная величина (ich hatte noch nie in meinem leben son euphorisches gefühl wie zu der wendezeit).

При разъяснении соотнесение выражается максимально эксплицитно. Характерным для разъяснения является упоминание места происхождения или эксплицитная отсылка к группе, которые помогают четко и ясно провести соотношение (sind eh sie eh deutscher?). Во время подчеркивания принадлежности соотнесение происходит в достаточно эксплицитном виде, однако при этом в разговоре не возникает особой надобности в разъяснении принадлежности. Она

воспринимается как дополнительный релевантный признак интеракции (bei ihnen wer sich bilden wollte der konnte das ...aber bei uns wer / selbst wenn sie gewollt habm wie hätten ses den machen sollen).

Средства подчеркивания неоднородны. Они охватывают уровни слова, выражения и текста. Особым видом подчеркивания выступает практика раз- и отграничения (Ab- und Ausgrenzung), суть которой сводится к актуализации и разграничению категорий «свой» и «чужой» (also ich komm mir hier völlig fremd vor).

Непосредственную лингвистическую реализацию способов решения задачи соотнесения личности человека, о котором идет речь, с социальной группой, можно проанализировать на уровне средств. Средства для изложенных выше примеров приведены в табл. 4 (Hausendorf, 2002: 33—35).

Таблица 4. Способы и средства решения задачи «соотнесение»

Способы соотнесения	*Средства*	*Примеры*
Упоминание принадлежности	• темпоральный индикатор	ich hatte noch nie in meinem leben son euphorisches gefühl wie zu der wendezeit
Подчеркивание принадлежности	• слушающий во мн. ч., • говорящий во мн.ч., • противительный союз, • смещение влево[4]	bei ihnen wer sich bilden wollte der konnte das ...aber bei uns wer / selbst wenn sie gewollt habm wie hätten ses den machen sollen
Разграничение	• лексема fremd	also ich komm mir hier völlig fremd vor
Разъяснение принадлежности	• родовой предикат	sind eh sie eh deutscher?

[4] Термин эмергентной грамматики немецкого языка — Linksausstellung (Schwitalla, 2003).

В рамках данной модели автор анализировал немецко-немецкий дискурс на предмет способов «коммуницирования» чужеродности (kommunizierte Fremdheit) при решении задачи «соотнесение» с коммуникативными практиками раз- и отграничения, т.е. практиками актуализации межкультурных различий. Мы также используем этот аналитический подход в нашем исследовании, однако уделяем внимание другому его аспекту — «атрибуции» в силу специфики исследовательской задачи, стоящей перед нами.

Вопрос атрибуции иррациональности важен в рамках настоящего исследования, потому что она может стать первым шагом на пути вторжения в автономию, выступив в роли аттрактора патерналистского воздействия. Факт кажущейся утраты рациональности одним коммуникативным партнером может подтолкнуть другого к конструированию ситуации опеки, которая, если рассуждать в терминах теории автономии, выражается в соконструировании чужой автономии (совершении коммуникативного действия совместными усилиями) или замене ее собственной автономией (совершении коммуникативного действия за другого). Иными словами, там, где происходит тематизация рациональности (или иррациональности) в эксплицитной или имплицитной форме, следует ожидать патернализма.

В приводимом ниже коммуникативном эпизоде собеседования при приеме на работу интервьюер атрибутирует иррациональность соискательнице. Разговор разворачивается в контексте обсуждения представлений соискательницы о работе, которой она хотела бы заниматься в банке. По мнению интервьюера, соискательница в своем представлении не учитывает одного важного аспекта, что становится для него симптомом ее иррациональности.

Пример 5. es gibt eine funktion

```
01  B:  und (-) ich bin natürlich gerne bereit; (.) dann (.)
02      noch nen bisschen (-) prAktikum zu machen, (.) kein
03      problEm, (-) wenn sie das gErne; (1,4) anstreben (-)
```



```
04      wÜrden. <<cresc>[um dann nochmal genAu]>
05  I:          <<f>    [also sIe sagn aber   ]> (1)
06      <<acc>tschuldigung.>
07  B:  in wErtpapiere; (-) nochmal bisschen rEinzuriechn? (1)
08  I:  'h (0,9) ja. (-) wErtpapier (-) <<f>[also es gIbt]
09  B:                                      [ansonstn    ]
10  I:  eine ganz (.) ganz (.) ganz (.) wichtige (-)
11      funktIon>. das ham sie noch nIcht; (-) ganz begrIffn.
12      (-) aber dAs=ist=eh (0,9) werdn (.) sie dAnn begriffn;
13      (0,6) begrEifn; (0,9) <<rall>wenn: sie (-) das nIcht
14      können>. (.) es gibt Eine funktion, (-) das ist das
15      (.) berAtungs (.) und servicetEam. (1)
16  B:  mhm; (-)
17  I:  'h (-) ehm (1,2) Alle bewerber (-) redn natürlich
18      immer von (.) kredItabteilungn; (.) von
19      firmenkundengeschÄft; (1,7) von=eh:m (1,5)
20      individuAlkundenbereich; (-) von (1) alles
21      mÖglichem. (1) aber (0,6) <<rall>das grUndlegende
22      bankgeschäft>. (1,7) eh (-) die (.)
23      schAltertätichkeit; (.) <<dim>wie sie immer so schön
24      gesacht hat>? (1) ehm (-) also das (-) berAtungs und
25      serviceteam. ((…))
```

В данном коммуникативном эпизоде соискательница говорит о том, что по завершении практики, с прохождения которой интервьюер порекомендовал ей начать профессиональную деятельность, она хотела бы начать работу в отделе ценных бумаг. Она формулирует свое мнение прямо (07) путем достраивания коммуникативного хода интервьюера, на мгновение сместившего фокус коммуникации с целью извинения за какое-то неловкое действие (06). Интервьюер осознает, что она неверно интерпретировала его предыдущее высказывание, в котором он советовал ей начать работу в банке в качестве практикантки в отделе работы с клиентами (berAtungs und serviceteam). Он предваряет свой коммуникативный ход паузой (0,9 с.), что может свидетельствовать о его несогласии с мнением соискательницы. Своим ком-

муникативным вкладом интервьюер сначала ратифицирует предыдущий ход как ресурс для дальнейшего развития коммуникации введением маркера ja, а затем тематизирует симптом иррациональности соискательницы, изолируя из ее предыдущего коммуникативного вклада источник проблемы (wErtpapier). По его мнению, она не осознает всей важности умения работать с людьми (08—15), которому она может научиться только в отделе работы с клиентами. Он разъясняет соискательнице, в чем заключается ее заблуждение, т.е. процесс атрибуции происходит эксплицитно. Интервьюер кодирует свою интенцию следующими средствами:

- «примитивный» синтаксис (предикации es gibt, das ist);
- анафора (именная группа es gIbt eine funktIon обрамляет тематизацию иррациональности);
- интенсификация путем простого повторения (eine ganz (.) ganz (.) ganz (.) wichtige (-) funktIon);
- паузации;
- замедление речи (<<rall>wenn: sie (-) das nIcht können>.);
- введение глаголов, указывающих на дееспособность (begreifen, können), и расположение перед ними ударного отрицания nIcht.

Троекратным повторение лексемы ganz он подчеркивает важность профессионального качества, которое, по его мнению, должна приобрести соискательница, и вместе с тем высокую степень иррациональности ее решения. Мы рассматриваем данную коммуникативную структуру как экспликацию интервьюером индивидуальной нетерпимости к иррациональности и как признак включения механизма коммуникативной обработки иррациональности субъекта общения. Интервьюер атрибутирует соискательнице иррациональность на основе недостатка у нее профессионального опыта (11—13). Соискательница ратифицирует данный коммуникативный вклад, сигнализируя готовность слушать дальше (16).

В своем следующем коммуникативном ходе интервьюер соотносит атрибутированную иррациональность с определенной социальной группой и тем самым соотносит соискательницу с группой «соискатели» (Bewerber) путем упоминания (маркер известного знания natürlich), которое реализовано как генерализация (Alle bewerber). Из этого можно сделать вывод, что он атрибутирует иррациональность соискательнице как представителю группы соискателей, т.е. для него все соискатели иррациональны в данной ситуации (все они заблуждаются в своем видении начала работы в банке). Категория «соискатели» довольно специфична и является частью совокупности категорий «молодость», о чем мы можем сделать вывод, проанализировав дальнейший курс развития коммуникации.

В следующем эпизоде, являющемся продолжением разговора о представлении соискательницы о начале работы в банке, интервьюер тематизирует свой возраст.

Пример 6. knapp unter vierzig

```
01  I:  gesamtbank hat (-) knapp unter vIerzich? (-) <<p>also
02      dAs=ist=eh>; (.) wir sind also (-) Alle haha
03      [ziemlich junges team]; (-) ich bin mit mEinen
04  B:  [(richtich) jung     ]
05  I:  achtunddreißich jahrn (-)
06      sogar schon zu den <<lachend>ältesten> haha ja das
07      ist (-) denk ich ((…))
```

Сопоставляя эти два коммуникативных эпизода, можно заметить, что соотнесение персоны соискательницы с группой является лишь частью более обширной практики, а именно практики раз- и отграничения. Подчеркивая свой возраст (что в данном случае можно считать вторичной релевантной для построения коммуникации информацией), интервьюер противопоставляет себя как профессионала, знающего, с чего нужно начать работу в банке соискательнице, имеющей лишь смутное представление об этом, как и все члены группы «соискатели». Таким образом, иррацио-

ональность в рамках данного коммуникативного эпизода атрибутируется группе «молодость» в целом.

Факт атрибуции иррациональности еще не является выражением патернализма в строгом смысле слова. Атрибуция должна быть осознана участниками коммуникации как маркер коммуникативной проблемы. Совместными усилиями они должны решить задачу снятия иррациональности, поскольку она, с очевидной долей вероятности, «парализует» коммуникацию в ее стратегическом развертывании. Одним из способов устранения иррациональности, на наш взгляд, является коммуникативная опека, которая, однако, может как остаться невостребованной, так и быть инициированной самим «иррационально» действующим коммуникативным партнером. В связи с этим представляется необходимым расширить анализ коммуникативного патернализма и затронуть такой его аспект, как взаимообратность.

Основу для изучения данного аспекта предлагает понимание патернализма как взаимообратных отношений между патроном и клиентом, представленное в работах М.Н. Афанасьева, С.Н. Айзенштадта и Л. Ронигера, В.В. Радаева и др.

Для М.Н. Афанасьева, В.В. Радаева и ряда других исследователей патернализм реализуется через обмен политической или личной лояльности на материальные блага или социальные гарантии: «На макроуровне низшие слои обменивают свой производительный труд и политическую лояльность на устойчивость и неуязвимость своего положения» (Радаев / Шкаратан, 1995: 210). Это не просто двусторонний обмен, а взаимозависимость: клиент нуждается в опеке со стороны патрона, в то время как патрону необходима лояльность клиента. Иными словами, действия патрона и действия клиента находятся в отношениях дополнительности друг к другу — одни порождаются и ратифицируются другими.

В целях представления принципа взаимообратности патрон-клиентных отношений как коммуникативного конструкта обратимся к основным теоретическим моделям коммуникации. На сегодняшний день теория коммуникации располагает не одним десятком авторских моделей коммуникативного процесса. Все их можно распределить по трем группам: 1) информационно-кодовые модели; 2) инференционные модели и 3) интеракционные модели (Макаров, 2003: 33).

В понимании феномена межличностной коммуникации в данной работе мы придерживаемся интеракционной модели, выдвигающей в качестве ведущего принципа принцип взаимодействия коммуникативных партнеров на пути построения коммуникации. В рамках указанной модели процесс нахождения смысла в общении объясняется не фактором языка, а фактором коммуникации как социальной практики. Общение протекает независимо от того, хотят ли этого участники общения — в ходе социального взаимодействия они невольно «демонстрируют» смыслы.

Важная роль в контексте интеракционной модели отводится воспринимающему другому. Процесс демонстрации смыслов и их интерпретация были бы невозможны без соучастия другого. Это происходит посредством совместного осмысления социальной действительности на пути достижения интерсубъективности. Этот принцип абсолютизируется в этнометодологическом подходе к толкованию социальной действительности в целом (этнометодологическая феноменология) и вербальной интеракции в частности (конверсационный анализ). Особенность этнометодологического понимания интеракции заключается в том, что в основу моделирования процесса помещается понятие конструирования смысла совместными усилиями коммуникантов: «"Онтологическим допущением" этнометодологии является представление о конститутивном характере социальной реальности как о продукте повседневных взаимодействий и интерпретаций <...>» (Смирнова, 2009: 295). В ходе общения достигается согласие участников относительно конструирования общего, разделяемого всеми собеседниками смысла происходящего.

По мнению Э. Щеглова, фундаментальным типом организации вербальной интеракции является организация последовательностей (sequence organization) действий (actions), которыми интерактанты конституируют некую деятельность (activity) в процессе говорения (например, просят, спрашивают, хвалят, рассказывают, называют друг друга по имени и т.д. по ходу совершения какой-то более обширной деятельности, например, проведения интервью) (Schegloff, 2007). Понятие действия в конверсационном анализе соотносимо с понятием иллокутивного эффекта в теории речевых актов (Austin, 1975; Searle, 1997; Wunderlich, 1976).

Однако в то время как теория речевых актов пыталась ответить на вопрос, как манифестируется то или иное действие (что делает данное высказывание, например, обещанием?), конверсационный анализ исходит из наблюдений за тем, посредством каких коммуникативных практик (practices) был сконструирован тот или иной отрезок разговора и какое действие было совершено посредством этих практик. При этом исследователь отталкивается не от самого высказывания, а от реакции на это высказывание как от его интерпретации другим участником общения. Например, явление повторения предыдущего высказывания представляет собой одновременно и подтверждение, и согласие и не может быть классифицировано однозначно в терминах теории речевых актов, поскольку для такого действия (как в английском, так и в русском языках) не существует отдельного концепта (Schegloff, 2007: 8). В части анализа интерактивного аспекта патерналистской коммуникации настоящее исследование ориентировано на методику конверсационного анализа (см. п. 1.7).

Интеракционный подход к коммуникации позволил П. Вацлавику сформулировать ряд аксиом коммуникации. Для нас представляет интерес аксиома симметричного и комплементарного, т.е. основанного на дополняющих друг друга структурах, взаимодействия, позволяющая операционализировать аспект взаимообратности патерналистского

общения. Аксиома гласит: «Все коммуникативные взаимообмены или симметричны, или комплементарны, в зависимости от того, основаны они на сходстве или на различии» (Вацлавик, 2000: 67).

В основе отношений между людьми лежит или равенство, или различие. В первом случае коммуниканты стараются подражать поведению друг друга, поэтому их отношения могут быть названы симметричными. Во втором случае один коммуникант своим поведением дополняет поведение другого. Этот тип взаимодействия может быть назван комплементарным. Симметричные отношения характеризуются равенством и минимизацией различий, в то время как особенностью комплементарного взаимодействия является доведение различий до максимума (Основы теории коммуникации, 2003: 343).

В комплементарном взаимодействии П. Вацлавик выделяет два аспекта — ведущую и подчиненную позиции. «Один партнер занимает высшую, важнейшую или "ведущую" позицию, а другой — подчиненную, вторичную, или "ведомую". <...> Комплементарные взаимоотношения могут быть обусловлены социальным и культурным контекстом (в случае общения матери и ребенка, врача и пациента, учителя и ученика), своеобразным взаимоотношением особенной диады. В любом случае, взаимоотношения соединены тем, что непохожие поведения вызывают друг друга. Один партнер не навязывает комплементарного взаимоотношения другому, скорее каждый ведет себя так, как предполагает, и в то же самое время подразумевает поведение другого...» (Вацлавик 2000: 66—67).

Мы полагаем, что в сфере непосредственной межличностной вербальной коммуникации взаимообратность патерналистского взаимодействия проявляется как набор комплементарных коммуникативных действий: коммуникативная роль патрона (эксперта) обусловливает коммуникативную роль клиента (дилетанта) в той же степени, что и коммуникативная роль клиента (дилетанта) обусловливает

коммуникативную роль патрона (эксперта). Комплементарность как параметр патерналистской коммуникации должна, на наш взгляд, обнаруживать соответствующие интерактивные характеристики и кодироваться лингвистически. Иными словами, экспликация патерналистского воздействия посредством некой коммуникативной практики, должна быть встречена определенной реакцией — комплементарной практикой принятия или отклонения коммуникативной опеки. Основу анализа принятия / отклонения коммуникативной опеки как одного из процессов патерналистской коммуникации составляет исследование ее знаковой организации.

1.4. Семиотика патерналистского взаимодействия

Знаковый анализ феномена коммуникативного патернализма возможен в рамках конструкционистски ориентированной теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф. Не углубляясь в основы теории дискурса, отметим, что в рамках социального конструкционизма термин «дискурс» применяется для представления идеи о том, что язык структурирован в соответствии с некими паттернами, которые обусловливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни (например, политической, военной, медицинской).

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф основана на идее о том, что дискурс формирует социальный мир через значения. Значение, в свою очередь, не постоянно, поскольку язык находится в процессе постоянного изменения. По этой причине ни один дискурс не является завершенным. Дискурсы постоянно изменяются вследствие контакта друг с другом. Ключевой в этой теории является идея о том, что различные дискурсы ведут борьбу за фиксацию значения в языке.

В рамках данного подхода дискурс трактуется как совокупность фиксированных значений в пределах специфической области. Все знаки внутри дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф называют *моментами*. Их значения закреплены

посредством отличий друг от друга, т.е. значение отдельного знака определено его отношением к другим знакам. Дискурс сформирован благодаря частичной фиксации значений вокруг некоторых *узловых точек*. Узловую точку Э. Лакло и Ш. Муфф определяют как «привилегированный знак, вокруг которого упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки» (Йоргенсен / Филлипс, 2008: 57). При рассмотрении патерналистской коммуникации как части какого-либо (например, медицинского) дискурса ее узловой точкой, на наш взгляд, можно признать знак «забота», вокруг которого выстраивается система значений таких знаков, как «автономия», «самостоятельность», «рациональность» и др. Они приобретают свое конкретное значение в связи с этим знаком.

Фиксация значений знаков и конституирование дискурса возможно за счет исключения всех других возможных значений знака, всех других возможных способов, которыми знаки могут быть связаны друг с другом. Таким образом, дискурс предстает как ограничение возможностей, как «попытка остановить незаметное "скольжение" знаков по отношению друг к другу» (Йоргенсен / Филлипс, 2008: 57). Все те возможности, которые дискурс исключает, Э. Лакло и Ш. Муфф называют областью дискурсивности: «Область дискурсивности — это резервуар для "добавочных значений", возникающих в артикуляционной практике (о ней речь пойдет чуть ниже), т.е. значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определенным дискурсом ради создания единства значений» (Йоргенсен / Филлипс, 2008: 57). Патерналистская коммуникация как часть дискурса, на наш взгляд, конституируется за счет того, что ее суть оспаривается иными дискурсами, определяющими заботу не как легитимное вмешательство в дела другого, а как исчерпывающее информирование индивида о возможностях выбора и риска, которые выбор этих возможностей влечет за собой (например, делиберативная модель отношений между врачом и пациентом).

По мнению М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс, Э. Лакло и Ш. Муфф недостаточно четко определяют область дискурсивности. Остается не ясным, как именно следует рассматривать область дискурсивности: как массу возможных значений или как структуру, возникающую в результате взаимодействия конкурирующих внутри нее дискурсов. Например, в медицинском дискурсе футбол не является темой разговора, но теоретически он может стать предметом разговора. Значит ли это, что элементы дискурса о футболе входят в область дискурсивности медицинского дискурса? Или, скорее, к области дискурсивности медицинского дискурса следует относить элементы дискурса об альтернативной медицине? М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс предлагают называть *областью дискурсивности* все возможные, исключенные конструкции значения (например, футбол по отношению к медицинскому дискурсу), а ограниченный перечень дискурсов, которые «борются» на одной и той же территории за одни и те же узловые точки, — *дискурс-строем*.

Еще одним важным понятием теории является понятие *элемента*. Элемент — это знак, значение которого не зафиксировано, он имеет многочисленные потенциальные значения, т.е. он полисемичен. Дискурс «пытается» преобразовать элементы в моменты, редуцируя их полисемию до фиксированного значения. Дискурс устанавливает закрытость, временную остановку изменения значений знаков. Однако переход от элементов к моментам никогда полностью не завершается из-за разнообразия значений, вторгающихся из области дискурсивности. Таким образом, знак «забота» можно рассматривать как элемент, поскольку существует несколько альтернативных способов его трактовки. Патерналистская коммуникация редуцирует элемент «забота» до момента путем однозначного определения («легитимное вторжение в автономию»), так же как и делиберативная, или совещательная, модель медицинской коммуникации («исчерпывающее информирование»).

Чтобы получить значение знака, редуцировать его полисемию, его необходимо расположить относительно других знаков. Это происходит посредством артикуляции. Э. Лакло и Ш. Муфф определяют артикуляцию как «любую практику, которая устанавливает отношение между элементами таким образом, что идентичность элементов меняется» (Йоргенсен / Филлипс, 2008: 59). Слово «забота» само по себе полисемично. Его идентичность определяется в процессе артикуляции посредством соотношения с другими словами. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова дает следующие определения слова «забота»:

1) беспокойство, беспокойное, обременительное дело. *Жить без забот. Много забот у кого-н. Заботы по хозяйству*;

2) мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-н. *3. о человеке*;

3) внимание, попечение, уход. *Окружить кого-н. заботой.*

Патерналистская коммуникации как часть дискурса актуализирует второе значение знака «забота», а именно «мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-н.».

Дискурс организуется вокруг привилегированных знаков — узловых точек. Однако эти знаки сами по себе пусты. Они получают точное значение, только оказавшись вписанными в дискурс посредством артикуляционных практик. Отдельные знаки могут быть предметом «борьбы» нескольких дискурсов. Такие знаки Э. Лакло и Ш. Муфф называют изменчивыми: «изменчивые знаки — это знаки, за которые "борются" различные дискурсы, чтобы наделить их значением своим особым способом» (Йоргенсен / Филлипс, 2008: 60). В то время как термин «узловая точка» относится к кристаллизации значений внутри дискурса, термин «изменчивый знак» относится к конкуренции между различными дискурсами за фиксацию значения наиболее важных знаков. Например, понятие «забота» — это узловая точка в дискур-

се, в рамках которого протекает патерналистская коммуникация, и изменчивый знак в борьбе между патерналистской коммуникацией и иными элементами иных дискурсов, предполагающими иное понимание феномена заботы.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что семиотически дискурс патерналистских отношений организуется вокруг знака «забота», значение которого оспаривается рядом «делиберативных» дискурсивных практик (т.е. практик, предполагающих самостоятельность того, кто попадает под заботу). «Патерналистская» трактовка знака «забота» как узловой точки определяет значения других элементов области дискурсивности — таких как «самостоятельность», «рациональность», «автономия» и др., редуцируя их до моментов патерналистской коммуникации.

1.5. Коммуникативные пространства патернализма

Сфера бытования патернализма не ограничивается лишь непосредственной межличностной коммуникацией, эта сфера включает в себя различные ситуации общения, в которых адресатом и адресантом патернализма могут выступать как отдельные люди, так и социальные группы, как социальные институты и их агенты, так и целые государства. Очевидно, что формы коммуникативной трансляции патернализма и реакции на него со стороны адресата будут совершенно разными в каждой из групп названных ситуаций. Однако все эти ситуации непосредственного или опосредованного, институционального или непринужденного общения объединяет то, что в них одна из сторон пытается решить или предотвратить возникновение проблемы иррациональности другой стороны. Данные ситуации общения могут быть объединены в группы, условно названные нами коммуникативными пространствами патернализма.

На основании проведенного исследования были выделены три коммуникативных пространства патернализма:

1) бытовой дискурс; 2) институциональный (профессиональный) дискурс; 3) дискурс государственного уровня.

Патернализм в бытовом дискурсе представляет собой непосредственное коммуникативное вмешательство в дела другого с целью решения проблемы атрибутированной иррациональности. Иррациональность атрибутируется субъекту общения в ходе построения интеракции и таким образом проявляет себя как относительная категория. В понимании специфики коммуникативного патернализма в бытовом общении мы во многом основываемся на интроспекции. Пожалуй, каждому, кто обладает хотя бы минимальным опытом межкультурного общения, знакома ситуация «гостеприимного запрета» в отношении гостя-иностранца. Так, автору данного исследования не раз приходилось быть свидетелем ситуаций, в которых принимающая сторона (представители русскоязычной лингвокультуры) чуть ли не силой заставляла гостя-иностранца, например, надеть шапку перед тем, как ему выйти на улицу, сопровождая свои действия фразой примерно такого содержания: «У нас в Сибири зимой на улицу без шапки не выходят». В качестве ресурса для построения патерналистской коммуникации в быту участники могут использовать самые разные средства, чтобы эксплицитно или имплицитно кодировать патерналистскую интенцию, которая может быть как самоцелью коммуникации, так и приемом решения точечной проблемы общения «здесь и сейчас». В качестве примера такого типа патернализма рассмотрим фрагмент разговора между двумя врачами, говорящими на немецком языке, пациентом-турком, не говорящим по-немецки, и дочерью пациента, выступающей в качестве переводчицы между отцом и врачами.

Пример 7. er macht gar keine diät

```
01  A1: [welche diät welche diät macht er?
02  D:  [mu di er macht GAR
03      keine diät. das ist
```

```
04  A1: hm
05  A2: hm
06  D:  auch n bisschen problematisch bei ihm
```

Врач (A1 от нем. Arzt) задает переводчице (D от нем. Dolmetscherin) вопрос, придерживается ли пациент какой-либо диеты. Адресацией вопроса не самому пациенту, а его дочери он актуализирует отношение родства между ними и деконструирует институциональный дискурс в повседневный, поскольку интеракция теперь протекает не между агентом института, языковым посредником и клиентом института, а между теми из них, кто владеет общим языковым кодом. Дочь ратифицирует этот поворот в развитии коммуникации тем, что она не переводит вопрос, а отвечает на него, не спросив отца. Иными словами, из двух потенциально возможных идентичностей — дочери и переводчицы — она выбирает первую. Кроме того, она добавляет комментарий от себя, тем самым деконструируя ситуацию институционального общения (и перевода) в ситуацию непринужденного общения со своей стороны.

Патернализм в данном коммуникативном эпизоде заключается в факте терциарной речи, т.е. диалога «в присутствии третьего лица (или третьих лиц), не участвующего в разговоре (т.е. молчащего наблюдателя), но влияющего на речевое и невербальное поведение коммуникантов и фактом своего присутствия (и влияния) формирующего особый вид диалога — диалог в триаде» (Харченко, 2008: 93). Участники коммуникации говорят о третьем участнике так, как если бы он при этом не присутствовал. Причем речь идет о его благе, но его мнением по этому вопросу остальные участники коммуникации не интересуются.

Компонентом иррациональности в данном коммуникативном эпизоде можно считать тот факт, что пациент не знает немецкого языка, по этой причине остальные участники разговора лишают его коммуникативной автономии.

Следует отметить, что второй присутствующий врач, активно не участвующий в разговоре на данном этапе, своим невмешательством в ход развития коммуникации также способствует манифестации «коллективного» патернализма по отношению к пациенту. Как представитель института он мог бы переадресовать вопрос, заданный коллегой, пациенту и попросить дочь пациента перевести вопрос. Вместо этого, сигнализируя активное слушание (hm), он вносит свой вклад в установление неинституциональной модальности общения.

Патернализмом на уровне институционального общения можно признать все те ситуации общения, в которых решение проблемы иррациональности в той или иной мере становится одной из задач, решаемых в рамках данного институционального дискурса (не только на уровне социальных институтов, но и внутри отдельной организации). Патерналистская «модальность» общения, как отмечалось выше, характерна для медицинского дискурса, а также образовательного (педагогического) дискурса. Возможно, это связано с тем, что данные типы дискурса как раз и решают проблему иррациональности другого. Медицинский дискурс призван восстановить дееспособность человека, которая в теории автономии понимается как внешняя автономия, или предотвратить ее утерю. В рамках же образовательного (и шире — педагогического) дискурса происходит «привитие» рациональности через трансфер знаний и норм поведения.

В институциональном дискурсе адресатом патерналистского воздействия мыслится некая социальная группа, потенциальная иррациональность которой для данного института является одной из ее характеристик. Иррациональность атрибутируется не ситуативно, как в случае патернализма в повседневном дискурсе, а является своего рода пресуппозицией коммуникации. Решение данной проблемы или ее предотвращение отчасти ситуативно и неотделимо от конкрет-

ной ситуации общения, отчасти генерализовано и отстранено от конкретной коммуникативной ситуации. В первом случае речь идет о непосредственном вербальном взаимодействии в рамках институционального, а не повседневного дискурса, во втором случае — об одностороннем информировании клиента.

В ситуативной реализации патернализма представитель института, агент, вступает в непосредственный (разговор лицом к лицу) или опосредованный (сообщение электронной почты) контакт с клиентом института. В качестве ситуативного институционального патернализма приведем фрагмент транскрипта урока в немецкой школе. Ученики обсуждают тему «Мода и тенденции», высказываясь по поводу того, стоит ли участвовать в формировании тенденций моды путем приобретения брендовых вещей.

Пример 8. Moden und Trends

```
LE: wir machen den fehler? dass wir (.) immer nur dieses
    absolute sehen ja? (-) wir müssen=s tendezieller
    glaub ich sehen ja? nicht einfach nur ja? und\ nein?
    sollte man trends mitmachen ja\ und nein? und
    punktum? (-) sondern (-) wo haben wir tendenzen wo
    können wir tendenzen feststellen.
    ((…))
LE: nun es (-) ich glaub es hilft uns weiter? (--) wenn
    wir (-) mit einem von nadine noch mal uns annehmen;
    (---) die frage können wir eigentlich schlecht mit ja
    (-) oder nein (-) beantworten. (---) wir können nicht
    sagen wir sollten sie mitmachen? (--) wir sollen sie
    nicht mitmachen. (—) ich hab glaube ich bei den
    meisten eben rausgehört? (-) also sie sind eigentlich
    dagegen sie mitzumachen; (-) weil man dann sowas (-)
    wie den verlust von persönlichkeit befürchtet. (-)
    auf der anderen seite? (.) werden trende aber auch
    mitgemacht? (-) weil sie einem gefeile (.) eh
    gefallen. (-) das heißt also? (-) oberstes (-) ziel?
    ist schlicht und einfach (-) die individuelle
    entscheidung. (-) die eigene persönlichkeit. (---)
    oder nicht?
KL: mh mhm ja;
LE: dann wurde von anderen gesagt? (--) viele trends kann
    man nicht mitmachen? (--) weil (-) geld fehlt. (---)
    jedoch aber eine groß ein großteil von Schülern geht
    arbeiten. (-) es gibt die bekannten ferienjobs? (-)
    manchmal wird unter der woche? noch gearbeitet, ich
    glaube von den zwölfern oder dreizehnern (.) arbeitet
    jeder zweite wenigstens? einmal in der woche
    regelmäßig. (---) wozu wird gearbeitet? (-) um des
    geld natürlich auszugeben, ja? was kauft man? (—) um
    bestimmten trends zu folgen? (-) also scheint doch
    einfach jetzt von dem verhalten her? ein
    unwahrscheinlich starkes (-) befolgen? von trends
    gegeben zu sein.
JU: mhm?
NA: aber man kauft ja nicht unbedingt um trends zu folgen
AN: ma gibt ja (-) geld (.) nicht nur für mode und so was
    aus. (-) ma geht ja auch mal was weiß ich? mit
    freunden irgendwo hin? (-) und (-) unternimmt, was
    (-) und dafür braucht man ja auch? geld;
JU: ja, ich glaub auch nicht dass (-) dass die nur
    arbeiten damit se geld? (-) für irgendwelche trends?
    kriegen; (—) man brauch ja auch so: (-) ganz normal?
    geld. (--) also wenn man sich normale kleidung? (-)
    vielleicht keine? trends kauft; ((…))
```

Роль учителя (LE от нем. Lehrer) потенциально патерналистична, потому что его работа заключается как раз в устранении иррациональности. По нашему мнению, в сфере образования это отсутствие знания, которым ученики (в транскрипте их высказывания обозначены сокращениями из двух первых букв имени) должны обладать по прошествии курса обучения. В приведенном коммуникативном эпизоде ученики должны отрабатывать навыки ведения дис-

куссии, отсутствие которых, на наш взгляд, можно рассматривать как элемент иррациональности, выступающий поводом для построения патерналистской коммуникации.

Учитель, вместо того чтобы дать возможность ученикам вести дискуссию друг с другом, замыкает обсуждение на себе. Ученики лишь комментируют его высказывания, не вступая в полемику друг с другом. На наш взгляд, он решает проблему иррациональности учеников предоставлением им своей рациональности (= умения вести дискуссию). Он учит их дискуссии на собственном примере, таким образом лишая их коммуникативной автономии. Он не просто модерирует обсуждение, распределяя коммуникативные ходы (mhm markus.) и резюмируя сказанное (also sie sind eigentlich dagegen sie mitzumachen; (-) weil man dann sowas (-) wie den verlust von persönlichkeit befürchtet), но насаждает тему обсуждения и собственную точку зрения по обсуждаемому вопросу (wir machen den fehler? dass wir (.) immer nur dieses absolute sehen ja? (-) wir müssen=s tendezieller glaub ich sehen ja? nicht einfach nur ja? und\ nein? sollte man trends mitmachen ja\ und nein? und punktum? (-) sondern (-) wo haben wir tendenzen wo können wir tendenzen feststellen.).

Патернализм в ситуации непосредственной интеракции конституируется в целом коммуникативными практиками «говорения за другого» (выбор учителем себя в качестве следующего говорящего, введение собственных и развитие интересующих учителя тем). Несмотря на то что нам неизвестны исследования коммуникации в учебном классе на предмет проявления патернализма или схожих явлений (распределение власти, авторитет и авторитарность в профессиональной коммуникации и т.п.), мы полагаем, что, подобно медицинскому дискурсу, в учебном (и шире педагогическом) дискурсе, вполне вероятно, могут быть обнаружены патерналистские модели отношений между учителем и учениками, характеризующиеся представлениями учителя о степени самостоятельности ученика в учебном процессе.

Решение проблемы иррациональности клиентов института как социальной группы достигается путем введения в институциональный дискурс норм и правил поведения посредством составления нормативных документов (правила, кодексы, распорядки и т.п.). Ознакомление клиентов института с «патерналистскими» нормами происходит посредством размещения на подведомственной институту территории общественных указателей (англ. public directives), представляющих собой по форме текстовые и звуковые объявления.

Как отмечает Я.Н. Еремеев, общественные указатели, по сути директивы, обладают символической властью: «социальная мифология сообщает нам, что все общественные указатели представляют некую высокую властную инстанцию, чьи распоряжения должны быть безусловно исполнены, а их неисполнение повлечет за собой определенные санкции со стороны той же властной инстанции <...> вне зависимости от наличия или отсутствия у авторов общественных указателей реальных власти и авторитета, категорично составленный текст вызывает у большинства адресатов чувство, что эта власть имеется и что они могут испытать на себе все негативные последствия неуважения к требованиям этой реальной или воображаемой власти. Однако <...> сила социальной мифологии относительна. Лица, создающие директивы <...> сознательно придают им форму, которая <...> уменьшала бы риск их *диалогизации*, осознанного, критического отношения адресатов к этим текстам и их требованиям» (Еремеев, 2008: 31—33).

Применяя терминологию Р. Барта (Барт, 1994), автор разграничивает первичный текст общественного указателя, представляющий собой директив (какое действие текст предписывает адресату), и вторичный, или мифологизированный, текст общественного указателя, представляющий собой текст указателя — трансформированный в сторону меньшей категоричности первичный директив. Авторы ди-

ректив прибегают к трансформации, чтобы чрезмерной категоричностью первичного текста не вызвать у адресатов сомнения в легитимности полномочий адресанта как лица, имеющего некоторую власть над адресатом.

В качестве примера патерналистского общественного указателя рассмотрим объявление, которое автор данного исследования обнаружил в гардеробе Дома истории ФРГ в Бонне.

Пример 9. videoüberwacht

Dieser Raum wird in Ihrem Interesse videoüberwacht.

Первичный текст данного указателя можно определить как запрет на воровство в гардеробе, организованном по принципу самообслуживания. Имплицитно он категоризирует адресата как потенциального вора, для предотвращения действий которого в помещении установлена камера видеонаблюдения. Для того чтобы избежать очевидной референции к адресату, автор текста прибегает к трансформации деперсонализации, облекая директив в конструкцию в страдательном залоге, субъектом в котором выступает помещение, а не люди, находящиеся в нем: «Dieser Raum wird videoüberwacht». Данная формулировка по-прежнему представляет угрозу социальному лицу адресата. Решить проблему позволяет введение патерналистской аргументации — указания на то, что наблюдение ведется в интересах адресата (in Ihrem Interesse), который более не категоризируется как вор (у себя украсть невозможно). Вторжение в приватную сферу — а видеонаблюдение, несомненно, является таковым — легитимируется заботой о тех, кто попадает в объектив камеры. Таким образом, компонент патернализма, вводящийся референцией к интересам посетителей, выполняет функцию смягчения категоричности директива и устраняет угрозу социальному лицу адресата.

Возникающая регулярно проблема иррациональности может получить институциональное решение. В зависимости от того, в какой сфере она возникает и какое распространение получает, можно разграничить государственный и институциональный типы патернализма. В случае государственного патернализма некая проблема иррациональности носит настолько серьезный характер и распространена настолько широко, что государство видит необходимость во вторжении в личностную автономию как отдельных граждан, так и социальных структур (например, частный бизнес) с целью предотвращения всякой возможности проявления иррациональности. Традиционно в рамках проблематики государственного патернализма рассматриваются процедуры правового регулирования вопросов биоэтики (Fateh-Moghadam, 2008).

Проблемы иррациональности менее глобального характера решаются в рамках отдельных социальных институтов, о чем говорилось выше. Иными словами, государственный патернализм — это вторжение государства в жизнь гражданина с целью превенции принятия им неоднозначного, с точки зрения государства, решения или совершения гражданином нежелательного для государства действия. Инструментом такого вторжения в автономию служит комплекс «патерналистских» (в терминологии А. ван Аакен) правовых норм и «патерналистская» образовательная деятельность (разного рода информационные кампании), направленная на формирование определенных предпочтений в ситуации принятия неоднозначного, с точки зрения государства, решения.

Стоит, однако, заметить, что «проводниками» государственного патернализма являются не тексты правовых норм сами по себе, а та дискурсивная деятельность, ресурсом которой они выступают, — деятельность по применению и совершенствованию этих норм, в которой так или иначе в роли медиаторов между государством и гражданином задействованы отдельные люди.

В качестве отдельной группы средств решения проблемы иррациональности гражданина государством А. ван Аакен выделяет группу коммуникативных средств:

1) наложение запрета и санкционирование разрешения в принятии определенного решения (Wahlverbote und Wahlgebote);
2) помощь в принятии решения (Wahlhilfe):
   а) изолированная помощь в принятии решения (isolierte Wahlhilfe);
   б) коммуникативная помощь в принятии решения (kommunikative Wahlhilfe) (Aaken van 2006: 124).

Наложение запрета на принятие нежелательного для государства решения имеет место в случае запрета на употребление наркотиков (под запретом находится решение принимать наркотики), обязательного ношения шлема во время езды на мотоцикле или использование ремней безопасности во время езды в автомобиле (под запретом находится решение не надевать шлем или не пристегиваться ремнями) и т.п. Санкционирование принятия желательного для государства решения представляет собой акт убеждения (например, добровольное пополнение накопительной части пенсии). Вербальными средствами реализации патернализма в данном случае следует признать тексты документов и нормативных актов, регламентирующих каждую из этих сфер. Рассмотрим один из них в качестве примера.

Пример 10. Общие обязанности водителей[5]

2. ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ

2.1. Водитель механического транспортного средства обязан:

<...>

2.1.2. При движении на транспортном средстве, оборудованном ремнями безопасности, быть пристегнутым и не перевозить пассажиров, не пристегнутых ремнями (допускается не пристегиваться ремнями обучающему вождению, когда транспортным средством управляет обучаемый, а в населенных пунктах, кроме того, водителям и пассажирам автомобилей оперативных служб, имеющих специальные цветографические схемы, нанесенные на наружные поверхности). При управлении мотоциклом быть в застегнутом мотошлеме и не перевозить пассажиров без застегнутого мотошлема.

[5] Правила дорожного движения Российской Федерации с изменениями, действующие с 1 января 2006 г. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — С. 8—9.

Проблема иррациональности водителей и пассажиров, выражающаяся в нежелании пристегиваться ремнями безопасности во время езды в автомобиле, решается на уровне государства посредством введения соответствующего правила дорожного движения и проверки его исполнения сотрудниками ГАИ (более широкая дискурсивная практика). Правило сформулировано как директив «водитель должен быть пристегнут» и как запрет «не перевозить». Патерналистская интенция данного текста заключается в том, что хотя соблюдение данного правила и не поможет избежать аварии (события нежелательного для государства), оно поможет спасти жизнь водителя / пассажира. Таким образом, государство, распространяя данные директиву и запрет, действует, в первую очередь, в интересах водителя и пассажира. Следует также заметить, что аспект блага не эксплицирован в данном тексте, поскольку этот текст, адресантом которого выступает государство, не нуждается в «вежливой» трансформации, в которой нуждаются общественные указатели.

Помощь в принятии решения предполагает информирование индивида о возможностях альтернативного выбора и их последствиях. Изолированная и коммуникативная помощь в принятии решения различаются формой реализации: первая представляет собой генерализацию и является односторонней; вторая протекает интерактивно и нацелена на определенного реципиента.

В качестве изолированной помощи в принятии решения (= всестороннее информирование с целью принятия взвешенного решения) могут быть рассмотрены обязанность предоставлять информацию (например, обязанность банка предоставлять информацию о реальной ставке кредита), государственные информационные кампании (например, антитабачные), назначение времени ожидания (например, при разводе). В качестве примера изолированной помощи в принятии решения можно рассматривать вербальные компоненты антитабачного дискурса, например, предупреждения о негативных для здоровья последствиях курения, размещаемые на упаковках сигарет.

Пример 11. Курение вредит

[Передняя сторона упаковки:]
Минздравсоцразвития России предупреждает:
КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

[Задняя сторона упаковки:]
Минздравсоцразвития России предупреждает:
КУРЕНИЕ — ПРИЧИНА ЗАБОЛЕВАНИЙ СЕРДЦА

[Боковая сторона упаковки:]
ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЗАПРЕЩЕНА

С точки зрения государства, курение является настолько серьезным проявлением иррациональности (добровольное нанесение вреда собственному здоровью), что оно обязывает производителя на каждой пачке сигарет размещать предупреждение Минздравсоцразвития о том, что курение наносит вред здоровью, и о том, что продажа сигарет несовершеннолетним запрещена. Коммуникативным эффектом приведенных выше и подобных им формулировок должен стать полный или частичный отказ курильщика от употребления сигарет. Патерналистская интенция данных текстов заключается в том, что государство, а не сам курильщик заботится о его здоровье посредством актуализации конкретных видов вреда, наносимого курением (актуализация пресуппозиции «Курение — причина Х-заболеваний»).

Такие тексты могут быть рассмотрены как объективации антитабачного дискурса, включающего корпус текстов, регламентирующих продажу и употребление сигарет (напоминания в местах продажи сигарет, санкции за курение в не отведенных для этого местах), информационные материалы в СМИ и повседневные разговоры о вреде курения.

Коммуникативная помощь в принятии решения может осуществляться с двумя целями: а) установления степени рациональности индивида, собирающегося принять неоднозначное для государства решение (например, провести эвтаназию) и б) выработки решения в ходе обсуждения (например, обязательные медицинские консультации в случае желания женщины совершить аборт). Данное средство решения проблемы иррациональности находит свое воплощение в обязательных консультациях.

Таким образом, мы определяем коммуникативный патернализм как способ непосредственной или опосредованной дискурсивной обработки или превенции иррациональности одного субъекта общения другим субъектом общения, реализующийся как статусно-ориентированный тип общения, в ходе которого актуализируется базовое статусное неравенство его участников как рационально и иррационально действующих, находящее свое отражение в процессе конструирования комплементарной ролевой пары «эксперт-дилетант».

Коммуникативный патернализм представляет собой не просто способ или модальность общения, он является коммуникативным процессом, обладающим собственной структурой и характеристиками. Поэтому в рамках прагмалингвистического подхода (Карасик, 2004: 239) мы рассматрива-

ем феномен коммуникативного патернализма как дискурс, а точнее интердискурс, в силу рассредоточенности конституирующих его элементов в нескольких разных дискурсах как «явления, находящиеся вне единства высказываний и вне единого текста» (Кашкин, 2005: 338), но представляющие собой узнаваемое целое (= опека в коммуникации и посредством коммуникации).

Согласно теории критического дискурс-анализа Н. Феарклафа ситуация интердискурсивности возникает, когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе, в одном коммуникативном событии (Fairclough, 1993). Интердискурсивность подразумевает взаимодействие между различными типами дискурса, процесс «переплетения» структур нескольких дискурсов в одной точке, в отличие от интертекстуальности, предполагающей отсылку к другому тексту или его фрагменту, а не их одновременную артикуляцию (Бахтин, 1995; Бочарникова, 2007; Сургай, 2008; Тичер / Мейер / Водак / Ветер, 2009).

Введение категории интердискурсивности позволяет обнаружить, например, в медицинском дискурсе элементы дискурса патерналистских отношений, концептуализированные в работах по медицинской коммуникации как патерналистская модель отношений между врачом и пациентом (Чеботарева, 2006). В уже приводившемся примере «meinen sie gar nicht» мы можем наблюдать одновременно процесс постановки диагноза (элемент медицинского дискурса) и процесс отнятия автономии у пациента (элемент дискурса патерналистских отношений). Включение в медицинский дискурс элементов дискурса патерналистских отношений является своего рода нормой. Такая комбинация одновременно поддерживает и установленный строй дискурса, и заведенный социальный порядок.

Понимание сути коммуникативного патернализма как дискурса определяет пути его изучения. Наиболее продуктивной теоретической основой изучения коммуникативного

патернализма, таким образом, должна являться теория дискурса. Кроме вскрытия сути коммуникативного патернализма как интердискурса, она позволяет привлечь к анализу формы разноуровневой коммуникации: устную речь в ситуации институционального и бытового общения, правовые нормы, информационные кампании и проч.

1.6. Патернализм в перспективе коммуникативно-лингвистического изучения

И.П. Сусов указывает на ряд значений термина «дискурс» (Сусов, 2006). Вслед за В.Е. Чернявской (Чернявская, 2006) мы разграничиваем эти значения на текстоориентированные, суть которых составляет представление о дискурсе как о совокупности тематически соотнесенных текстов (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, А.В. Олянич, Е.И. Шейгал, I. Bellert и др.), и на ситуативно-ориентированные, предполагающие соотнесение текста или эпизода непосредственной межличностной вербальной коммуникации с более широким социальным контекстом (В.В. Богданов, Д. Браун, К.Л. Пайк, С.Н. Плотникова, Дж. Юл, Z.S. Harris и др.). Вся совокупность приводимых автором определений может быть разделена в соответствии с тремя основными подходами к изучению дискурса: 1) текстолингвистическому; 2) социолингвистическому и 3) прагмалингвистическому (Карасик, 2004: 355). Путем интеграции релевантных для решения задач настоящего исследования положений данных подходов мы строим собственную модель анализа дискурса патерналистских отношений.

В рамках *текстолингвистического подхода* разграничиваются текст и «нетекст». Текст анализируется на предмет грамматической и смысловой связности. Исследователь определяет, почему последовательности высказываний (правильно и не совсем правильно построенных) воспри-

нимаются как целостное сообщение. В центре внимания оказываются такие категории текста / дискурса, как адресованность, тематическое и стилистическое единство, относительная смысловая завершенность, интерпретируемость, членимость, жанровая специфика и др. Хотя данный подход ограничивается рассмотрением лишь письменных текстов, мы находим его продуктивным в рамках настоящего исследования, поскольку в качестве иллюстративного материала мы привлекаем патерналистские по интенции тексты.

В рамках *социолингвистического подхода* выделяются личностно- и статусно-ориентированный типы дискурса. В случае изучения личностно-ориентированного дискурса исследователя интересует персона говорящего / пишущего во всем богатстве его личностных характеристик. В случае изучения статусно-ориентированного дискурса исследователь интересуется личностью говорящего / пишущего как представителя той или иной социальной группы. Личностно-ориентированный дискурс представлен в двух основных разновидностях — бытовое (обиходное) и бытийное (художественное и философское) общение. Статусно-ориентированный дискурс представлен множеством разновидностей, критериями выделения которых служат сферы общения и социальные институты (политический, деловой, научный и др.). Данный подход оказывается полезным при исследовании патернализма в институциональном общении.

В рамках *прагмалингвистического подхода* представляется возможным выделить дискурс патерналистских отношений как таковой на основании классификации типов дискурса по признаку конституирования в их рамках межличностных отношений определенного типа (например, фатический и информативный дискурсы).

При этом всякий раз, когда люди вступают в контакт друг с другом, они не просто обмениваются информацией — они создают и обновляют межличностные отношения, конструируют образы себя и другого, выражают свое отношение к действительности (т.е. создают дискурс). В связи с этим К.М. Шилихина замечает, что «дискурс — это не столько процесс передачи информации, сколько процесс создания отношений с помощью языковых средств. <...> наличие многомерных отношений между участниками коммуникации и внешним миром является основной характеристикой дискурса. Эти отношения не существуют вне дискурса: каждый раз, вступая в общение, мы создаем их заново различными способами, в том числе при помощи отбора языковых средств» (Шилихина, 2008: 185).

Эти многомерные отношения, на наш взгляд, могут быть соотнесены с моделью коммуникативных параметров, объединенных Д. Хаймсом акронимом SPEAKING (Hymes 1977): Setting (обстановка), Participants (участники), Ends (цели), Act sequence (последовательность действий), Key (тональность), Instrumentalities (инструментарий), Norms (нормы), Genres (жанры). Для решения задач настоящего исследования представляется необходимым объединить параметры в две группы и рассмотреть их в качестве основных характеристик дискурса патерналистских отношений. Это, во-первых, ситуация общения, представляющая собой совокупность обстановки, участников и тональности общения (Kistler, 2003: 15). Кроме этого, в ситуацию общения мы также включаем параметр «инструментарий». Во-вторых, это коммуникативный жанр, в связи с необходимостью анализа которого мы рассматриваем такие параметры, как жанр, цели, последовательность действий и нормы. Основываясь на результатах проведенного исследования, кратко охарактеризуем параметры дискурса патерналистских отношений.

Обстановка — это комплекс пространственно-временных факторов протекания коммуникации, ее хронотоп. Хронотопом патерналистской коммуникации мы признаем его коммуникативные пространства: бытовой, институциональный и государственный дискурсы.

Параметр «участники» объединяет те категории дискурса, которыми обозначают задействованных в процессе коммуникации лиц. В прагматике позиции участников коммуникации описываются в терминах социального статуса (например, статус эксперта) и социальных ролей (например, роль родителя). Социальные роли и — шире — статус коммуниканта, понимаемые как социальный конструкт, предписывают ему определенное коммуникативное поведение, определенную коммуникативную роль в рамках определенной ситуации общения. Коммуникативная роль определяется активной позицией индивида в процессе общения. В соответствии со своей ролью человек исполняет определенные обязанности и пользуется определенными правами. Так, в случае патерналистской коммуникации можно говорить о роли эксперта, предполагающей «попечительское» коммуникативное поведение, и роли дилетанта, предполагающей манифестацию позиции нуждающегося в коммуникативной опеке.

Под *тональностью* подразумевается эмоциональная модальность, в которой происходит или которую обретает общение на том или ином этапе (например, расслабленная или серьезная атмосфера). Как мы увидим позже, в институциональном контексте патерналистская коммуникация протекает в доверительной атмосфере.

Параметр «инструментарий» включает в себя технический аспект коммуникации: каналы (акустический, визуальный, тактильный и др.), сре́ды (устная, письменная, мультимедиальная), вспомогательные средства (дейктические, невербальные), органы восприятия. Собранный нами материал свидетельствует, что патерналистская коммуникация не замкнута на каком-то одном канале коммуникации и циркулирует не в одной лишь определенной коммуникативной среде. Ее элементы были обнаружены в самых разных типах коммуникации, выделяемых с точки зрения их технической реализации.

Интегральной для всех проявлений коммуникативного патернализма ситуацией общения мы признаем ситуацию заботы через запрет, которую как совокупность названных выше параметров коммуникации мы рассматриваем в рамках институционализированных форм общения, т.е. определенных коммуникативных жанров. В качестве локуса эмпирической базы исследования мы выбрали институциональное коммуникативное пространство патернализма ввиду высокой степени его формализованности и клишированности, на фоне которой элементы дискурса патерналистских отношений проступают отчетливее и могут быть легко изолированы от общего контекста общения с целью непосредственного изучения.

Отобранный нами для анализа материал[6] представляет собой 6 часов аудиозаписей собеседований при приеме на работу между восточными и западными немцами из исследования (Birkner, 2001). Аудиозаписи снабжены транскриптами (200 страниц). Поэтому далее наши рассуждения о коммуникативном патернализме будут вестись на основе анализа эмпирических данных с учетом аспекта их внешней коммуникативной среды, главным образом, коммуникативного жанра.

1.7. Дискурсивный анализ в рамках коммуникативного жанра

У термина «жанр» богатая история. Традиционно он является одним из центральных понятий литературоведения, где применяется при исследовании письменных текстов. В первой трети XX в. М.М. Бахтин первым применил термин «жанр» к исследованию устной речи, определив его как «типические формы высказываний», которые «организу-

[6] Сведения об участниках общения и даты записей приведены в приложении Б.

ют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы» (Бахтин, 1996: 181). Идеи М.М. Бахтина получили широкое развитие в отечественной и зарубежной науке. В 60-х годах XX в. интерес к жанрам повседневной речи возник в этнографии коммуникации (Auer / Luzio di, 1992; Duranti / Goodwin, 1992; Gumperz, 1982 /1990; Hymes, 1977). С 70-х годов XX в. лингвистика тоже занимается проблемой жанра на материале как письменных текстов, так и устной речи.

На сегодняшний день теория жанров речи, или коммуникативных жанров, разрабатывается в рамках ряда направлений коммуникативно-функциональной лингвистики. Условно можно выделить два основных направления изучения коммуникативных жанров: а) в русле теории речевых актов (проблема типологизации жанров) и б) в русле социолингвистики (проблема социального поведения в речевом общении). Среди отечественных ученых, внесших вклад в развитие теории жанров, следует, в первую очередь, упомянуть Н.Д. Арутюнову, И.Н. Горелова, В.В. Дементьева, М.Н. Кожину, Т.В. Матвееву, К.Ф. Седова, Г.Я. Солганика, Т.В. Шмелеву. Из работ зарубежных ученых по теории коммуникативных жанров наиболее значительными следует признать работы Й. Бергманна, Х. Котхофф, Т. Лукмана.

В нашем исследовании мы основываемся на концепции коммуникативных жанров, разработанной немецким социологом Т. Лукманом, так как находим предложенную им аналитическую схему весьма удобным инструментом для решения поставленных нами задач настоящего исследования.

Определяя коммуникативные жанры как интерсубъективные типизированные схемы действия и передачи опыта (Luckmann, 1986: 199), Т. Лукман сравнивает их с общественными институтами, призванными решать рекуррентные общественные проблемы. Коммуникативные жанры, в свою

очередь, являются, по мнению ученого, решениями рекуррентных коммуникативных проблем.

Концепция коммуникативных жанров помогает увидеть, что коммуникативные действия в своих вариациях ориентированы на некий образец, который служит определенной цели, характеризуется выбором определенных средств и предсказуем в своем развертывании. В попытке достижения этого образца участники общения эксплицируют свое знание правил жанра, т.е. актуализируют определенные социальные и культурные *нормы*, которые во многом определяют выбор и форму реализации отдельных параметров коммуникации. Для успешного общения участники должны обладать знанием о его нормах. О том, какая норма в данный момент коммуникативного взаимодействия является актуальной, участники сообщают друг другу прежде всего посредством контекстуализирующих указателей (Gumperz, 1982).

Коммуникативный жанр представляет собой культурно-специфичный способ решения коммуникативных проблем общественной значимости, превращающий их в «непроблематичные» проблемы. При решении коммуникативной проблемы по определенному образцу коммуниканты заранее структурируют свое взаимодействие, а заметные отклонения от схемы развертывания взаимодействия в рамках того или иного жанра воспринимаются как нарушение ожиданий и / или влекут за собой санкции (Ehlich / Rehbein, 1979).

Т. Лукман дифференцирует жанры по совокупности трех признаков: 1) по их социальной внешней структуре (Außenstruktur); 2) по материальной внутренней структуре (Binnenstruktur) и 3) по ситуативной промежуточной структуре (Zwischenstruktur) (Birkner, 2001: 36).

Понятие внешней структуры описывает отношения жанра и социальных структур, в которых он находит свою реализацию. На данном уровне устанавливаются общественные функции жанра и обусловленные ими цели интеракции. Далее определяются релевантные характеристики

среды бытования жанра (локус коммуникации: социальный институт, туристический поход, визит в гости и т.п.), коммуникативной ситуации (например, институциональность), а также тип взаимодействия акторов. Иными словами, это учет таких макрофакторов коммуникации, как пол, социальный слой и культурная принадлежность. Уже на этом уровне анализа можно делать определенные выводы о вероятности патерналистской коммуникации внутри того или иного жанра как составляющей части определенного дискурса. Так, традиционно патерналистский медицинский дискурс, вполне вероятно, обнаружит это свойство в жанре врачебной консультации.

Понятие внутренней структуры соотносимо с разными уровнями языкового кода, образующими материальную основу коммуникативного жанра. Анализ коммуникативного взаимодействия на этом уровне строится с привлечением широкого спектра таких лингвистических категорий, как просодия, семантика, синтаксис, стиль и др. Анализ патерналистской коммуникации на уровне внутренней структуры жанра, в контексте которого она протекает, позволяет сделать выводы о том, какие языковые средства коммуниканты задействовали для построения того или иного патерналистского по интенции высказывания или серии высказываний.

Связующим звеном между внутренней и внешней структурами коммуникативного жанра выступает промежуточная структура. В то время как уровень внешней структуры охватывает элементы коммуникации знакового характера, промежуточный уровень охватывает феномен последовательной организации интеракции (в терминологии Э. Щеглова) и ролевой репертуар участников общения. Иными словами, на уровне промежуточной структуры отслеживается поочередное следование коммуникативных действий (параметр «*последовательность действий*» у Д. Хаймса) в аспектах формы и содержания. На этом уровне происходит, например, мена коммуникативных ролей, тематическая организация общения, структурирование коммуникативного события в целом. Анализ этого уровня дает представление о механизмах интеракции, характерных для конкретного жанра, о том, как, а не из чего складывается коммуникативное взаимодействие, о том, что наряду с языковым кодом служит ресурсом для коммуникации. Данный уровень организации коммуникативного жанра традиционно исследуется с позиций эмергентной грамматики (Fiehler, 2004; Schwitalla, 2003) и конверсационного анализа, методику которого мы представим в конце данного раздела.

Перечисленные выше параметры коммуникации являются абстрактными единицами. Они не соотносимы с четко определенными языковыми или иными дискурсивными категориями. В целях их анализа представляется логичным перейти к обсуждению более мелких категорий дискурса — коммуникативных стратегий и тактик, которые в модели Д. Хаймса объединены параметром «цели».

Параметр «цели» характеризует то, ради чего ведется коммуникация. Предпосылки и цели коммуникации предполагают наличие у участников нормативных ожиданий относительно того, как будет строиться коммуникативное взаимодействие. В качестве таковых можно рассматривать принцип кооперации (Grice, 1975), принципы социальной драматургии (Goffman, 1969 / 1972 / 1975 / 1999) и стратегии вежливости (Brown / Levinson, 1987). Основной целью патерналистской коммуникации является корректировка картины мира собеседника. Она может включать соподчиненные и неосознаваемые цели, достижение которых происходит в рамках следования конкретным коммуникативным стратегиям.

М.Л. Макаров выделяет два дополняющих друг друга подхода к трактовке понятия «коммуникативная стратегия». Согласно одной точке зрения стратегия представляет собой последовательность решений говорящего, последовательность коммуникативных выборов им тех или иных речевых

действий и языковых средств. Согласно другой точке зрения стратегия связана с реализацией набора целей в структуре общения. Иными словами, всякое высказывание и их последовательность выполняют множество функций и преследуют множество целей, в связи с чем говорящий выбирает языковые средства, оптимально соответствующие его целям (Макаров, 2003).

Цели могут быть организованы иерархически. Представляется возможным выделить стратегические, или глобальные, цели, детерминирующие коммуникативное взаимодействие в целом, и подчиненные им тактические, или локальные, цели, детерминирующие отдельные этапы общения. В широком смысле коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей в рамках типового сценария функционально-семантической репрезентации интерактивного типа (Романов, 1988: 103; цит. по: Макаров, 2003: 194).

В основе общей классификации коммуникативных стратегий, предложенной О.С. Иссерс, лежит функциональный подход, согласно которому все коммуникативные стратегии могут быть разделены на основные и вспомогательные (Иссерс, 2002). Основной стратегией на определенном этапе коммуникативного взаимодействия является стратегия наиболее значимая с точки зрения иерархии мотивов и целей говорящего. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогического взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата. Эти стратегии подразделяются, в свою очередь, на прагматические, диалоговые и риторические. В рамках прагматических стратегий осуществляется выбор языковых средств реализации интенции. Диалоговые стратегии применяются для контроля за организацией диалога. В рамках риторических стратегий используются различные приемы ораторского искусства и риторические техники эффективного воздействия на адресата. С каждой из названных общих стратегий сопоставляются несколько частных, классификация которых представляется невозможной ввиду многообразия самих коммуникативных ситуаций. Так, например, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки и т.п.

Наряду с категорией стратегии О.С. Иссерс выделяет категорию тактики. Под речевой тактикой понимается одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Тактика реализуется посредством коммуникативных ходов. Из всей триады понятий «стратегия—тактика—ход» только коммуникативный ход доступен непосредственному наблюдению, хотя он и не привязан ни к одному из уровней языка (Иссерс, 2002: 110, 114).

При детальном анализе коммуникативных ходов, формирующих в своей совокупности отдельную тактику, мы во многом опираемся на методику конверсационного анализа, заключающуюся в эмической реконструкции коммуникативных перспектив участников общения (В.С. Григорьева, О.Г. Исупова, М.Л. Макаров, Д. Рогозин, J.M. Atkinson, J. Heritage, J. Bergmann, K. Birkner, K. Brinker, A. Deppermann, P. Drew, H. Garfinkel, C. Goodwin, G. Jefferson, M. Rost-Roth, H. Sacks, E.A. Schegloff, M. Selting, J. Streeck, P. Seedhouse).

Данная методика предполагает анализ не столько самих языковых выражений, сколько реакции на них со стороны собеседника и понимания их как реакций на предыдущие высказывания. В каждом последующем высказывании зафиксирована интерпретация предыдущего, которую коммуникативный партнер своим следующим ходом подтверждает или опровергает в эксплицитной или имплицитной форме. Всякое высказывание накладывает определенное ограничение на «производство» последующего. Любой коммуни-

кативный вклад признается контекстуально ориентированным на локальном уровне развертывания коммуникации: он одновременно и сформирован контекстом предыдущих высказываний, и обновляет его, задавая схемы развертывания и интерпретации фактов дальнейшей коммуникации (Schegloff, 2007: 13).

Важным аналитическим ресурсом для конверсационалистов выступает мена коммуникативных ролей внутри смежной парны — базовой единицы интеракции: «Всякое первое действие в рамках интеракции является шаблоном действия, создающим нормативное ожидание следующего действия и формирующим шаблон для его интерпретации. Второе действие отражает интерпретацию первого и создает шаблон действия и интерпретации для последующего действия и т.д. <...> Следующий ход, таким образом, документирует анализ предыдущего и демонстрирует результат этого анализа не только участникам коммуникации, но и нам, исследователям, предоставляя критерий проверки и процедуру поиска» (Seedhouse, 2004: 21; цит. по Egbert, 2009: 44).

Формой представления данных в конверсационном анализе является детальная запись вербальной интеракции — транскрипт — с применением специальных символов для фиксации паралингвистических характеристик речи. Транскрипт включает в себя информацию о невербальной составляющей коммуникативного взаимодействия (смех, кинесика, действия, сопровождающие коммуникацию и пр.). Однако в отличие от отечественной традиции фиксации на письме устной речи (Рассказы о сновидениях, 2009) транскрибирование в рамках данного подхода ориентировано на отображение компонента интерактивности коммуникации, а не на отображение как можно более полного комплекса просодических характеристик звучащей речи. В зависимости от целей исследования отдельные фрагменты базового транскрипта — хроники вербального

взаимодействия — могут быть детализированы вплоть до движения тона и изменения громкости звучания речи на протяжении целого коммуникативного эпизода. На сегодняшний день в рамках конверсационного анализа существует несколько подходов к составлению транскриптов. В настоящем исследовании мы придерживаемся системы транскрипции GAT I (Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem I), разработанной коллективом немецких авторов (Selting, 1998). Формой представления данных в рамках этой системы является транскрипт, набранный моноширинным шрифтом Courier — единственным, позволяющим корректно отображать наложение высказываний участников общения.

В заключение заметим, что наиболее оптимальной сферой для исследования коммуникативного патернализма является устный дискурс, представленный в рамках институционализированных форм общения, поскольку они достаточно формализованы, и потому элементы, конституирующие коммуникативный патернализм, могут быть легко в них идентифицированы и изолированы от внешнего контекста с целью детального изучения, в то время как выявление патернализма в бытовом дискурсе сопряжено с трудностями идентификации его в общей системе постоянно меняющихся коммуникативных координат (постоянная мена тем, частое перемещение коммуникативного фокуса внутри отдельной темы, нерегламентированная мена коммуникативных ролей и т.п.).

Анализ патернализма в рамках конкретного (институционального) коммуникативного жанра позволяет нам зафиксировать фазы его начала, протекания и завершения, чего нельзя было бы увидеть на материале только письменных текстов, которые мы, однако, будем привлекать для анализа отдельных аспектов наблюдаемого явления, поскольку они представляют собой фиксацию того или иного этапа «создания» патерналистской коммуникации.

Выводы по главе I

Феномен патернализма, представляющего собой опеку самого широкого спектра, вплоть до насильственного обеспечения блага индивида другими, достаточно детально изучен рядом социально-гуманитарных дисциплин, в числе которых, однако, до сих пор нет лингвистически ориентированных направлений. Единственным в той или иной мере коммуникативно ориентированным направлением исследования патернализма можно признать теорию медицинской коммуникации, где патернализм предстает одной из моделей отношений между врачом и пациентом.

Несмотря на коммуникативную направленность исследований патернализма в медицинской коммуникации проблематика патернализма как явления, манифестирующегося в межличностном вербальном взаимодействии, не была раскрыта ими до конца. Для более детального исследования коммуникативно-языкового измерения патернализма представляется необходимым трансферировать основные понятия концепции патернализма, наиболее полно разработанной в философии права, в теорию коммуникативной лингвистики и теорию дискурса. Так, понятие автономии может быть сведено к теории суггестивной коммуникации по основанию проникновения в (коммуникативную) автономию индивида, под которой в концепции патернализма понимается способность индивида самостоятельно принимать решения и совершать продиктованные ими действия. Суть суггестивной коммуникации сводится к убеждению, т.е. трансформации картины мира и, как следствие, контролю за принятием решения.

Понятие иррациональности, являющейся, по мнению исследователей патернализма в философии права, основанием для вторжения в автономию индивида, может быть операционализировано через теорию социальной категоризации Х. Хаузендорфа (Hausendorf, 2002), где иррациональность предстает атрибутом определенных социальных групп и может быть детально проанализирована на предмет средств и способов языкового выражения. Аспект взаимообратности патерналистского взаимодействия находит свое отражение в модели комплементарного взаимодействия, разработанной П. Вацлавиком. Взаимообратность патерналистской коммуникации проявляется как набор комплементарных коммуникативных действий: коммуникативные роли патрона (эксперта) и клиента (дилетанта) обусловливают друг друга в равной степени. Инициирование коммуникативной опеки должно быть встречено комплементарной дискурсивной практикой ее принятия или отклонения.

Основу анализа принятия / отклонения коммуникативной опеки составляет конструкционистски ориентированное понимание ее знаковой организации (в терминах теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф). Семиотика коммуникативного патернализма организована вокруг изменчивого знака «забота», значение которого оспаривается рядом делиберативных дискурсивных практик (т.е. практик, предполагающих самостоятельность того, кто попадает под заботу).

По фактору адресанта патерналистского коммуникативного действия представляется возможным выделить три коммуникативных пространства патернализма: 1) бытовой дискурс; 2) институциональный (профессиональный) дискурс; 3) дискурс государственного уровня.

В рамках прагмалингвистического подхода коммуникативный патернализм предстает интердискурсом, элементы которого обнаруживаются в отдельных коммуникативных пространствах. Основываясь на идеях Д. Хаймса (Hymes 1977), мы анализируем параметры дискурса патерналистских отношений, объединяя их в группы «ситуация общения» (обстановка, участники, тональность, инструментарий) и «коммуникативный жанр» (цели, последовательность действий, нормы, жанр).

Интегральной для всех проявлений коммуникативного патернализма ситуацией общения признается ситуация заботы через запрет, которую как совокупность параметров

дискурса мы рассматриваем в рамках институционализированных форм общения, т.е. определенных коммуникативных жанров. В качестве локуса эмпирической базы исследования было выбрано институциональное коммуникативное пространство патернализма ввиду высокой степени его формализованности и клишированности, на фоне которой элементы дискурса патерналистских отношений проступают отчетливее и могут быть легко изолированы от общего контекста общения с целью непосредственного изучения.

Анализ жанровой составляющей (и соответственно параметров, формирующих данный признак в своей совокупности) в работе проводится согласно предложенной Т. Лукманом схеме (Luckmann, 1986). В структуре жанра он выделяет внешнюю структуру (предназначение жанра как способа решения рекуррентных общественных коммуникативных проблем), внутреннюю структуру (языковые средства) и промежуточную структуру (уровень интеракции). Изучение уровня интеракции проводилось в исследовании путем реконструкции коммуникативных перспектив участников общения — с привлечением методики конверсационного анализа (Schegloff, 2007).

Глава 2. ЛИНГВОДИСКУРСИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПАТЕРНАЛИЗМА

2.1. Параметры дискурса патерналистских отношений

Наиболее удобным для нас является рассмотрение параметров дискурса патерналистских отношений в двух группах: ситуация общения (обстановка, участники, тональность, инструментарий) и коммуникативный жанр (жанр, нормы, цели, последовательность действий), в котором реализуется ситуация общения.

В качестве обстановки дискурса патерналистских отношений мы выделяем три его коммуникативных пространства: бытовой дискурс, институциональный дискурс и дискурс государственного уровня.

Коммуникативные пространства патернализма являются средой его манифестации. Каждое из них обладает своими особенностями и характеризуется глобальной целью (или целями), но в целом в каждом из этих типов дискурса можно идентифицировать определенные практики опеки и покровительства, т.е. патернализма.

Бытовой дискурс представляет собой свернутое, «пунктирное» общение, когда «речь идет об очевидных вещах» (Карасик, 2004: 289). Противопоставляя бытовой и институциональный дискурсы, М.Л. Макаров выделяет следующие их характеристики (Макаров, 2003: 176):

Таблица 5. Характеристики бытового и институционального дискурсов

Бытовой дискурс	*Институциональный дискурс*
— ориентация на процесс (общения)	— ориентация на структуру

— минимум речевых ограничений — относительно свободная мена коммуникативных ролей — большая обусловленность непосредственным ко-текстом — примат локальной организации — целей много, и они обычно имеют локальный характер	— максимум речевых ограничений — относительно фиксированная мена коммуникативных ролей — меньшая обусловленность непосредственным ко-текстом — примат глобальной организации — целей немного, и они обычно имеют глобальный характер

В связи с тем, что бытовой дискурс имеет множество целей локального характера, патернализм в нем предстает одной из множества тем в рамках отдельно взятой интеракции.

В силу примата глобальной организации общения в институциональном дискурсе коммуникативный патернализм предстает в нем своеобразной когнитивной репаратурой на проблемных этапах коммуникативного взаимодействия, без которой продвижение к глобальной цели коммуникации стало бы невозможным (своеобразная починка картины мира собеседника). Нередко такие ситуации используются агентом института в качестве ресурса для достижения глобальной цели коммуникации (например, как мы сможем убедиться в дальнейшем, патернализм в собеседованиях при приеме на работу является не только способом решения проблемы атрибутированной субъекту общения иррациональности, но и приемом создания атмосферы доверия в разговоре, что служит непременным условием успешного протекания собеседования).

В дискурсе государственного уровня иррациональность как повод к патернализму не конструируется непосредственно, она атрибутируется абсолютно «проблемной» социальной группе (например, несовершеннолетним или курильщикам). В отличие от вышеупомянутых коммуникативных пространств патернализма средствами выражения

патернализма как способа решения проблемы иррациональности «государственной» важности становятся тексты, а не непосредственное вербальное взаимодействие.

Как уже отмечалось, при решении проблемы иррациональности государство располагает набором средств вторжения в автономию отдельного гражданина, в частности осуществляет изолированную и коммуникативную помощь в принятии решения (Aaken van, 2006: 124). В качестве примера изолированной помощи в решении проблемы иррациональности можно привести антиабортные информационные кампании, в качестве коммуникативной помощи — обязательные медицинские консультации для женщин, желающих сделать аборт, и для неизлечимо больных людей, желающих совершить эвтаназию. Патерналистская установка государства по отношению к «проблемной» социальной группе при решении данной проблемы обнаруживается в текстах законов и нормативных документов, регулирующих данную сферу.

Идентифицированные в разных коммуникативных пространствах элементы дискурса патерналистских отношений свидетельствуют о наличии у него ряда характерных параметров и, в первую очередь, базовой ролевой коммуникативной пары.

В ходе вербального взаимодействия по патерналистской модели в рамках бытового общения происходит конструирование ситуативной ролевой пары «эксперт—дилетант». Дилетант лишается способности принимать решения самостоятельно в силу представления эксперта о том, что он не обладает соответствующей компетенцией и поэтому эксперт вправе единолично решать вопросы благополучия дилетанта.

Асимметрия коммуникативных ролей является основной характеристикой институциональной коммуникации. В данном случае коммуникация протекает между «профессиональным» и «непрофессиональным» акторами, что непосредственным образом сказывается на коммуникатив-

ной роли каждого из них. В ситуации институционального общения ролевая пара «эксперт—дилетант» накладывается на предопределенную условиями общения ролевую пару «агент—клиент (института)». Например, в собеседовании при приеме на работу роль интервьюера предполагает совершение ряда действий, имплицирующих локальную асимметрию (задавать вопросы, резюмировать, ратифицировать ответы, устанавливать порядок мены коммуникативных ролей и др.). Это структурное преимущество его роли предоставляет ему возможность интерактивного контроля и доминирования. В качестве фактора, ограничивающего эту возможность, однако, выступает факт того, что интервьюер участвует в разговоре как представитель организации и тем самым несет ответственность за постулируемый его действиями имидж организации.

Ввиду особенностей языковой реализации патернализма в дискурсе государственного уровня участниками коммуникации оказываются деперсонализированный автор (эксперт) и массовый читатель (дилетант).

Социальная дистанция как параметр коммуникации и тональность общения в целом являются важным аспектом патерналистского взаимодействия, поскольку от данного фактора зависит, по какому сценарию — кооперативному или конфронтативному — будет развиваться коммуникативное взаимодействие после прохождения фазы актуализации симптомов иррациональности одного коммуникативного партнера другим.

Наиболее удобный инструментарий анализа языкового проявления тональности, на наш взгляд, предоставляет концепция языка социальной близости и социальной отдаленности, разработанная австрийскими учеными П. Кохом и В. Остеррайхером (Koch, 1990).

Согласно точке зрения авторов средства реализации речи — устная и письменная — представляют собой дихотомию, в то время как стилевой регистр предстает континуумом, крайними полюсами которого являются разговорная

и литературная формы языка. Авторы сопоставляют их с понятиями близости и отдаленности соответственно. В континууме близости и отдаленности разные словесные формы (как письменные тексты, так и устные высказывания) могут быть распределены друг относительно друга по степени обнаруживаемой ими близости к адресату или отдаленности от него. Например, дружеская беседа будет находиться ближе к полюсу «близость», чем собеседование при приеме на работу, так же как письмо личного характера по отношению к тексту закона. Такой порядок распределения словесных форм относительно друг друга авторы объясняют действием условий коммуникации, в число которых входят, например, степень публичности коммуникации, степень откровенности партнеров по коммуникации, степень соотнесенности коммуникативного акта с ситуацией общения или действием и др.

Разговорный (устный) дискурс порождает социальную близость. Он обнаруживает процессуальный и временной характер, что обусловливает его экономную вербализацию, экстенсивное, линеарное и агрегативное развертывание (например, неполные высказывания, повторения, паратаксис). Он обладает довольно ограниченной плотностью информации. Условия коммуникативной отдаленности, напротив, предполагают высокую плотность и скорость передачи информации в рамках письменного дискурса (письменной речи); за счет интенсивной и компактной вербализации отдаленности достигается сложное построение и интеграция языковых единиц. По этой причине дискурсы, возникающие в коммуникативных условиях отдаленности, часто воспринимаются как прототип текста, как законченные и «овеществленные» высказывания.

Патернализм в ситуации непосредственного межличностного взаимодействия протекает интерсубъективно, т.е. в коммуникативных условиях, располагающих к конструированию социальной близости: диалогичность, непосредственный контакт, включенность в ситуацию общения, воз-

можность экспрессии. С другой стороны, если общение протекает в рамках институционального дискурса, то для него характерны фиксированное развитие темы, ограниченная спонтанность (в рамках заданной темы). Знакомство партнеров по коммуникации при этом является необязательным.

На условия коммуникации, как полагают П. Кох и В. Остеррайхер, субъект общения реагирует определенными стратегиями вербализации близости и отдаленности, о которых речь будет идти при рассмотрении параметра «цели» (п. 2.2.2).

Рассматриваемые во взаимосвязи перечисленные параметры дают представление о ситуации общения. Основываясь на результатах проведенного исследования, в качестве прототипической ситуации общения, конституирующей дискурс патерналистских отношений, мы рассматриваем ситуацию заботы через запрет. Запрет является интегральным для всех коммуникативных пространств патернализма компонентом, лежащим в основе ряда коммуникативных действий, конституирующих дискурс патерналистских отношений в целом.

Под запретом мы понимаем волеизъявление говорящего по поводу прекращения существующего или недопущения возможного положения дел. При этом возможно выделить следующие компоненты ситуации запрета:

- тот, кто налагает запрет (обладает правом на запрет);
- тот, кто выражает запрет;
- тот, кому адресован запрет;
- запретное действие;
- санкция за нарушение запрета;
- фактическая причина запрета;
- постулируемая причина запрета;
- сфера распространения запрета;
- срок действия запрета;
- место действия запрета;
- степень категоричности запрета (Карасик, 2004: 65).

Мы рассматриваем запрет как коммуникативное действие, основу которого составляет тем или иным образом закодированный директив «Не делай х!». Данные параметры могут проговариваться в ситуации общения или только подразумеваться, т.е. быть выражены эксплицитно или имплицитно. Они также могут являться компонентами разных коммуникативных действий. Особенностью кодировки запрета в ситуации патерналистского воздействия является то, что она содержит указание на мотивировку (постулируемую причину, которая может оказаться и фактической) желательности директива для адресата. Иными словами, патерналистский запрет содержит аргументацию его необходимости, замыкающуюся на интересах того, кому этот запрет адресован.

Начнем рассмотрение компонентов ситуации запрета в дискурсе патерналистских отношений с компонента «степень категоричности запрета», поскольку он лежит в основе классификации форм выражения директива. По степени категоричности различаются жесткий запрет, представляющий собой непосредственный директив, мягкий совет, угроза, мольба, рекомендация, табу и др. В рамках настоящего исследования были установлены следующие формы выражения директива в ситуации патерналистского взаимодействия:

- жесткий запрет, представляющий собой непосредственный директив (des MUSS=te nochmal NEU machen);
- мягкий совет (da vOrschaltn. (0,8) das sOllte (.) man schon tun,);
- просьба (УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА <u>НЕ ОТКЛЮЧАТЬ ДОМОФОН!</u>).

В бытовом дискурсе тот, кто налагает запрет, и тот, кто выражает запрет, чаще всего являются одним и тем же лицом. В дискурсе государственного уровня запрет налагается государством, а в качестве его выразителя может выступать тот или иной государственный институт (например,

Минздравсоцразвития) или агент того или иного государственного института в ситуации медиации в рамках непосредственного межличностного взаимодействия (например, сотрудник ГАИ). В институциональном дискурсе, подобно государственному, запрет налагает институт. Отдельный человек, указанный в качестве адресанта запретительного общественного указателя, или сформулировавший запрет в ситуации непосредственного межличностного взаимодействия (например, бортпроводник, указавший пассажиру на необходимость застегнуть ремень безопасности), является лишь медиатором между институтом и его клиентом. Нередко запрет остается анонимным (в случае указания в качестве автора «Администрация»).

Адресация запрета происходит посредством обращения (Уважаемые господа), употребления личного местоимения (=te), референции к адресату патерналистского директива в имплицитной форме (sollte man), или же она происходит ситуативно путем актуализации пресуппозиций (адресатом запрета может стать всякий, кто его прочтет).

Запрещаемым действием является действие, представляющее, с точки зрения лица, налагающего запрет, угрозу тому, кто его совершает (курение, чрезмерное употребление алкоголя, добровольное желание уйти из жизни и др.). Статус такого действия может получить любое действие, если один из участников общения усматривает за ним искаженность восприятия действительности другим.

Упоминание санкции за нарушение запрета призвано усилить коммуникативное воздействие директива. Оно может принимать форму штрафа (в случае общественного указателя) или представлять собой компонент коммуникативной стратегии (например, описание негативного сценария развития событий в случае совершения запретного действия: «wenn Sie das nicht können...»).

Постулируемая причина запрета в ситуации коммуникативного патернализма представляет собой факт патерналистской аргументации, т.е. такой аргументации, при которой адресант патерналистского послания убеждает адресата в том, что он действует в его интересах. Фактическую же причину патерналистского запрета установить крайне сложно, так как она скрыта от прямого наблюдения и может быть с известной долей условности обнаружена путем интроспекции или интервью (что, однако, также не гарантирует понимания истинных причин произошедшего).

Сфера распространения, срок и место действия патерналистского запрета не являются жестко заданными параметрами. Они могут как ограничиваться ситуацией общения «здесь и сейчас» (в том числе моментом чтения общественного указателя), так и распространяться на всех и каждого и не иметь временных ограничений (например, запрет эвтаназии). То, в какой форме выражается и по каким каналам транслируется запрет, может быть проанализировано в рамках параметра «инструментарий».

Интегральным аспектом параметра «инструментарий» выступает аспект технических средств общения, или средств коммуникации, поскольку он включает в себя как каналы коммуникации, так и среду общения, а также позволяет включить в общую классификацию типов коммуникации не опосредованную техническими средствами общения коммуникацию по признаку ее временной размерности. Основу для анализа данного аспекта и его составляющих предоставляет модель коммуникации, опосредованной техническими средствами общения, разработанная К. Дюршайд (Dürscheid, 2003). Данная модель является расширенной версией модели разграничения устной и письменной речи П. Коха и В. Остерайхера, о которой речь шла выше.

В своей концепции К. Дюршайд исходит из различения средств (Kommunikationsmedien) и форм (Kommunikationsformen) коммуникации. Под средствами коммуникации она понимает материальные вспомогательные средства для реализации коммуникации при пространственной отдаленности коммуникантов (например, факс). Формы коммуникации, напротив, нематериальны. Они могут быть как

независимы от средств коммуникации (например, разговор лицом к лицу), так и возникать при использовании определенных средств коммуникации (например, телефонный разговор). Коммуникация, опосредованная средствами коммуникации, обнаруживает такое свойство, как временная размерность.

По признаку временной размерности автор различает синхронный, асинхронный и квазисинхронный типы коммуникации. В случае синхронной и квазисинхронной коммуникации высказывания участников следуют друг за другом и обусловлены друг другом. В синхронной коммуникации они непосредственно следуют друг за другом (например, телефонный разговор), в случае квазисинхронной коммуникации коммуникативное пространство растянуто и между высказываниями появляются значительные паузы, которые в случае коммуникации лицом к лицу могли бы привести к ее прекращению (например, общение в чате или посредством sms-сообщений). Асинхронная коммуникация характеризуется тем, что ее канал открыт только со стороны адресанта (например, факс или объявление по громкой связи).

Вводя аспект временной размерности коммуникации в модель разграничения устной и письменной речи, К. Дюршайд расширяет ее следующим образом: кроме устной и письменной форм реализации высказывания, автор указывает на текст и дискурс как формы реализации последовательностей высказываний. При этом текст признается асинхронной формой коммуникации, а дискурс синхронной, в случае устной речи, и квазисинхронной — в случае письменной реализации высказываний (Dürscheid, 2003: 13).

Главную характеристику текста как способа общения автор видит в том, что он может быть понят вне зависимости от места его создания. Дискурс, напротив, привязан к месту и времени (ситуации) своего возникновения. К. Дюршайд придерживается точки зрения, согласно которой дискурс является не только устной формой коммуникации, но может быть реализован и письменно. Критерием разграничения

текста и дискурса для нее служит не способ реализации высказывания(ий), а его (их) коммуникативно-функциональная нагрузка. Если в основе высказывания лежит диалог, то его можно признать дискурсом. Если это не так, то перед нами текст независимо от того, как реализовано данное высказывание — письменно или устно.

Степень синхронности коммуникации, как и форма реализации (устная или письменная), оказывает влияние на стилевой регистр: устная синхронная коммуникация с большей степенью вероятности будет протекать в разговорном стилевом регистре, в то время как письменная асинхронная коммуникация, напротив, будет тяготеть к литературной форме языка. Устная асинхронная коммуникация обнаруживает большее количество признаков разговорного стиля речи, чем письменная квазисинхронная коммуникация.

С технической точки зрения кодировка патерналистской интенции и способ ее реализации могут быть

- устно-синхронными (патернализм как непосредственное межличностное взаимодействие в бытовом или институциональном дискурсе);
- устно-асинхронными (устная трансляция патернализма в одностороннем порядке от адресанта к адресатам в институциональном дискурсе);
- письменно-квазисинхронными (патернализм как общение в сетевом преломлении бытового или институционального дискурса);
- письменно-асинхронными (трансляция в одностороннем порядке от адресанта к адресатам, например, посредством общественных указателей в дискурсе государственного уровня и институциональном дискурсе).

Межличностное взаимодействие по своей природе мультимодально, т.е. оно протекает одновременно по нескольким каналам (визуальному, слуховому, ольфакторному и др.). По этой причине патернализм в ситуации непосредственного межличностного взаимодействия (как в бытовом, так и в институциональном дискурсах) теоретически может коди-

роваться как действие, не опосредованное речью, как действие, опосредованное речью (или же как речь, сопровождаемая действием), и как речь, не сопровождаемая действием вовсе.

В качестве примера патернализма, представляющего собой действие, не опосредованное речью, можно привести пример Г. Дворкина с разрушенным мостом (Dworkin, www). Патернализм будет сводиться к действию в случае, если, например, иностранец решит пройти по сломанному мосту, не зная, что он сломан, а местный житель, не знающий иностранных языков, постарается физически помешать ему это сделать. В случае если оба участника этих событий говорят на одном языке, то местный житель, скорее всего, закодирует свою патерналистскую интенцию вербально: предупредит собравшегося пройти по мосту о том, что это небезопасно. И наконец, патернализм по форме проявления будет являться речью, опосредованной действием (или действием, опосредованным речью), в случае, если местный житель преградит иностранцу дорогу на мост и сопроводит свое действие комментарием.

Предметом настоящего исследования является патернализм, реализованный через вербальное взаимодействие. Это означает, что мы анализируем языковой материал с привлечением — там, где это отражено в транскриптах, — супрасегментных характеристик речи. Учет всех аспектов мультимодальности коммуникативного патернализма представляется нам, во-первых, невозможным в силу специфики материала: имеющиеся в нашем распоряжении транкскрипты являются фиксацией аудиоданных и могут дать лишь рудиментарное представление о проксемике и инструментальности (физической манифестации) патерналистского взаимодействия; во-вторых, учет всех аспектов мультимодальности не представляется нам необходимым в рамках решения задач настоящего исследования, поскольку мы полагаем, что коммуникативный патернализм реализуется, главным образом, вербально. В силу этого мы также привлекаем к анализу

данные письменных текстов, заведомо лишенных свойства мультимодальности.

В случае письменно-асинхронной трансляции патернализма коммуникация опосредована письменным текстом (в том числе текстом, содержащим такие элементы усиления визуального воздействия, как графические выделения). Она протекает по визуальному (в случае чтения письменного текста) или слуховому (в случае чтения вслух, в том числе трансляции аудиозаписи письменного текста с помощью технических средств общения) каналам. В случае письменно-асинхронной коммуникации мы можем говорить о ее мультимедиальности, если патерналистская интенция одновременно с письменным текстом кодируется иным способом: звуком / шумом, статичным изображением, видеорядом, элементами интерактивности (при размещении текста в электронной интерактивной среде).

В качестве примера визуальной письменно-асинхронной кодировки патерналистской интенции приведем объявление, обнаруженное автором настоящего исследования в собственном подъезде.

Пример 12. Убедительная просьба

УВАЖАЕМЫЕ ЖИЛЬЦЫ!
УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА
НЕ ОТКЛЮЧАТЬ ДОМОФОН!
В ЦЕЛЯХ ВАШЕЙ ЖЕ
БЕЗОПАСНОСТИ!

Данный текст стилизован под общественный указатель, о которых речь шла в п. 1.5, с целью максимизации речевого воздействия на адресата. От подлинного общественного указателя его отличает то, что его автором является вполне конкретный человек (живущий, по всей видимости, на первом этаже), преследующий свои личностные, а не общественные интересы или интересы отдельного учреждения. Обращение к жильцам подъезда в сочетании с референцией к их

интересам категоризирует в качестве адресата тех жильцов, которые отключают домофон, т.е. действуют «иррационально». Элемент иррациональности адресата подчеркивается частицей «же», указывающей на то, что речь идет об известных и автору, и адресату нормах поведения. Симптом иррациональности, в свою очередь, имплицитно актуализируется директивом «не отключать домофон». Директив одновременно является и материальным выражением актуализации симптома иррациональности, и указанием на способ его устранения. Референция к интересам жильцов, «иррационально» использующих уличный домофон, представляет собой прием патерналистской аргументации: автор текста позиционирует себя как блюстителя интересов адресата и тем самым легитимирует вторжение в его автономию своей «убедительной» просьбой.

В качестве примера аудитивной письменно-асинхронной кодировки патерналистской интенции можно привести общественные указатели, звучащие в общественных местах (вокзалы, аэропорты, транспорт и т.п.), призывающие к соблюдению мер безопасности с референцией к интересам слушателя.

В качестве примера мультимедиальной реализации патернализма можно привести серию постеров «Демотиваторы» о вреде курения, которые могут быть обнаружены на многочисленных интернет-ресурсах развлекательного характера. Хотя нам и не встречалось работ, посвященных исследованию демотиваторов как отдельного мультимедийного жанра, мы полагаем, что они могут быть рассмотрены как отдельный жанр с узнаваемой структурой и тематикой.

Практически всегда демотиватор представляет собой плакат черного цвета, на котором размещены следующие элементы:

- изображение в белой рамке;
- лозунг;
- пояснение, раскрывающее идею лозунга.

Будучи изначально пародией на агитационные мотивационные плакаты, призванные создавать приподнятое настроение в школах, университетах, на рабочих местах, демотиваторы со временем расширили свою тематику до комической и в дальнейшем до идеологически окрашенной общественно-политической, что позволяет говорить о их содержательной жанровой специфике.

Мы рассматриваем демотиваторы как креолизованные тексты, интенция которых кодирована и изображением, и текстом. Сам демотиватор, таким образом, может быть рассмотрен как письменно-асинхронная форма коммуникации. Однако многие интернет-ресурсы, на которых размещены демотиваторы, предоставляют посетителям возможность оставлять свои комментарии и вести дискуссию по поводу затронутой демотиватором проблемы, тем самым превращая его в информационный повод к письменно-квазисинхронной коммуникации. Мы рассматриваем демотиваторы как своеобразные общественные указатели ввиду возможности идентификации их содержательной двуплановости (директив, или первичный текст, и мифологизированный, или вторичный, текст). Первичным текстом для них следует признать призыв бросить курить, реализующий в момент декодировки адресатом вторжение в его автономию. Вторичный текст имеет разноплановую структуру: его основу составляет изображение момента курения или его негативных последствий, дополнением к которому выступает словесный комментарий (лозунг, пояснение), имплицитно содержащий референцию к интересам адресата.

В приводимом ниже примере изображение кодирует вред курения посредством визуальной метафоры: по очертанию пачка сигарет напоминает гроб. Лозунг с вопросом «И ради чего ты пренебрегаешь даром жизни?» отсылает к изображению и тем самым имплицирует иррациональность курильщиков как социальной группы. Патерналистская интенция данного текста заключается в том, что лозунг заставляет читателя погрузиться в рефлексию, что можно рассматривать как вторжение в автономию.

Пример 13. Ради чего?

Письменно-асинхронная реализация патернализма в основном предполагает решение рекуррентной проблемы иррациональности и рассчитана на массового адресата (от отдельных социальных групп до жильцов одного подъезда). Текст, будучи отстраненным от конкретной ситуации общения, позволяет генерализировать решение проблемы иррациональности для теоретически неограниченного количества схожих проблемных ситуаций. Письменно-асинхронная реализация патернализма характерна для дискурса государственного уровня и отчасти институционального дискурса. В меньшей степени она характерна для бытового дискурса, в котором проблема иррациональности субъекта общения решается непосредственно в момент ее обнаружения в устно-синхронной форме. Даже в случае если этот процесс будет протекать посредством отправки текстовых сообщений через sms-сервис или электронную почту (письменно-квазисинхронная коммуникация), то их языковая реализация с большой степенью вероятности обнаружит признаки разговорного стиля речи, конституирующего бытовой дискурс.

Дискурс патерналистских отношений, выступая интердискурсом, конституируется посредством ситуаций запрета, в качестве характерной особенности которых мы рассматриваем открытость канала, по которому протекает коммуникация как для адресанта, так и для адресата (устно-синхронная и письменно-квазисинхронная коммуникация), и текстов (устно- и письменно-асинхронная коммуникация), транслируемых адресантом адресату в одностороннем порядке. Ситуация запрета сама по себе, однако, еще не свидетельствует о том, что коммуниканты конституируют дискурс патерналистских отношений. Для этого она должна попасть на «пересечение» ряда макродискурсивных практик и тем самым получить свое воплощение рядом микродискурсивных практик коммуникативного патернализма.

2.2. Макродискурсивные практики коммуникативного патернализма

В качестве основной единицы «человекоразмерного» исследования языка, и в частности явления коммуникативного патернализма, мы вслед за М.Л. Макаровым выделяем дискурсивную практику, которую он определяет как повседневную практику отдельного индивида, выступающую предметом анализа культурного антрополога (Макаров, 2007: 227—228). Под дискурсивной практикой М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс понимают метод производства и потребления текста, который, являясь формой более широкой социальной практики, вносит вклад в конституирование социального мира (Йоргенсен / Филлипс, 2008).

Понятие дискурсивной практики применяется нами для описания процессов структурирования как отдельного коммуникативного события (микродискурсивная практика), так и самоорганизации дискурса в целом (макродискурсивная практика).

Дискурс патерналистских отношений моделируется нами через следующие макродискурсивные практики:

- атрибуция иррациональности субъекту общения посредством актуализации ее симптомов;
- дискурсивная обработка атрибутированной иррациональности;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

Мы выделяем данные процессы условно и в условной последовательности. Какие-то из них могут вовсе не наблюдаться, порядок следования других будет иным, или же два и более процессов при понимании их как серии коммуникативных действий могут протекать одновременно, т.е. иметь один и тот же материальный, языковой, субстрат. Кроме того, в живой коммуникации для отдельного процесса сложно установить адресата и адресанта, поскольку вербальное взаимодействие интерсубъективно по своей природе. Мы рассматриваем эти категории как условные. Для нас важна идентификация данных процессов с целью описания патерналистского взаимодействия как коммуникативного феномена в целом.

Проиллюстрируем процессуальный характер патерналистского взаимодействия на примере транскрипта отрывка одной из серий первого сезона реалити-шоу «Big Brother», выходившего в эфир в Германии в 2000 г.

Пример 14. des MUSS=te nochmal NEU machen

```
01 kom[7]: verena kommt dazu
02 sab:  haste geSEHN
03 ver:  mArion naDIN isch verÄCHte euch? ((lacht))
04 kom:   andrea kommt dazu
05 ver:   mArion=n naDIN ich verÄCHte euch
06 jür:   macht mich NICHT bekloppt
```

[7] Комментатор (от нем. Kommentator).


```
->  07 ver:  ((lacht))    [naDIN wird das hinten nicht mit e äh E
->  08 adr:               [( )
    09 ver:  noch geschrieben?
    10 jür:  =jaJA
    11 adr:  ja KLAR [naDIne
    12 jür:          [die=s so DOOF
->  13 adr:  haja des MUSS=te nochmal NEU machen
    14 sab:  ((schreit [erschreckt))
    15 adr:            [naDINe schreibt man mit E am ende
    16 sab:  ach das SIEHT man [doch nicht ((…))
```

В данном коммуникативном эпизоде участники обсуждают надпись, сделанную Сабриной (sab) красками на спине Юргена (jür). Сабрина допустила в надписи две орфографические ошибки. В данном отрывке участники обсуждают первую. После шутки по поводу содержания надписи (02—03, 05—06) Верена (ver) имплицитно актуализирует симптом иррациональности Сабрины, привлекая внимание к орфографической ошибке (naDIN wird das hinten nicht mit e äh E noch geschrieben). Актуализация симптома иррациональности (в данном случае незнание правил орфографии) является ликоугрожающим действием. С целью минимизации угрозы социальному лицу Сабрины Верена оформляет свой коммуникативный вклад максимально нейтрально с точки зрения лексического наполнения и интеракционного исполнения — в форме вопроса в страдательном залоге без референции к автору надписи, предваряя его смехом как маркером непринужденного общения и отодвигая ДД-репаратуру путем СС-репаратуры (e äh E), тем самым давая Сабрине возможность морально подготовиться к наступлению ликоугрожающего действия. Использование страдательного залога помогает ей привлечь внимание к проблеме, непосредственно не вторгаясь в автономию Сабрины, так как конструкции в страдательном залоге позволяют сохранять социальную дистанцию на вербальном уровне.

За этапом актуализации симптома иррациональности следует этап дискурсивной обработки иррациональности, под которой мы понимаем коммуникативные действия, направленные на решение коммуникативной проблемы и служащие продолжению актуального дискурса. Данный этап одновременно открывают Андреа (adr) и Юрген, чьи коммуникативные ходы накладываются, после чего Андреа отказывается от права слова в пользу Юргена. Юрген не просто выражает согласие с предложенным Вереной вариантом написания имени, а интерпретирует его как предложение исправить ошибку и соглашается с ним, о чем свидетельствуют факт редупликации междометия «ja» и интенсивная акцентуация на втором слоге фонетического слова «jaJA». Выражая солидарность с Вереной и Юргеном, Андреа принимает на себя роль «эксперта по орфографии», поскольку она не просто выражает согласие с остальными участниками коммуникации (ja), а дает оценку их мнению (KLAR) и единственная из всех проговаривает верный вариант написания (naDIne). Андреа завершает этап дискурсивной обработки иррациональности Сабрины, эксплицируя необходимость исправить ошибку. При этом она вторгается в автономию Сабрины (13). В отличие от Верены, она оформляет свой коммуникативный вклад максимально эксплицитно в форме императива, усиливая эффект директивности фразовым ударением на слове «neu».

После завершения этапа дискурсивной обработки иррациональности субъекта общения открывается этап конструирования статуса дискурса патерналистских отношений (ратификация или опровержение). Субъект общения, которому была атрибутирована иррациональность и предложены варианты ее нивелирования, должен или подтвердить, или опровергнуть навязываемую ему роль дилетанта ратификацией или отклонением предыдущей коммуникации в качестве ресурса для дальнейшего развития коммуникативного взаимодействия. Сабрина не ратифицирует помощь со стороны остальных участников общения, имитируя вскриком испуг (14). Андреа настаивает на том, чтобы Сабрина исправила ошибку, но уже в более мягкой форме, так как из только что последовавшей реакции Сабрины она могла сделать вывод, что социальному лицу Сабрины был нанесен урон (имитация испуга должна была переключить внимание участников с персоны Сабрины на происходящее). Однако Сабрина снова отвергает коммуникативную помощь, ссылаясь на то, что ошибка практически не заметна (ach das SIEHT man doch nich).

Как актуализация симптомов иррациональности, так и их дискурсивная обработка происходят в интересах Сабрины. Участники едины во мнении, что если одна из адресатов надписи — Надин — прочитает свое имя, написанное с ошибкой, то социальное лицо Сабрины как автора надписи окажется в еще большей опасности, чем если ей укажут на ошибку и предложат исправленный вариант. На основании этого мы рассматриваем данный коммуникативный эпизод как пример коммуникативного патернализма.

С позиций ролевого взаимодействия процесс актуализации симптомов иррациональности является основой конструирования ролевой пары «эксперт—дилетант». Экспертом становится тот, кто актуализирует симптом иррациональности (Верена), а также тот, кто предпринимает попытку его дискурсивной обработки (Андреа). Роль дилетанта в данном коммуникативном эпизоде отводится Сабрине помимо ее воли, о чем может свидетельствовать ее реакция на замечания о допущенной ею ошибке (имитация испуга в строке 14) и попытка нивелировать ситуацию указанием на то, что ошибка практически не заметна (16). Иными словами, Сабрина не принимает навязываемую ей роль дилетанта и тем самым отнимает у Верены и Андреа статусы экспертов. Следует также заметить, что процессы актуализации симптома иррациональности и ее дискурсивной обработки в данном коммуникативном эпизоде совпадают. В дальнейшем мы рассмотрим указанные процессы более подробно.

2.2.1. Атрибуция иррациональности субъекту общения. Как показало исследование, в патерналистской коммуникации иррациональность субъекта общения то и дело «проговаривается»: один коммуникант дает тем или иным образом знать другому, что тот в чем-то заблуждается. Это заблуждение или игнорируется, или становится ресурсом для дальнейшего развития коммуникации — оно может тематизироваться и дискурсивно, т.е. в целях продолжения актуального дискурса, обрабатываться разными способами, в том числе посредством патерналистского воздействия. Мы называем этот процесс атрибуцией иррациональности субъекту общения. Атрибуция происходит путем актуализации отдельных симптомов иррациональности.

Симптомы иррациональности — это проблемные, с точки зрения говорящего, участки картины мира, то, что свидетельствует о неверном, искаженном, неполном, иными словами, иррациональном восприятии действительности. В зависимости от того, кому атрибутируется иррациональность, мы различаем следующие виды симптомов иррациональности:

- другому:
  - ложные пресуппозиции (ложные представления, подмена понятий, неверное понимание значений);
  - незнание конвенций жанра, в котором протекает общение;
  - странные факты биографии собеседника;
  - неразумные желания собеседника;
  - повторы;
- себе:
  - ошибка;
- третьему:
  - неразумные желания собеседника (в случае если третьим является человек);
  - странный порядок вещей (в случае если третьим является фрагмент действительности).

Статус симптома иррациональности может получить отдельный языковой знак или целый фрагмент картины мира. При этом часто речь идет о референции к ранее сказанному. Придание ранее сказанному статуса симптома иррациональности происходит в основном за счет соответствующей оценки фрагмента предыдущей коммуникации. На уровне структуры симптом иррациональности может быть описан как «референция + предикация».

В процессе атрибуции иррациональности один из участников общения придает статус симптома иррациональности фрагменту предыдущей коммуникации или какому-либо положению дел (источник проблемы). Это происходит путем референции к данному фрагменту коммуникации или фрагменту действительности и атрибуции ему иррациональности как постоянного или временного свойства. Кроме того, в процессе атрибуции иррациональности происходит коммуникативная обработка симптома иррациональности как коммуникативной проблемы. Иными словами, последовательная структура процесса атрибуции иррациональности складывается из производства источника проблемы (ИП), переосмысления его как симптома иррациональности (СИ) и его коммуникативной / дискурсивной обработки (схема 1).

Схема 1. Последовательная структура процесса атрибуции иррациональности субъекту общения

ИП
↓
референция к ИП + атрибуция
(переосмысление ИП как СИ,
или актуализация СИ)
↓
коммуникативная обработка СИ

С целью иллюстрации сказанного рассмотрим отрывок транскрипта собеседования при приеме на работу в банк, в котором соискательница говорит о своем нежелании работать в кредитном отделе, аргументируя это тем, что ей придется ждать повышения там слишком долго — от 5 до 10 лет. Интервьюер объясняет ей, что она заблуждается в своем представлении о работе в данном отделе, поскольку этот срок составляет от 2 до 5 лет.

Пример 15. bisschen dOll

```
->  01  B:  wenn ich (-) weiß ich muss (.) fÜnf jahre, oder (.)
->  02      zEhn jahre in der kredItabteilung sein? ich glaub das
    03      würd ich nicht dUrchhalten.=ich hab das also noch mal
    04      (-) 'h <<cresc>  [für mIch so überle:gt, ((lacht))> 'h ]
->  05  I:                   [ja; fünf zehn jAhre is auch\ (-) mhm,]
    06      (1)
    07  B:  <<p>und von dAher>
    08      (1,5)
    09      'h die kUndenbetreuung würde mich interessIeren; (-)
    10      [wie auch Immer;
    11  I:  [hm,
    12  B:  (0,5)
->  13  I:  'h also fÜnf, (-) bis zehn jAhre is\ <<p>e::h>
->  14      <<dim>n=bisschen dOll. (.) das is>
    15  B:  =<<pp>bisschen dOll?>
->  16  I:  =<<f>ein normaler versEtzungszeitraum> (.) in der
->  17      bAnk, is immer so <<staccato>drei (.) bis (.) fÜnf.>
    18      (0,5)
    19  B:  mhm,
->  20  I:  jAhre.
```

Источник проблемы локализован в первом коммуникативном ходе соискательницы (01—02). Говорить о том, что данный фрагмент коммуникации является проблематичным с точки зрения ее дальнейшего развертывания, мы можем на основании реакции на него интервьюера. В ответном коммуникативном ходе он совершает акт референции к предыдущему коммуникативному ходу соискательницы (05), давая ей понять, что с ее коммуникативным вкладом что-то не в порядке. О том, что именно не так, он дает знать в своем следующем коммуникативном ходе, атрибутируя реферируемый источник проблемы (13) как нечто иррациональное путем негативной оценки (14). В своем следующем коммуникативном ходе он приводит актуальную информацию о сроке, по прошествии которого сотрудник кредитного отдела может рассчитывать на повышение, тем самым совершая коммуникативную обработку симптома иррациональности. В терминах прагматики данный процесс может быть назван заменой ложной пресуппозиции верной.

В рамках процесса атрибуции иррациональности референция к источнику проблемы может происходить несколькими путями:

– путем повторения части источника проблемы (<<p>wenn ich das exAmen; also> dAvon müssen wir natürlich ausgehn;);

– путем перефразирования источника проблемы (WArum ham sie die so frÜh geschrieben?);

– путем резюмирования (w/wArum ham sie dAnn:, (.) nach Einem jahr; (.) einfach mal=ne bank gewEchselt?).

Помимо этого, в случаях, когда источник проблемы находится вне коммуникации, симптом иррациональности вводится непосредственно и незадолго до момента атрибуции (es gibt ja auch im zentrAlbereich oder (-) In einem zentrAlbereich gibt es ja auch dUrchaus (-) eh:m (2) mItarbeiter; die sich nen gAnzn tach mit nichts Andrem (-) und (.) beschÄftign, (-) als mit (-) Ablauforganisation:,=sdingn, (-) und mit=eh (-) Aufbauorganisationsdingn; (-) die kOmmn natürlich denn nie so richtich in die pUschn, weil das alles völlich prAxisfern (-) pAssiert.)

Атрибуция иррациональности как признака искаженного восприятия мира или «неправильного» его устройства происходит путем (негативной) оценочной маркировки источника проблемы. К числу маркеров иррациональности можно отнести следующие единицы и коммуникативные действия:

– маркеры переспроса (gUt,=ich: frAch auch noch mal: (-) eh was sIe genau: unter unternEhmensberatung verstEhen?; in welchen bereichen mEinen sie denn.);

– экспрессивная лексика, дающая оценку правильности устройства чего-либо (bißchen dOll; is vÖlliger blÖdsinn,; da das wär ja quatsch sonst.);

– указатели сложного устройства фрагмента действительности (finanzIerungsbereich iss ja nun auch nicht so ganz Ohne.; noch nIcht firmenkundengeschäft, (.) das ist noch eh (-) ne nummer zu dOll);

– сигналы удивления (<<staccato>callan::Etic::?> (.) (was=s das?); WArum ham sie die so frÜh geschrieben?);

– лексика, передающая инаковость (is Ungewöhnlich für sie; aber bei Uns is=es genau <<lachend>Umgekehrt?>);

– маркеры само собой разумеющегося знания (dAvon müssen wir natürlich ausgehn);

– маркеры избыточности действий (sie ham=n prAktikum hIer gemacht,=n prAktikum dort?);

– маркеры беспричинности действия (w/wArum ham sie dAnn:, (.) nach Einem jahr; (.) einfach mal=ne bank gewEchselt?);

– отрицание утверждаемой сущности предмета или явления (das is kEin bAnkbetriebslehre.);

– лексика, указывающая на несогласованность действий или невзаимосвязанность процессов (und dEmzufolge war das alles bißchen chaOtisch,; das das geht bei uns nen büschen durcheinAnder?);

– обозначение состояния замешательства (also es=is alles bisschen: (.) verwIrrt.);

– указание на низкие положительные характеристики (also es is Echt nicht so tOll.);

– указание на недостаточный практический опыт (<<acc, f>aber sie haben noch nIe=ne kreditabteilung richtig gesEhen;; 'h eh sie hAm natürlich noch nicht vIel (.) von=der bank kEnnengelernt. (-) sie können das nur beUrteilen,; sie wUssten ja nicht wie=s Anders (eh=ja) gEht);

– указание на неблагоприятные для совершения какого-либо действия внешние условия (na ist vielleicht <<cresc>der falsche zEitpunkt> jetzt;);

– указатели избыточности информации (das hab ich schon gehÖrt.; das hatt ich glaub ich auch mit herrn klApper mal besprochen,);

– оценка действий как ошибочных ('h hEute weiß ich,=ich hätt=s Andersrum machen sollen,);

– оценка компетенции как недостаточной (da war ich noch nicht so rIchtig in der lAge);

– указание на отстраненность от реальности (weil das alles völlich prAxisfern (-) pAssiert.);

– маркеры необоснованности требований (<<rall>denn dÜrfen die auch nicht ankommen und sagen; (-) oh (-) ich will aber ne stunde Überstunden bezahlt haben;).

Процесс атрибуции иррациональности представляется возможным анализировать с привлечением теории социальной категоризации Х. Хаузендорфа (Hausendorf, 2002), о которой речь шла в п. 1.3. Исходя из этой теории, мы предполагаем, что иррациональность атрибутируется субъекту общения посредством актуализации ее симптомов, а именно посредством упоминания, подчеркивания и разъяснения субъекту общения фактов, которые, по мнению другого субъекта общения, свидетельствуют о дефицитарной картине мира собеседника. При этом следует разграничивать актуализацию симптомов иррациональности и индикацию иррациональности. В случае актуализации симптомов иррациональности имеет место референция к «неправильному» фрагменту картины мира собеседника, в случае же индикации — лишь оценка индивида как иррационально действую-

щего без указания на конкретные проявления иррациональности (например, инвективы, содержащие оценку неразумности действий коммуникативного партнера, в том числе жесты, в частности вращение пальца у виска).

Термины «упоминание», «подчеркивание» и «разъяснение» Х. Хаузендорф использует для того, чтобы обозначить разную степень эксплицитности процесса социальной категоризации (в нашем случае атрибуции). Варьирование степени эксплицитности / имплицитности актуализации симптомов иррациональности мы рассматриваем как проявление стратегий вежливости (Brown / Levinson, 1987). Поскольку актуализация симптомов иррациональности сама по себе является ликоугрожающим действием (по сути, это оскорбление), вполне вероятно, что она будет протекать в форме, предусматривающей минимизацию угрозы социальному лицу коммуникативного партнера.

Как известно, в рамках концепции социального, или общественного, лица (image), разработанной Э. Гоффманом (Goffman, 1975), под социальным лицом понимается образ человека, транслируемый им окружающим — то, каким он видит себя и каким он хочет казаться другим людям (Goffman, 1975: 10). В бытовом понимании социальное лицо может быть сопоставлено с самоуважением. По мнению Э. Гоффмана, в основе интеракции лежит принцип взаимной уязвимости (mutual vulnerability principle) и как следствие взаимного сохранения социального лица: бережное отношение к образу одного коммуникативного партнера является в той или иной мере гарантией такого же отношения с его стороны по отношению к образу другого коммуникативного партнера. И наоборот, небрежное отношение к образу другого чревато санкциями. Сохранение социального лица другого является одним из условий коммуникации, поскольку оно стабилизирует социальное взаимодействие.

Социальное лицо как один из компонентов интеракции манифестируется в результате следования определенным

техникам поддержания лица (facework), представляющим собой действия, приводящие все, что человек делает, в соответствие с заявленным им образом (Goffman, 1975: 18). В качестве примера одной из таких техник можно привести тактику сохранения спокойствия в ситуации конфликта, поскольку этот стиль поведения позволяет контролировать собственную агрессию и тем самым уберегает социальное лицо от дальнейших угроз, которые могут явиться следствием открытой конфронтации. Действия, представляющие угрозу социальному лицу, автор называет ликоугрожающими (face threatening acts). К числу ликоугрожающих действий можно отнести оскорбление, угрозу, насмешку и другие коммуникативные действия агрессивного характера. На наш взгляд, актуализация симптомов иррациональности также относится к числу ликоугрожающих действий. Смягчить угрозу социальному лицу и гармонизировать вербальное взаимодействие на этапе актуализации симптомов иррациональности позволяет применение стратегий вежливости.

В теории вежливости, разработанной П. Браун и С. Левинсоном (Brown / Levinson, 1987), под вежливостью понимаются действия, направленные на уменьшение заряда агрессии и способствующие установлению диалога между потенциально агрессивно настроенными сторонами (Brown / Levinson 1987: 1). В связи с проблематикой вежливости авторы указывают на два аспекта социального лица — на его позитивную и негативную манифестации. Под позитивным лицом (positive face) они понимают желание человека (и соответственно его проявление) быть вовлеченным в совместную с другими людьми деятельность. Под негативным лицом (negative face) они понимают желание (и соответственно его проявление) человека сохранить свою независимость и автономность действий. Угроза социальному лицу имманентна: любое действие потенциально угрожает или позитивному, или негативному лицу. Например, попытка сократить социальную дистанцию советом может быть воспринята как угроза автономии, а не как выражение заботы.

В соответствии с аспектами социального лица авторы выделяют два вида вежливости — позитивную, направленную на поддержание позитивного лица (стремления к интерсубъективности), и негативную, направленную на поддержание негативного лица (стремления к автономности). Иными словами, лингвистическая кодировка высказывания детерминирована не только целями коммуникации, но и задачей поддержания социального лица собеседника. В связи с этим авторы выделяют ряд стратегий вербализации ликоугрожающих действий:

1) напрямую выраженное ликоугрожающее действие;
2) стратегии позитивной вежливости;
3) стратегии негативной вежливости;
4) многозначные ликоугрожающие действия;
5) отказ от совершения ликоугрожающего действия (Brown / Lewinson, 1987: 60).

Нам представляется возможным сопоставить средства атрибуции иррациональности со стратегиями вербализации ликоугрожающих действий. Упоминание как наименее эксплицитный способ атрибуции предполагает использование стратегий позитивной или негативной вежливости. Подчеркивание — сообщение второстепенной релевантной информации — происходит посредством введения многозначных ликоугрожающих действий, и угроза социальному лицу следует из подтекста (намеки). Разъяснение как наиболее эксплицитный способ атрибуции иррациональности происходит посредством напрямую выраженного ликоугрожающего действия.

Таким образом, актуализация симптомов иррациональности протекает как с применением стратегий вежливости, так и по «невежливому» сценарию. Рассмотрим примеры.

Разъяснение представляет собой наименее «вежливый» способ актуализации симптомов иррациональности, обладающий наибольшим потенциалом угрозы социальному лицу.

Пример 16. sie KANNten das noch nicht anders

```
01   I:    ja=sie KANNten das noch nicht anders;
```

Резюмируя предыдущий этап собеседования, интервьюер открыто критикует индивидуальное представление соискательницы о работе, указывая на отсутствие у нее сопоставимого опыта (до этого она нигде не работала). Частица «noch» отчасти смягчает категоричность высказывания и служит сигналом в целом уважительного отношения говорящего к слушающему. Элементом иррациональности в данном случае мы признаем отсутствие практического опыта, о чем говорится открыто, без «вежливой» перекодировки.

Упоминание представляет собой наиболее «вежливый» способ актуализации симптомов иррациональности, обладающий наименьшим потенциалом угрозы социальному лицу.

Пример 17. nicht mit e?

```
01   Ver: wird das hinten [nicht mit e äh E noch geschrieben
```

Своим коммуникативным ходом Верена перемещает фокус коммуникации на вопрос о правильности написания имени (Nadine вместо Nadin). Однако в имплицитной форме она указывает на то, что автор надписи допустил грубую орфографическую ошибку и тем самым актуализирует симптом иррациональности. Угроза социальному лицу того, кто допустил ошибку, смягчается посредством применения стратегии негативной вежливости, которую авторы теории вежливости назвали «hedge». Ее суть состоит в том, что адресант открыто не говорит о том, что он своим действием преследует интересы адресата, он указывает на то, что вызывает его интерес, и тем самым, не вторгаясь в автономию другого, дает знать: что-то из прежде сказанного нуждается в пересмотре.

Подчеркивание мы рассматриваем как коммуникативное действие, представляющее собой относительно небольшую угрозу социальному лицу.

Пример 18. und SEID

```
01 adr: und SEID?
02 sab: wieso MUSS ich [denn
03 adr:                [schreibt man mit DE:
```

Заметив ошибку, Андреа формулирует в безличной форме правило, в соответствии с которым должно писаться слово «seid». С одной стороны, в фокусе коммуникации находится формулировка правила. С другой стороны, актуализация факта наличия ошибки может быть интерпретирована как атрибуция иррациональности тому, кто допустил ошибку в этом слове.

2.2.2. Дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения. В то время как актуализация симптомов иррациональности стихийна и служит проявлением имманентного процесса мониторинга дискурса на предмет его связности и цельности, обработка иррациональности как прием восстановления рациональности может быть и фрагментарной, и комплексной в зависимости от вида симптома иррациональности. Фрагментарная корректировка картины мира собеседника ситуативна, комплексная корректировка имеет стратегический характер. Она представляет собой комплекс коммуникативных действий, направленных на решение проблемы иррациональности как цели коммуникации на определенном этапе коммуникативного взаимодействия. В результате проведенного исследования нам удалось установить следующие соответствия между отдельными видами симптомов иррациональности и способами их коммуникативной / дискурсивной обработки (табл. 6).

Таблица 6. Симптомы иррациональности и способы их обработки

Симптом иррациональности	*Способ обработки*
Атрибуция иррациональности другому	
– ложные пресуппозиции	– предоставление вариантов понимания (метакоммуникативный прием) – объяснение – раскрытие значений
– незнание конвенций жанра, в котором протекает общение	– трансфер знаний
– странные факты биографии	– запрос на разъяснение – предоставление вариантов понимания
– неразумные желания	– запрет
– повторы	– указание на иррациональность
Атрибуция иррациональности себе	
– ошибка	– рефлексия
Атрибуция иррациональности третьему	
– неразумные желания	– запрет
– странный порядок вещей	– помещение за границы рационального

Комплексную корректировку картины мира мы называем дискурсивной обработкой иррациональности, поскольку она происходит с целью дальнейшего конституирования актуального дискурса. По своему целеполаганию дискурсивная обработка иррациональности может сводиться к стремлению раскрыть партнеру его иррациональность, заставить его отказаться от намерения или исправить уже совершенное им по причине иррациональности действие. К числу дискурсивных способов обработки симптомов иррацио-

нальности мы относим способы обработки неразумных желаний — наставничество и патернализм. Дискурсивная обработка иррациональности может быть описана в терминах стратегий и тактик коммуникации (или параметра «цели» у Д. Хаймса).

В данной работе мы различаем три типа коммуникативных явлений, получивших в литературе название «стратегия»: во-первых, дискурсивные стратегии, конституирующие дискурс (Gumperz, 1982); во-вторых, приемы речевой вежливости (Brown / Levinson, 1987); в-третьих, способы вербализации социальной близости / отдаленности (Koch, 1990). В целом стратегии дискурса патерналистских отношений мы определяем как набор коммуникативных интенций, конкретизирующих основную цель опеки — оградить человека от опасности, которой он может подвергнуть себя в силу своей иррациональности. Настоящее исследование сосредоточено главным образом на изучении стратегий, конституирующих дискурс патерналистских отношений в части обработки иррациональности субъекта общения. Приемы речевой вежливости и способы вербализации социальной близости / отдаленности рассматриваются нами в рамках дискурсивных стратегий, как их компоненты, а именно как тактики.

П. Браун и С. Левинсон различают три типа стратегий вежливости (Brown / Levinson, 1987: 102): суперстратегии (super-strategy), посредством которых выражаются позитивная и негативная вежливость; стратегии высокого порядка (higher-order strategies), объединяемые ими в три группы единичные стратегии «на выходе» (output-strategies). В нашем понимании суперстратегия тождественна общей тональности коммуникативного взаимодействия и соотносима, таким образом, с общей ориентацией коммуникации на сближение или отдаление. Стратегии высокого порядка мы признаем стратегиями вежливости в собственном смысле слова. Стратегии «на выходе» представляют собой возможные тактики реализации стратегий высокого порядка. Стратегии вежливости мы рассматриваем в рамках более

широкого понятия, предложенного П. Кохом и В. Остеррайхером — в рамках понятия вербализации социальной близости / отдаленности. Иными словами, стратегии вежливости, на наш взгляд, являются одним из средств вербализации социальной близости / отдаленности. Социальная близость создает фон для проникновения в автономию другого и, таким образом, может рассматриваться как один из элементов дискурса патерналистских отношений, в то время как вербализация социальной отдаленности, в том числе посредством использования стратегий негативной вежливости, может свидетельствовать об оспаривании дискурса патерналистских отношений. Таким образом, стратегичность дискурсивной обработки иррациональности субъекта общения предполагает конструирование социальной близости посредством применения тактик позитивной вежливости.

На основании проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что, с точки зрения стратегичности патерналистского взаимодействия, наиболее сложно организован институциональный дискурс, в то время как в бытовом дискурсе стратегичность патерналистского взаимодействия проявляется на уровне стратегий вежливости. Стратегичность патерналистского воздействия в дискурсе государственного уровня обнаруживается на уровне анализа приемов экспликации патерналистской интенции (директивы).

Приступая к рассмотрению институциональной специфики стратегичности коммуникативного патернализма, охарактеризуем соответствующий коммуникативный жанр — «собеседование при приеме на работу» (Bewerbungsgespräch) — согласно схеме, предложенной Т. Лукманом (см. п. 1.7).

Средой бытования жанра «собеседование» является сфера деловых отношений, т.е. институциональная среда общения. Ситуация общения в рамках данного жанра является (полу)официальной и формальной. Общение происходит в назначенное время, в специально отведенном для этого месте, зачастую с предварительным распределением мест. Со-

беседование протекает неодинаково для участников, в отличие, например, от дружеского разговора. Интервьюер имеет коммуникативное преимущество, поскольку он является представителем организации и, как правило, занимает более высокую должность, чем та, которую будет занимать соискатель в случае трудоустройства.

Институциональность собеседования, с одной стороны, может быть отнесена к внешней структуре жанра, проявляющейся вербально и регистрируемой на уровне внутренней структуры, с другой стороны, она задается посредством создания контекста институционального общения на начальном этапе разговора.

Интервьюер позиционирует себя как представителя организации путем актуализации специфических для институционального общения категорий — агента и клиента. Параметры коммуникации вербализуются, даже если они заранее известны участникам в момент представления и актуализации цели общения (dann begrÜße ich sie nochmal ganz hErzlich, (-) e:hh (.) herr müller / sEide, vielen dank für ihr kOmmen? (2) <<f>wir wOllen uns=n bisschen unterhalten über dAs was e:h> (1) <<rall>sie: eventuell (.) gerne (.) bei der ((name)) bank mAchen möchten,>).

Асимметрия коммуникативных ролей является основной характеристикой институциональной коммуникации, в том числе и в жанре «собеседование». В данном случае, как и во многих других институционализированных формах общения, коммуникация протекает между «профессиональным» и «непрофессиональным» акторами, что непосредственным образом сказывается на коммуникативной роли каждого из них. Поскольку интервьюер принимает решение о принятии соискателя на работу и тем самым предоставляет доступ к социальному ресурсу (работа), он располагает дискурсивной властью. Однако обладание властью может остаться немаркированным в разговоре как на уровне содержания, так и на уровне интеракции.

К. Биркнер указывает, что «проведение собеседований служит целям выбора подходящего кандидата из большого числа претендентов. В связи с этим в рамках данной формы коммуникации ожидается повышенный уровень критической проверки» (Birkner, 2001: 4). Соответственно глобальной целью данной институционализированной формы общения является отбор подходящих на вакантные должности кандидатов. Глобальная цель общения детерминирует коммуникативное поведение его участников: соискатель придерживается стратегии позитивной самопрезентации (positive Selbstdarstellung), интервьюер — стратегии критической проверки (kritische Prüfung). Глобальная цель результирует в наборе более частных стратегий, которые автор называет максимами ведения интервью:

- создать и поддерживать атмосферу открытости;
- обращать внимание на то, что говорится и как говорится;
- вести поиск критических моментов;
- проецировать из прошлого в будущее.

Глобальная цель детерминирует ход развития коммуникации на ее отдельных этапах (развитие темы, особенности мены коммуникативных ролей, структурирование высказываний и другие интеракциональные аспекты) и порядок дискурсивного взаимодействия коммуникантов в целом. Каждый отдельный этап обсуждения складывается из конкретных коммуникативных эпизодов, в рамках которых коммуниканты как осуществляют решение стратегических задач общения (например, эпизод представления компании), так и решают коммуникативные задачи, возникающие по ходу развития коммуникации (например, производят «починку» неверно понятого или нерасслышанного коммуникативного вклада).

Установление степени рациональности и ее восстановление / соконструирование в рамках собеседования могут быть, на наш взгляд, отнесены к числу коммуникативных задач, возникающих и разрешаемых по ходу развития комму-

никации. Они не являются стратегическими задачами общения в рамках данного жанра, в отличие, например, от жанра «урок», где соконструирование рациональности (суть обучения) является первостепенной задачей. Это своего рода решение точечных проблем коммуникации, «починка» картины мира коммуникативного партнера, без которой дальнейшая коммуникация потеряла бы смысл, поскольку она встала бы на «рельсы» ложных пресуппозиций.

Однако в ситуации дискурсивной конфронтации между соискателем, старающимся создать как можно более позитивный образ, и интервьюером, стремящимся вывести соискателя «на чистую воду», все, что говорится, используется как ресурс для достижения цели. Поэтому интервьюер использует ситуацию «починки» рациональности для создания доверительной атмосферы в разговоре, подчиняя таким образом технический аспект построения коммуникации ее стратегическим целям.

Дискурсивность коммуникативного взаимодействия в рамках собеседования заключается в том, что все, что говорится, понимается как основа для принятия решения о пригодности или непригодности соискателя для работы в конкретной организации. Позитивная самопрезентация становится стратегическим заданием из-за влияния функций и целей жанра: он нужен для того, чтобы проверить пригодность соискателя для выполнения определенных задач. Поэтому роль соискателя детерминирована стремлением представить себя с лучшей стороны, т.е. подтвердить свою квалификацию и социальную компетенцию, релевантные для должности, на которую он претендует. Интервьюер, в свою очередь, должен не дать себя «провести». Поэтому он постоянно подвергает критической проверке позитивный образ, создаваемый соискателем.

В связи с этим возникают определенные ожидания относительно того, как коммуниканты будут вести, «коммуницировать» себя в качестве участников общения в рамках конкретного жанра. Интервьюеры знают, что соискатели будут

стремиться представить себя со своей лучшей стороны. Соискатели знают, что интервьюеры будут пытаться «расшатать» этот образ, что, в свою очередь, интервьюерам также известно. Таким образом, в построении коммуникации ее участники исходят как из своих стратегических задач, так и из своих представлений о стратегиях другого. Поэтому интервьюеры прибегают к техникам выявления «искренних» ответов, т.е. таких ответов, которые не ориентированы заранее на то, чтобы понравиться интервьюеру (интервьюеры считают, что соискатели дают определенные ответы, потому что полагают, будто от них хотят слышать именно эти ответы). Основной техникой при этом является создание легкой, непринужденной, доверительной атмосферы и равноправия коммуникативных партнеров (техника эмпатии в терминологии С.Н. Плотниковой). Иными словами, интимизация общения становится стратегической задачей интервьюера.

На примере коммуникативного жанра «собеседование при приеме на работу» мы выделяем основную, аргументирующую по сути стратегию дискурса патерналистских отношений — стратегию корректировки картины мира собеседника и вспомогательную стратегию интимизации общения.

Стратегия корректировки картины мира собеседника представляет собой последовательность коммуникативных действий, в результате совершения которых адресант коммуникативного патернализма стремится заставить адресата осознать иррациональность его действий или намерений и действовать далее, основываясь на рациональных пресуппозициях. Ведущая стратегия включает в себя ряд вспомогательных стратегий и приемов достижения цели. В качестве вспомогательных стратегий мы выделяем *стратегии убеждения* и *воззвания*, а также следующие *приемы риторического воздействия*: описание текущего положения дел, описание желаемого положения дел, экспликация авторитета, патерналистская аргументация.

Корректировка картины мира собеседника в рамках собеседования при приеме на работу является ведущим мотивом общения на отдельном этапе коммуникативного взаимодействия, а именно тогда, когда идентифицирована коммуникативная проблема, без решения которой дальнейшее дискурсивное развертывание (переход к обсуждению следующей темы) не представляется возможным. Как отмечалось, глобальной целью собеседования в рамках жанра «собеседование» является отбор квалифицированных кадров. Глобальная цель детерминирует общение в целом, в том числе и процесс обработки иррациональности, поэтому мы называем ее дискурсивной обработкой — она происходит в рамках достижения глобальной цели общения и способствует дальнейшему конституированию актуального дискурса. С точки зрения стратегической организации коммуникативного патернализма это выражается в интерференции стратегий дискурса патерналистских отношений и стратегий, конституирующих жанр собеседования. К числу частных стратегий критической проверки относится стратегия создания атмосферы открытости, которая в ситуации патернализма реализуется в единстве со стратегией корректировки картины мира собеседника. Иными словами, ситуация патернализма используется интервьюером как ресурс для создания атмосферы открытости и доверия с целью вывести соискателя «на чистую воду».

Создание атмосферы доверия предполагает конструирование социальной близости, что, по сути, является как самим проникновением в автономию, так и его легитимацией. Стратегией вербализации социальной близости следует признать *стратегию интимизации*, реализующуюся *тактиками описания сценария возможного развития событий и идентификации говорящего со слушателем* (с применением правил «вежливой» перекодировки интенции).

Для иллюстрации стратегичности патерналистского взаимодействия приведем фрагмент транскрипта из собеседования при приеме на работу, в котором интервьюер убеждает соискательницу в необходимости начать профессиональную деятельность в отделе по работе с клиентами, а не в отделе по работе с юридическими лицами, как она это себе представляет, т.е. обрабатывает симптом иррациональности, названный нами «неразумное желание».

Пример 19. wErtpapier

```
001 B:  (2,3) und (-) ich bin natürlich gerne bereit; (.)
002     dann (.) noch nen bisschen (-) prAktikum zu machen,
003     (.) kein problEm, (-) wenn sie das gErne; (1,4)
004     anstreben (-) wÜrden.
005         [<<cresc>um dann nochmal genAu]>,
006 I:  <<f>[also sIe sagn aber]> (1) <<acc>tschuldigung.>
007 B:  in wErtpapiere; nochmal bisschen rEinzuriechn? (1)
008 I:  'h (0,9) ja. (-) wErtpapier (-) <<f> [also es gIbt]
009 B:                                       [ansonstn    ]
010 I:  eine ganz (.) ganz (.) ganz (.) wichtige (-)
011     funktIon>. das ham sie noch nIcht; (-) ganz begrIffn
012     (-) aber dAs=ist=eh (0,9) werdn (.) sie dAnn
013     begriffn; (0,6) begrEifn; (0,9) <<rall>wenn: sie (-)
014     das nIcht können> (.) es gibt Eine funktion, (-) das
015     ist das (.) berAtungs (.) und servicetEam. (1)
016 B:  mhm; (-)
017 I:  'h (-) ehm (1,2) Alle bewerber (-) redn natürlich
018     immer von (.) kredItabteilungn; (.) von
019     firmenkundengeschÄft; (1,7) von=eh:m (1,5)
020     individuAlkundenbereich; (-) von (1) alles
021     mÖglichem. (1) aber (0,6) <<rall>das grUndlegende
022     (-) bankgeschäft>. (1,7) eh (-) die (.)
023     schAltertätichkeit; (.) <<dim>wie sie immer so schön
024     gesacht hat>? (1) ehm (-) also das (-) berAtungs und
```

025 serviceteam. (-) <<f, acc>nicht nur das
026 kOntoauszügerausgeben; (.) das lernt man ziemlich
027 schnEll; (-) aber> (1) eh das (-) berAtn des kundes?
028 (0,9) des kundn; (.) bei (-) wE:ni:ger:; (-) bei
029 <<acc>klEineren>; (0,6) nicht so [fÜrchterlich],
030 B: [mhm]
031 I: schwierigen (-) produktn; (-) also (-)
032 I: bOnussparvertrach; (0,7) oder (.) bei (-)
033 sparverträgn; (.) bei fEstgeldern; 'h bei herausgabe
034 (-) von (.) schEcks; (1,4) 'h ehm (-) <<acc>gut da
035 muss man nicht viel berAtn>; (-) aber auch (-) dAs
036 (.) muss man; (-) irgendwIe, (0,6) freundlich (-)
037 rüberbrIngn. (0,6) bei:m: (-) verkaufn (-) einer (-)
038 EUrocard, (1,6) beim (1) eh (-) wie läuft eigentlich
039 nen (.) überwEisungsvorgang; (0,6) eh: (-) wie (-)
040 was wird (.) mit dIeser liste; (.) und mit jEner
041 liste gemacht; (-) wie wird (.) disponIe:rt? (0,8)
042 'h ehm (0,8) wo läuft dIeses hin, (.) und wo läuft
043 jEnes hin; (-) und weiß der=eh sOlche (.) ganzn (-)
044 grUndlegenden (.) dinge; (.) wie mach ich (-) nen
045 klEinkredit? (2) ehm (0,9) <<f>dAs> müssen (.) sie
046 alles (-) mal gesEhn (-) und auch mal geMACHT habn?
047 (0,6) oder (-) wie geb ich ne lAstschrift zurück?
048 und all solchn [krAm;]
049 B: [nee ist] klAr, (0,6)
050 I: <<f>wenn sie (.) dAs (-) nicht (-) können> (0,9) das
051 wird ihnen (-) Immer (-) anhängn, (0,7) spÄter, (1)
052 wenn (.) sie mal Irgendwo; (0,7) nen stock hÖher;
053 (0,7) oder (.) auch (-) so irgendwo (-) als (.)
054 <<cresc>individuAlkundenbetreuer> sitzn; (1) 'h denn
055 (-) die lachn sie alle Aus, (-) wenn sie (.) da noch
056 (-) [nIe] was von gehört [habn.] (-)

057 B: [mhm] [stimmt]
058 I: h so dEswegen (0,9) nicht das (-) wErtpapiergeschäft
059 (.) fehlt ihnen, sondern (.) diese grUndlegende (-)
060 sache. (1) 'h auch (.) wenn sie da (-) am Anfang,
061 (0,6) mit GROLLn reingehn, ((lacht)) und sagn hm das
062 ist so hm hm <<acc>kontoauszüge einsortIern und so
063 weiter; (1) 'h bislAng (1) hab ich immer (.) Alle
064 überredet, (-) das zu mAchn, (1,4) und bislang ham
065 mir alle (-) denn immer nach (.) ein zwei jahrn auch
066 rEcht gegebn, (0,9) das war gUt, (.) also dIeses,
067 vOrlauf; nä?
068 B: =ich denk mal [das ist doch] schon mit bEi, (-)
069 I: [das war gUt,]
070 I: ja (.) nee (-) [nicht] Unbedingt; (.) das=[eh]
071 B: [nä?] [nee?]
072 ((lacht)) (0,6)
073 I: das war gUt, (0,9) dass (-) das\ gemAcht [wurde.]
074 B: [und das]
075 ist auch [rIchtich], das seh ich [auch völlich Ein.]
076 I: [nä?] <<cresc> [so denn]
077 das trainEeprogramm>, eh oder (1,2) d\ d\ der
078 Ablaufplan beginnt im grunde ab erstn sIebtn erst.
079 [dat is] wirklich
080 B: [mhm]
081 I: nen vOrlauf, (-) [das] machn ja nicht Alle. (-)
082 B: [mhm]
083 I: 'h so und (-) bei IHnen? (0,7) studium Ohne
084 banklehre? (-) ist das sch\ (-) noch wIchtiger. (.)
085 also (0,7) eh normAlerweise (0,9) <<acc>müssn wir
086 sAgn>; VIERteljahr? (2,7) be es tE, <<lachend>heißt
087 das> bei uns, [jetzt kommt] auch so=ein (-)
088 B: [mhm]

```
089 I:  fÜrchterlicher begriff, (.) also kUnden[center   ];
090 B:                                        [((lacht))]
091 I:  (0,9) 'h kommt von dEr; (0,7) be vAu; (-) das:>
092     berAtungs (-) und service\team? (1) da vOrschaltn.
093     (0,8) das sOllte (.) man schon tun, (1,8)
094 B:  ta\ da <<acc>ich hab gedAcht? das ist schon so:>
095     geplant, (-) [also      ]
096 I:               [schon klar] ja okAy. mhm,
097 B:  damit hab ich kein problEm  [((lacht))] ich dEnk mal;
098 I:                              [mhm;     ]
099 B:  das muss ich auch wissn; (-) [wie] das alles läuft,
100 I:                               [mhm]
101 B:  [das ist natürlich] klar, und wenn das
102 I:  [(...............)]
103 B:  [nun nicht kAnn];
104 I:  [und dAzu ]; <<dim>würd ich das auch benUtzn>.
105     (0,9) das wäre schon ganz gUt, (0,9) 'h und je
106     lÄnger sie (.) das machn, (.) desto (1,2) dAnkbarer
107     (-) sind (-) sInd (.) sie mir dann
108     <<lachend>Irgendwann> mal, [dass ich sie]
109 B:                             [mhm         ]
110 I:  dazu überrEdet habe, (0,9) weil (-) das ist (-) Echt
111     (0,7) echt (.) wIchtich. (0,7)
112 B:  mhm, (1)
113 I:  weil das (.) fEhlt ihnen nachher alles. (1,5)
114 B:  das ist völlich klAr, (-) <<acc>ich hab (0,6) also
115     da (-) gar nicht dran gedAcht; (.) ich dAchte; das
116     ist so und so schon ge[plAnt,]>
117 I:                        [mhm   ] ja, ist okAy. hab ich
118     (-) auch (-) so (-) verstAndn.
```


После индикации иррациональности представления соискательницы о работе в банке путем повторения части предшествующего коммуникативного вклада соискательницы (wErtpapier) интервьюер начинает дискурсивную обработку иррациональности соискательницы. При этом он обращается к комплексу приемов убеждения. Следует отметить, что сам он определяет свое коммуникативное поведение на данном этапе коммуникативного взаимодействия как убеждение (bislAng (1) hab ich immer (.) Alle überredet).

Чтобы убедить соискательницу в том, что она заблуждается в своих представлениях, интервьюер последовательно описывает

- текущее положение дел, т.е. иррациональное представление соискательницы о работе в банке (das ham sie noch nIcht; (-) ganz begrIffn), уподобляя его представлению других соискателей (Alle bewerber (-) redn natürlich immer von (.) kredItabteilungn; (.) von firmenkundengeschÄft; (1,7) von=eh:m (1,5) individuAlkundenbedreich; (-) von (1) alles mÖglichem.);
- желаемое положение дел (021-063), суть которого он выражает фразой, содержащей компонент директивности: «dAs> müssen (.) sie alles (-) mal gesEhn (-) und auch mal geMACHT habn?»;
- имплицитно указывает на способ достижения желаемого положения дел (h so dEswegen (0,9) nicht das (-) wErtpapiergeschäft (.) fehlt ihnen, sondern (.) diese grUndlegende (-) sache.);
- апеллирует к собственному авторитету в вопросах «устройства» профессиональной судьбы молодых специалистов ('h bislAng (1) hab ich immer (.) Alle überredet, (-) das zu mAchn, (1,4) und bislang ham mir alle (-) denn immer nach (.) ein zwei jahrn auch rEcht gegebn, (0,9) das war gUt,);
- прибегает к патерналистской аргументации, т.е. убеждает соискательницу, что его предложение в

долгосрочной перспективе соответствует ее интересам, хотя и противоречит сиюминутным желаниям ('h und je lÄnger sie (.) das machn, (.) desto (1,2) dAnkbarer (-) sind (-) sInd (.) sie mir dann <<lachend>Irgendwann> mal, dass ich sie dazu überrEdet habe,).

Стратегия воззвания обнаруживается на том участке коммуникации, где интервьюер эксплицитно формулирует цель своих действий — заставить соискательницу начать работу в банке в отделе по работе с клиентами: «da vOrschaltn. (0,8) das sOllte (.) man schon tun». Соискательница декодирует интенцию интервьюера и подтверждает согласие с его точкой зрения, меняя свою точку зрения: «das muss ich auch wissn; (-) wie das alles läuft,».

Проникновение в автономию соискательницы происходит на фоне конструирования социальной близости. Ситуация институционального общения амбивалентна в отношении конструирования социальной близости между участниками общения. С одной стороны, оно протекает в коммуникативных условиях, располагающих к конструированию социальной близости: диалогичность, непосредственный контакт, включенность в ситуацию общения, возможность экспрессии. С другой стороны, институциональность накладывает определенные ограничения на выбор и пути развития темы и степень спонтанности.

В рассматриваемом примере агент института — интервьюер, руководствуясь глобальными целями общения, делает выбор в пользу сокращения социальной дистанции путем последовательного применения стратегии интимизации. Под интимизацией мы понимаем процесс восприятия информации, при котором происходит приобщение одного сознания к какому-либо предмету или объекту коммуникации через другое, отличное от первого по образу мыслей и чувств, сознание (Руднев, 1997). В процессе интимизации участвуют три стороны: воспринимающее сознание, десубъективированный субъект восприятия и то, что он воспринимает, — нечто третье, нечто другое, чем то, что видит первое сознание (например, книга, цветок, музыкальное произведение и т.п.). Приобщение второго сознания к третьему компоненту коммуникативного процесса посредством первого сознания составляет суть явления интимизации. В ходе исследования мы установили, что стратегия интимизации реализуется тактиками описания сценария возможного развития событий и идентификации себя говорящим со слушателем.

В анализируемом примере третьим компонентом является путь профессионального становления соискательницы. Соискательница воспринимает его через описание интервьюера. Иными словами, в целях интимизации коммуникации интервьюер прибегает к тактике, названной нами «описание сценария возможного развития событий». Он говорит о проблемах, которые могут возникнуть у соискательницы в дальнейшем, если иррациональность ее решения не будет устранена сейчас, на данном этапе коммуникативного взаимодействия: «<<f>wenn sie (.) dAs (-) nicht (-) können> (0,9) das wird ihnen (-) Immer (-) anhängn, (0,7) spÄter, (1) wenn (.) sie mal Irgendwo; (0,7) nen stock hÖher; (0,7) oder (.) auch (-) so irgendwo (-) als (.) <<cresc>individuAlkundenbetreuer> sitzn; (1) 'h denn die lachn sie alle Aus, (-) wenn sie (.) da noch (-) nIe was von gehört habn.». Маркерами возможного развития событий служат союзы, вводящие условные придаточные предложения (wenn), неопределенные наречия места и времени (immer, später, mal irgendwo, irgendwo), коннекторы, указывающие на наличие альтернатив (oder, auch).

Другой тактикой стратегии интимизации является тактика идентификации себя со слушающим. Вербально она выражается формулой «если бы я был на твоем месте, то я поступил бы так: ...», например «<<dim>würd ich das auch benUtzn>. (0,9) das wäre schon ganz gUt,». Данная тактика основывается на группе тактик вежливости, предполагающих актуализацию чего-либо общего между говорящим

и слушающим («claim common ground» в терминологии Brown / Levinson).

Процесс дискурсивной обработки иррациональности складывается из последовательного применения ряда тактик стратегий двух типов — дискурсивных стратегий и стратегий установления соответствующей глобальной цели общения тональности.

По иному, конфронтативному, сценарию разворачивается коммуникативное взаимодействие в следующем эпизоде, в котором интервьюер прибегает к стратегии и тактикам патерналистской аргументации, т.е. пытается убедить соискателя в необходимости действия, которому соискатель противится (переезд в Берлин), и заставить его дать «нужный» для приема на работу ответ (согласие переехать в Берлин является условием для дальнейшего обсуждения).

Пример 20. umziehn

```
01  I1: ich dEnke mir, von (ORTSname) jeden tag hierher fahrn,
02      <<all>dass is natürlich=n bisschen UMständlich. ne,>
03      ((...)) ((verweist auf die abseitige Lage der Firma))
04      (-) wie würden=se=n das MAchen. also da sind=se doch
05      <<rall>>pro TACH\> (-) eh hin und RÜCKfahrt, jeweils
06      anderthalb STUNdn, drei stundn unterWEGS.
07  B:  (1) das lässt sich nicht verMEIden. (-) wenn ich ma
08      davon Ausgehe, ich würde in berLIN wohnen, (.) in
09      ürgend=nem RANDbezirk, un=muss am Andern ende der
10      STADT zur arbeit, (-) bliebe mir am ende
11      OCH nichts andres;
12  I1: ja DOCH. UMziehn. (1) hehe [hehe (-)
13  B:                             [(h)naja
14  I1: i=mein das (.) das=das gEht doch letztendlich auch
15      e:h <<p>m:h ich sach mal auf=auf> ihre.
16      ARbeitsleistung (2) trä\ (-)wirkt sich das so AUS
```



```
17      also ihre regeneraTIONSphasen sind dadurch ja: doch
18      relativ geRING. (1) und den STRESS den sie haben.
19      (2) und das nächste der nächste punkt is letzendlich
20      e:hm (-)sie werden ja sicherlich nicht so=n so=n so=n
21      acht bis sechzn UHR arbeitstag haben. <<p>nich,
22      sondern>. hh (-)<<len>das kann durchaus auch mal
23      etwas LÄNger dauern.>
24      ((…))
25      das bedeutet aber dass man auch mal zwölf STUNdn am
26      tag arbeiten kann.
27  B:  <<p>mhm,> (1) na ja; ich seh da aber nicht das
28      probLEM. wenn [(jeden) eh wenn die\ tätigkeit an sIch
29  I1:               [mhm,
30  B:  jetz (.) eh\ intreSSANT is, dann\
31  I1: =mhm, mhm
32  B:  (1) nimmt man das (denn) in KAUF;
33  I1: ja GUT; aber füs uns natUrlich=n RIsikofaktor, weil
34      wir sind uns imner beWUSST, (.) wenn ihnen was
35      BESSeres, (1) reqioNAL (1) bezogen angeboten wird,
36      sind=se WEG.
37      ((klatscht in die Hände))
38      (5) oder NICH;
39  B:  (2) ja kommt drauf AN was ANjeboten wird;
40  I1: ja [wenn=s: ihnen was verGLEICHbares angeboten wird.
41  B:     [(<<p>das is .h>)
42  I1: beziehungsweise .h vielleicht auch=n tick weniger;(1)
43      intres [SANT,
44  B:         [in der region siehts aber zur zeit SCHLECHT
45      aus (-)[(.....)
46  I1:        [(drauf) können wir nicht spekuLIEREN. nicht,
```

В качестве симптома иррациональности интервьюер, представитель западнонемецкой лингвокультуры, интерпретирует конструируемое соискателем, являющимся представителем восточнонемецкой лингвокультуры, незнание стратегий и тактик ведения «западнонемецкого» собеседования. По этой причине интервьюер считает себя вправе вторгаться в автономию соискателя (в его сферу принятия решений). В данном примере мы наблюдаем резонанс дискурсивной роли интервьюера / эксперта: согласно канонам проведения собеседования интервьюер обладает дискурсивным правом задавать вопросы, менять тему разговора, прерывать собеседника, что он и делает. Кроме того, в ходе коммуникации интервьюер убеждается в том, что обладает моральным правом корректировать картину мира соискателя, и совершает такую попытку. Интервьюер выбирает кооперативную стратегию непрямого принуждения. При этом он использует тактики подсказки и аргументации.

Уже своим первым коммуникативным ходом (01 — 06) интервьюер дает понять соискателю, что его намерение приезжать на работу в Берлин из отдаленного места не отвечает интересам работодателя. Соискатель, однако, не воспринимает «подсказку» и выбирает некооперативную стратегию обороны: вместо того чтобы предложить компромиссное решение (отложить переезд на какое-то время, пообещать снять квартиру в Берлине), он тематизирует проблему далее (тактика аргументации), сопоставляя расстояние между Берлином и местом, где он живет, и расстояние между окраиной Берлина, где, по его мнению, он окажется в результате переезда, и местом работы (07 — 11). В следующем коммуникативном ходе интервьюер придерживается тактики аргументации, перечисляя те негативные последствия, которые может оказать полуторачасовая поездка на работоспособность соискателя, и предупреждая его о ненормированном рабочем дне (14 — 26). Применяя тактику генерализации, соискатель подменяет проблему мобильности проблемой заинтересованности в работе (27 — 28, 30, 32) и тем самым пытается ее нивелировать. Интервьюер последовательно применяет тактику аргументации, объясняя соискателю опасения работодателя, связанные с текучкой кадров, не закрепленных регионально (33 — 38, 40, 42 — 43). Генерализируя проблему далее, соискатель пытается опровергнуть аргумент интервьюера (44 — 45), однако интервьюер, воспользовавшись диалогической тактикой завершения темы, препятствует этому (46).

Патерналистская интенция, таким образом, кодируется как последовательность тактик стратегии корректировки картины мира собеседника, что с точки зрения инициирующего коммуникативный патернализм происходит в интересах собеседника, однако отвергается его собеседником как ресурс для построения следующего этапа коммуникации. После того как один из участников общения предпринял попытку решить проблему иррациональности другого, открывается следующий этап патерналистской коммуникации — этап конструирования дискурса патерналистских отношений.

2.2.3. Интерактивное конструирование статуса дискурса патерналистских отношений. Под конструированием статуса дискурса патерналистских отношений мы пониманием ратификацию или опровержение действий адресанта патерналистского действия адресатом. Ключевым для анализа этого процесса является реакция адресата на действия адресанта. В случае если адресат принимает коммуникативную помощь со стороны адресанта, то дискурс патерналистских отношений подтверждается как состоявшийся. В случае если адресат оспаривает то положение дел, при котором он предстает нуждающимся в опеке, то дискурс патерналистских отношений опровергается, оспаривается иным видением действительности, иным дискурсом, т.е. происходит борьба дискурсов. Теоретической основой рассуждений о

процессе придания статуса дискурсу патерналистских отношений в настоящей работе является конструкционистски ориентированная теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф (Йоргенсен / Филлипс, 2008), о которой речь шла в п. 1.4.

В качестве примера конструирования статуса дискурса патерналистских отношений рассмотрим обсуждение введения в РФ комендантского часа для несовершеннолетних, развернувшегося между посетителями новостного портала, на котором было опубликовано соответствующее новостное сообщение.

Пример 21. Комендантский час[8]

Совет Федерации ограничил детей во времени

13:09 «Правда.Ру»

Введение «комендантского часа» для детей получило одобрение Совета Федерации. Сегодня после бурного обсуждения вопроса о контроле за несовершеннолетними члены верхней палаты российского парламента поддержали проект соответствующих поправок в закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

Положения о «комендантском часе» признают «недетским» время между 22 часами вечера и 6 часами утра и запрещают детям до 18 лет без сопровождения родителей или заменяющих их лиц, а также лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, посещать определенные места. Право определять эти запретные зоны «с учетом местных традиций» предоставляется властям субъектов РФ. Спектр неограничен: кафе, бары, игорные заведения, клубы, иные помещения, а также улицы, парки, стадионы и даже общественный транспорт. Для определения этих мест будут созданы экспертные комиссии.

Между тем региональные власти получают возможность также «снижать возраст, до достижения которого не допускается нахождение детей в ночное время в установленных местах (но не более чем на 2 года), и сокращать период ночного времени с учетом сезона года и климатических условий». Они же будут определять порядок уведомления родителей или органов внутренних дел об обнаружении в неположенное время в неположенном месте ребенка, а также порядок возвращения его либо домой, либо в приют, если ребенок — сирота. Субъекты Федерации будут устанавливать и административную ответственность за несоблюдение родителями установленных требований.

Напомним, что законопроект о «комендантском часе» был внесен в Госдуму президентом РФ по результатам успешного эксперимента, проведенного в течение 2008 года в 15 регионах страны. По данным главы МВД, там снизилось количество преступлений как против детей, так и совершенных самими детьми и подростками.

[8] http://news.mail.ru/politics/2533800/ (дата обращения: 22.04.2009).

Данный текст ретранслирует патерналистскую правовую норму (статья 14.1 федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в редакции от 17.12.2009). Поскольку все сказанное в данном тексте имеет смысл в связи с комендантским часом, узловой точкой данного фрагмента дискурса патерналистских отношений является знак «комендантский час». Вокруг этого знака «кристаллизуются» значения других знаков:

- «Совет Федерации» — это тот орган, который одобрил введение комендантского часа для детей;
- «дети» — лица моложе 18 лет, в отношении которых вводится комендантский час;
- «запретные зоны» — это места, где детям находиться небезопасно и от нахождения в которых их нужно защитить посредством введения комендантского часа;
- «экспертные комиссии» — это органы, которые должны определять, что является запретной зоной;
- «период ночного времени» — это временной промежуток, в течение которого детям запрещено появ-

ляться в запретных зонах (с 10 часов вечера до 6 часов утра);
- «родители» — это те, кто обязан понести наказание в случае нарушения ребенком комендантского часа, и т.п.

Замыкаясь на этих значениях, дискурс патерналистских отношений «выталкивает» в сферу дискурсивности такие возможные значения знаков, как:
- «комендантский час» — это дискриминация несовершеннолетних;
- «дети» — это те, о ком заботятся родители;
- «кафе, бары, игорные заведения, клубы» — это места для свободного времяпрепровождения и т.п.

Само же значение знака «комендантский час» конституируется его соположением со знаком «гарантии прав ребенка» (в названии закона), т.е. в данном тексте «комендантский час» артикулируется как одна из гарантий прав ребенка, как забота о нем, что соответствует философско-правовому пониманию патернализма, суть которого составляет примат ограничения свободы личности во имя ее благополучия (т.е. ситуация заботы через запрет появляться в общественных местах в темное время суток). Источником этой специфической артикуляции является дискурс патерналитских отношений государства и индивида, который ретранслируется, или реартикулируется, через дискурс СМИ (на отделении одного дискурса от другого мы не останавливаемся, так как они оба находятся друг для друга в области дискурсивности и не спорят ни за один привилегированный знак).

Забота о детях заключается в минимизации вероятности совершения преступлений как против них, так и ими самими путем ограничения их права (и, следовательно, возможности, т.е. внешней автономии) находиться в запретных зонах во время действия комендантского часа. Особенностью такой установки является ее генерализированный и однонаправленный (канал коммуникации открыт только со стороны адресанта), лишенный обратной связи (письменно-асинхронная коммуникация) характер.

Данный текст сопровождается комментариями посетителей новостного портала, рассматриваемыми нами как обсуждение, протекающее в режиме письменной квазисинхронной коммуникации. Комментарии представляют собой артикуляции дискурса патерналистских отношений, которые как воспроизводят его, так и оспаривают. Следующие высказывания воспроизводят дискурс патерналистских отношений[9]:
- «Павел Михайлович Кленовицкий: Все это старо и было еще в советские времена. И не было никаких проблем, а был порядок.»;
- «Казис: Правильное решение. Когда подросткам спать и отдыхать лучше всего, чем в ночное время.»;
- «Петр: Ничего, рано или поздно притрут закон и родителей заставят его соблюдать. Штрафами задолбают...»;
- «Петр: Наконец-то дождались умного решения, давно уже было пора навести на улице порядок. И лишний раз установить контроль не только за малолетками, но и их нерадивых родителях...»;
- «Татьяна Королева: Вот и прекрасно! Порядок давно уже необходим!».

В рамках данного коммуникативного эпизода делиберативный дискурс, артикулирующий заботу как исчерпывающее информирование (по аналогии с делиберативной моделью отношений врача и пациента), ведет борьбу с дискурсом патерналистских отношений за знак «комендантский час», артикулируя его не как гарантию прав ребенка, а как ограничение прав личности (ДЕТЕЙ ВО ВРЕМЕНИ — ЛЮДЕЙ В ПРАВАХ!). Соответственно значения некоторых других знаков артикулируются иным образом:

[9] Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

- «ребенок» — это тот, кто еще в недостаточной мере вовлечен в социальную жизнь, а не тот, кто еще не достиг совершеннолетия («А курсанты в 17 лет уже получают оружие и заступают на выполнение боевой задачи»);
- «период ночного времени» — это слишком долгий промежуток времени, исключение которого из распорядка дня делает невозможным ведение полноценного образа жизни («и мне остается погулять 2 с половиной часа!!! Это по-вашему нормально??? мы же ведь молодые, нам хочется веселья, общения с друзьями! встретиться со своей половинкой!!! и как все успеть за 2 с половиной часа???»).

Таким образом, посредством данных текстовых высказываний дискурс патерналистских отношений и делиберативный дискурс ведут борьбу за изменчивый знак «комендантский час» и — шире — за знаки, входящие в систему значений, детерминированных знаком «забота». Для каждого из них он является узловой точкой, вокруг которой «кристаллизуются» значения других знаков.

В случае принятия коммуникативной помощи со стороны другого (коммуникация развивается по кооперативному сценарию) дискурс патерналистских отношений ратифицируется как таковой, а не оспаривается. Средствами его ратификации в плоскости непосредственной межличностной вербальной коммуникации следует признать как сигналы согласия с выдвигаемой в адрес коммуникативного партнера критикой, так и коммуникативные действия, направленные на обработку симптома иррациональности того, кому он атрибутируется. Поясним сказанное на примере.

Пример 22. das is alles sUbjektiv

```
01  B:  ((…)) kUndenbetreuung.=möcht ich machen.
02      (1)
03      ((…))
04  I:  'h eh sie hAm natürlich noch nich vIel (.) von=der
05      bank kEnnengelernt. (-) sie können das nur beUrteilen,
06      (-) 'h (.) durch (1) 'h praktikum (.) ((name)) bank?
07      (.) sie können das beurteilen durch praktikum (.)
08      strAlsund? (-) 'h durch: (.) nEgative erfahrungen (.)
09      durch pOsitive erfahrungen,=<<acc>Oftmals ist das dann
10      auch an: persOnen gebunden,
11      [vielleicht 'h] passten ihnen die persOnen
->  12  B:  [h:m, stimmt; ]
13  I:  bei der ((name)) bAnk nich so? (.) die liefen Alle:
14      im: grauen schlIps rum,=
15      [oder irgends\ ich weiß nich,] (ich\) (-)
->  16  B:  [((lacht))                  ]
17  I:  [<<f>das Is denn manchmal so dass (.) dass die] visAge
18  B:  [<<lachend>dAs kann ich nich sAgen;>          ]
19  I:  einem nich gefällt;> und das is\ (.) 'h manch\ (.) und
20      (.) denn plÖtzlich sagt man, nee; diese (-) 'h
21      kredItabteilung <<dim>mÖcht ich nich.> (.) obwohl das
22      eigentlich: (.) quAtsch is; nUr wEil die\ 'h so das\
23      (-) man (.) krIegt ja das manchmal so; (.) das is ja
24      sEhr Oft dass das (.) nach gefÜhlen entschieden wird;
25      und gar nich nach; (-) 'h <<dim>nach vernUnft (dann).>
->  26  B:  ich hab das im nAch [hinein\]
27  I:                          [sie ham] eben\ (-) hm?
->  28  B:  im nAchhinein nochmal so überlEgt. (-) warUm mir das
->  29      da nich gefAllen hat. (.) 'h es war einfach sO, (.)
30      ich: durfte da wirklich nur über die schUlter kUcken?
31  I:  hm,
32  B:  und hab da eigentlich <<rall>keinen vOrgang ma:l> (.)
33      selbst beArbeiten können.
```

```
   34  I:  h:m,=
   35  B:  =also ich hab\ (.) <<acc>wurde da eigentlich mehr oder
   36      weniger in die Ecke geschoben;> wenn ich [das so] im
   37  I:                                           [h:m,  ]
   38  B:  nAchhinein [sehe;]
   39  I:             ['h   ] oder (.) oder sO [etwas.] (.) da
   40  B:                                      [obwohl] ich das
   41      gar nich so mItbekommen hab; (.) in dEr zeit; (.) es
   42      [waren ja auch nur drEi wOchen;       ]
   43  I:  [<<f> hm, ja=sie KANNten das noch nich] anders;> ja;
   44      (1)
-> 45  B:  [JA:; (.) so ungefÄhr.    ]
   46  I:  [sie wUssten ja nich wie=s] Anders (eh=ja) [gEht. ]
-> 47  B:                                             [genau,]=
   48  I:  =<<p>ja; (.) h:m,>
-> 49  B:  <<p>[genauso Is es.]>
   50  I:      ['hh gUt; des ] k\ kommt aber wirklich immer drAuf
   51      an, an w:Elchen (1) PA:ten, oder oder=an (.) welche
   52      person sie gerAten. (-) [der Eine is ganz ] Offen, und
-> 53  B:                           [das is richtig;  ]
   54  I:  sagt aoh (.) komm hEr, hier (.) lernst du; zack ich
   55      kÜmmer mich; und 'h und der andre sagt nEe:,
   56      <<rall>das is schon wIeder=n praktikant;> und
   57      ((stöhnt))o: [a:h> (-) <<f, rall, gedehnt>jEde]
-> 58  B:               [((lacht))                      ]
   59  I:  woche=n nEuen;=und\> (-) 'h ja;=das Is ja leider [so.]
-> 60  B:                                                   [ja;]
   61  I:  und denn, (.) der hat, (-) ja. oder der (.) b\
   62      erAter, <<acc>oder der kredItsachbearbeiter hat grade
   63      (-) ne=schlechte phAse;> (.) die frAu hat ihn grade
```



```
   64      geÄrgert; oder 'h (.) es Is ja manchmal, (-) 'h das
   65      is manchmal so kOmisch im leben, (-) 'h
   66      <<staccato, betont>und (.) sIe (.) schlIeßen (.)
   67      dAraus?> (-) dass ihnen die abtEilung nich gefällt,
   68      (.) und das is natürlich <<dim> schOn gefährlich.>
   69      (1)
   70      'h (-) eh <<acc,f>das muss man jedenfalls wIssen;> ehm
   71      (-) man muss nur wIssen dass (-) dass=eh\ (.) man muss
   72      da sehr vOrsichtig sein, deswegen=
-> 73  B:  =das stimmt; <<cresc>das is alles sUbjektiv;>
```

Интервьюер последовательно критикует желание соискательницы работать в отделе по работе с юридическими лицами, тем самым снова и снова актуализируя симптом иррациональности, названный нами «неразумное желание». Он складывается из комплекса ложных предпосылок в принятии решения: отсутствие практического опыта (04—05), эмоциональность в принятии решения (24—26), отсутствие сопоставимого опыта (44), перенос отношения к сотрудникам на работу отдела в целом (51—53). С каждым из этих пунктов соискательница соглашается (фрагменты отмечены стрелками), тем самым признавая факт принятия ею «неразумного желания», которое к тому же, с точки зрения интервьюера, является еще и опасным: «sIe (.) schlIeßen (.) dAraus?> (-) dass ihnen die abtEilung nich gefällt, (.) und das is natürlich <<dim>schOn gefährlich.>». Свое согласие с иррациональностью сделанного ею выбора она выражает следующими средствами:

- сигналами активного слушания (h:m, stimmt);
- смехом;
- рефлексией по затронутой тематике (ich hab das im nAchhinein im nAchhinein nochmal so überlEgt. (-) warUm mir das da nich gefAllen hat.);
- сигналами полного или частичного согласия со сказанным коммуникативным партнером (JA:, genau, genauso Is es, so ungefÄhr);

– оценкой правильности предыдущего высказывания коммуникативного партнера (das is richtig).

Ратификация соискательницей атрибутированной ей иррациональности дает интервьюеру возможность совершить комплексную корректировку ее картины мира — он не только устраняет отдельные симптомы иррациональности, с наличием которых соискательница соглашается, но и дает ей совет «по жизни», т.е. выступает в роли наставника: «<<acc,f>das muss man jedenfalls wIssen;> ehm (-) man muss nur wIssen dass (-) dass=eh\ (.) man muss da sehr vOrsichtig sein, deswegen». Соискательница принимает данный совет и тем самым ратифицирует не только коммуникативную помощь в принятии решения, но и корректировку своей картины мира. Она сигнализирует согласие с пропозициональной частью совета (das stimmt) и уточняет его содержание путем перифразы (<<cresc>das is alles sUbjektiv;>).

Наставничество как способ дискурсивной обработки иррациональности субъекта общения отличается от патернализма тем, что «наставник» не действует вопреки воле «наставляемого». Наставничество является чем-то вроде акта доброй воли, сигнализирующего расположение между коммуникантами. Патернализм, напротив, представляет собой вмешательство в автономию другого вне зависимости от того, согласен ли он с этим или нет. Таким образом, ситуацию конструирования наставничества можно рассматривать как ратификацию дискурса патерналистских отношений, как благодарное принятие не только коммуникативной, но и межличностной опеки.

2.3. Микродискурсивные практики коммуникативного патернализма в жанре «собеседование»: межкультурный контекст

До настоящего момента наши рассуждения затрагивали такие аспекты дискурса патерналистских отношений, как

его коммуникативные пространства, параметры и макродискурсивные практики. Еще одной ключевой характеристикой дискурса патерналистских отношений является контекст его реализации, понимаемый нами как условия коммуникации, влияющие на представление одного коммуниканта о степени рациональности другого.

Мы предполагаем, что иррациональность атрибутируется коммуникативному партнеру как представителю определенной социальной группы. Деконструкционистское прочтение ряда работ по социо- и прагмалингвистике, теории межкультурной коммуникации и социальной философии (Бакумова, 2002; Донец, 2001; Дубинина, 2007; Зайцева, 1998; Кириллина, 2004; Красных, 2003; Куликова, 2004 / 2006 / 2009; Леонтович, 1998 / 2005 / 2007; Тер-Минасова, 2000; Albert, 1993; Beamer, 2001; Buche, 2002; Eckert, 2004; Fritzsche, 1992; Gibson, 2002; Giddens, 1984; Gramsci, 1991; Heringer, 2004; Kumbier, 2006; Levinson, 2000; Maaz, 1990; Moebius, 2001; Müller-Jacquier, 2004; Nowak, 2006; Raster, 2002; Tannen, 1999a / 1999b; Tomalin, 2002) позволяет предположить, что на основании того, какая идентичность постулируется самим коммуникантом или атрибутируется ему коммуникативным партнером через иррациональность или другие признаки, мы можем говорить о контекстах реализации патернализма: монокультурном и межкультурном, возрастном и гендерном, профессиональном и непрофессиональном и др. Иными словами, патернализм обусловлен представлением о том, что некоторые социальные группы иррациональны в принципе. Например, таким социальным группам, как «дети» и «душевнобольные», иррациональность атрибутируется абсолютно, а ее обработка законодательно урегулирована и реализуется посредством института опекунства.

К числу групп с имманентно атрибутируемой иррациональностью, на наш взгляд, можно отнести представителей иной культуры в ситуации общения на неродном языке. Мы уделяем особое внимание межкультурному контексту реализации патернализма, поскольку полагаем, что ситуация

межкультурного общения является наиболее вероятной средой возникновения коммуникативного патернализма, так как инокультурность является практически ненивелируемым признаком. При этом мы рассматриваем тематизацию инокультурности, которая неизбежно сопровождает межкультурное общение между незнакомыми людьми, использующими ее в качестве главного ресурса для построения коммуникации (B. Müller-Jacquier, 2004), как фоновую атрибуцию иррациональности (непрекращающееся упоминание), проходящую красной нитью через все этапы коммуникативного взаимодействия.

Межкультурную обусловленность коммуникативного патернализма мы исследуем на материале основного корпуса данных из исследования (Birkner, 2001), представляющего собой собеседования при приеме на работу, протекающие между представителями восточно- и западнонемецкой лингвокультур. Релевантной в рамках рассмотрения данного вопроса характеристикой контекста общения, или жанра, является то, что его стратегическая ориентация в целом и в особенности упоминавшийся выше конфликт интересов интервьюера и соискателя приводят к тому, что коммуникация протекает в непрямой, имплицитной форме. Конститутивным признаком собеседования является его двухуровневость: на поверхностном уровне участники говорят о конкретных данных и фактах; на глубинном уровне скрытых целей, непрямых посланий и интерпретаций они интерпретируют поведение другого и ищут мотивы его действий. Соискатель должен уловить не только смысл вопроса или серии вопросов, но и скрытую интенцию интервьюера. Интервьюер, в свою очередь, должен понять, играет ли соискатель роль отличного кандидата на должность или он на самом деле таковым является. Из всех соискателей преимущества на стороне того, кто обладает знаниями о жанре (наличии импликатур, модели интерпретации сказанного как основы для принятия решения, типичных вопросах и т.п.) и соответствующим образом подготовлен.

Разное представление о жанре «собеседование при приеме на работу» у западных и восточных немцев и возникающие в связи с этим коммуникативные проблемы в ходе непосредственного межличностного взаимодействия составили основу проблематики исследования (Birkner, 2001), в рамках которого немецко-немецкое общение рассматривается как межкультурное.

Под межкультурной коммуникацией Л.В. Куликова понимает «межличностное общение между представителями различных культурных, а также субкультурных групп, в процессе которого имплицитно или эксплицитно проявляется чужеродность партнеров по коммуникации, влияющая на результат коммуникативного взаимодействия» (Куликова, 2004: 25). В частности, автор рассматривает немецко-немецкий дискурс как межкультурный, аргументируя это тем, что «...восточные и западные немцы долгое время жили в разных коммуникативных сообществах. Последние поколения двух немецких государств, ставшие непосредственными участниками и исполнителями германского объединительного процесса, прошли инкультурацию в разных политических, культурных, мировоззренческих системах со своими ценностными установками и поведенческими нормами (там же: 144)». «Имевшая место еще во времена раскола Германии асимметричная коммуникация сохранилась и после вхождения восточной части в западную» (Белецкий / Куликова, 2009: 123).

Таким образом, мы рассматриваем собеседования при приеме на работу между восточными и западными немцами как ситуацию межкультурного общения, а тематизацию инокультурности — как атрибуцию иррациональности субъекту общения. В ходе проведения собеседования коммуниканты тематизируют существование двух немецких лингвокультур и вместе с тем делимитируют (разграничивают) их, что, на наш взгляд, способствует возникновению атмосферы опеки и покровительства в разговоре со стороны интервьюера, представителя западнонемецкой лингвокультуры, по от-

ношению к соискателям, представителям восточнонемецкой лингвокультуры.

На основании проведенного исследования мы установили следующие группы средств делимитации западной и восточной немецких лингвокультур как фона для возникновения коммуникативного патернализма:

– реалии (уклад жизни, формы социальности) (aber das sind Alles enge strAßen;= also da fährt man drei stunden und mEhr.);

– момент объединения (es gIbt=s noch. (-) vOrher hat es tausendzweihundert beschÄftigte gehabt, (.) vor der wEnde,);

– географические названия (das ist die grÖßte, (.) und modErnste papIerfabrik in Ostdeutschland?);

– экспликация культурной принадлежности (ich mein bei Uns is es Auch nich optimal,=aber es is bestimmt noch optimAler als: (.) in den: (.) Altbundesländern; sag ich mal, (-) 'h dieses verhältnis profEssor studEnt.);

– представление одной общности о другой (<<acc,f>drÜben is das wohl> nich so verbrEitet; ne? (-) <<p>nich sO?>);

– использование характерного для общности лингвистического кода (jA; (.) also die eh oh Es, (-) Is (-) wie ein gymnasium.);

– упоминание факта не в связи с его важностью для общения, а в связи с его соотнесенностью с определенной общностью (dOch, (-) die papIerfabrik (1) eh (.) ist privatisIert worden? von (1) einem grOßen wEstdeutschen (.)papIerhersteller.);

– именование общностей как факт признания их существования (und ham also wIrklich Alles aufgebaut;=und dIe (.) mitarbeiter aus dem (.) Osten ham wir erstmal nEun monate (.) in::eh: (.) den filiAlen (-) der Alten bundesländer geschUlt.);

– экспликация осознания разницы между общностями (Wie die lEben, (1) die Anderen, (2) mit gleichen nAmen auch die deutschen,).

Данные категории взаимосвязаны и актуализируются в процессе непосредственного межличностного взаимодействия не изолированно, а комплексно в границах как целых коммуникативных эпизодов, так и отдельных высказываний.

Делимитация лингвокультурных общностей протекает, как правило, на фоне актуализации реалии. В корпусе данных собеседований нам удалось обнаружить следующие виды реалий, посредством которых (или на фоне тематизации которых) участники общения актуализировали факт существования двух немецких лингвокультур (разграничение по признаку пропозиционального содержания):

• быт:

```
01  B:  ja. ((ortsname)) ist=ne Echte (.) sozialIstische g\ eh
02      grOß(.)stAdt geworden,
03  I:  =mhm,
04  B:  kEine Infrastruktur; (-) eh (-) wohnsIlos,
```

• общественно-политическое устройство:

```
01  B:  aus Ökonomischen betrIebswirtschaftlichen (-) bin ich
02      rAusgelassen worden;=weil die oft auf politischer
03      Ebene entschieden wurden.
```

• особенности сферы образования (в том числе в силу политического устройства):

```
01  B:  die erste prÜfung war, (-) eh die hAuptprüfung in Em
02      El. mArxismus leninIsmus.
```

• идеология политического режима:

```
01  B:  früher gab=s da noch oft (.) ideologische
02      hEmmschwellen, mIt der eh de vAu;
```

Все виды обнаруженных нами реалий могут быть объединены в два класса: реалии своей культурной общности ('h und dann hab ich auch gemErkt; unternEhmensberatung;

(.) nennen sich hier zu vIele. (.) <<acc>in den neuen bUndesländern, wo das=ne frEie eh berUfsbezeichnung ist,>) и реалии другой культурной общности (категория «представление одной общности о другой»). Суждения о реалиях другой культурной общности часто сопровождаются маркерами предположительности, такими как:

- ссылка на общественное мнение (HÖRT ja von hier) ;
- запрос подтверждения правильности суждения (wenn man studIeren wollte muß man\ mUsste man sich drei jahre verpflIchten.=ne?; oder?, Is s auch sO?);
- указание на безоценочность суждения (das is jetzt rEin interEsse);
- указание на субъективную точку зрения (sag ich mal);
- формы сослагательного наклонения (müsst=es das Auch gegeben haben);
- модальные слова (drÜben is das wohl nich so verbrEitet; aber so (diese) diese clUbszene so; die gibt=es eigentlich eher im Osten).

На наш взгляд, вербализация представления о другой общности через модус предположительности позволяет смягчить процесс делимитации и вместе с тем нивелировать известные всем участникам общения атрибуции конкретной лингвокультурной общности как элементы угрозы социальному лицу коммуникативного партнера, категоризируемого в момент делимитации общностей как представителя другой лингвокультурной общности. В устах представителя другой общности эти атрибуции не являются ликоугрожающими, поэтому они эксплицируются в суждениях о собственной культуре.

Анализ корпуса данных позволил выявить следующие атрибуции для восточнонемецкой лингвокультуры. Во-первых, быт и общественно-политическое устройство ГДР атрибутируются как дефицитарные (es wurde (.) politisch fEstgelegt; wir bauen keinen modErnen betrIeb, (.) sondern wir bauen Einen betrieb.). Во-вторых, восточнонемецкий уклад

жизни воспринимается в целом как пережиток прошлого, как нечто, с чем нужно поскорее расстаться в новых условиях объединенной Германии (ja. also da(.)hinten ist noch nicht viel gemAcht worden.). На лексическом уровне маркерами данной установки являются семантические компоненты «еще не» и «все еще», обнаруживаемые в таких словах и словосочетаниях, как, например: noch nicht (die ha=m die wEnde noch nicht verstAnden), immer noch (wir wOllen uns auch an: bestimmte sachen gar nicht erst gewÖhnen. die: die hier immernoch Usus sind), öfter als (DAS (-) IST? (1) wIrd im wEsten:,> (.) sag ich <<lachend>mal so,> auch\ (-) eigentlich=eh (-) ÖFTter gemacht, als=e:h hier in den nEuen bundesländern), noch (das (-) versteht noch kEiner).

Момент объединения Германии и географические названия могут использоваться и в качестве средств делимитации, и в качестве нейтральных, с точки зрения делимитации, составляющих коммуникативного процесса.

Момент объединения Германии может концептуализироваться как маркер делимитации (investitionsAufbauleitung wurde dann (.) oder dieser betrIeb wurde dann liqudIert. (1) nach der wEnde.) или же как факт истории безотносительно процесса делимитации (wie haben sie denn (.) 'h ehm (.) ja (-) eh die <<lachend>wEndezeit> (.) ende nEunundachtzich=eh und und das jahr neunzehnhundertnEunzig erlebt.). В зависимости от того, хочет участник общения делимитировать лингвокультурные общности или нет, он выбирает соответствующую лексическую реализацию концепта объединения («Wende(zeit)» или дата) и размещает ее — если придерживаться терминов эмергентной грамматики — за правой скобкой предложения (im Nachfeld), т.е. на лексико-синтаксическом уровне концепт момента объединения реализуется, если говорить в терминах эмергентной грамматики немецкой речи, как смещение вправо (Rechtsausstellung).

Географические названия могут употребляться нейтрально как наименования территорий (also in neubrAndenburg aufhörend; eh (-) bin ich dann wEiter (-) gegangen nach pOtsdam gegangen zum stUdium?)

или использоваться в качестве маркеров делимитации в случае, если они употребляются для наименования лингвокультурных общностей посредством их соотнесения с территориями, на которых они распространены ('h man mUsste, also es war (.) im Osten so: (.) wem=man: wirtschaft studIert hatte, und keine berUfsausbildung hatte, (-) 'h mUsste man nach=m abitur Ein <<dim>praktisches jahr absolvieren.>). Следует заметить, что зачастую географическое название становится маркером делимитации в случае его соположения с другими средствами делимитации, например с реалией, как в приведенном примере.

Кроме референции к названию территории, именование общностей как маркер делимитации происходит

- путем их прямого упоминания (sie können sich das vOrstellen wir sO viele (-) mItarbeiter in Ausbildung. (1) 'h eh (-) Eigene auszubildende, (-) entwIcklungskandidaten die: (.) selber alle was lErnen, (1) eh nicht nur Ossis; auch wEssis; <<lachend>viele; (-) vIele vIele;>);
- путем эксплицитной или имплицитной актуализации культурной принадлежности собеседника (das (.) bEste beispiel sind sie ja sElber?);
- путем экспликации осознания разницы между лингвокультурными общностями в целом (da gabs auch wieder diese unterschiede Ost wEst).

Последним средством делимитации, обнаруженным нами, является использование специфического для лингвокультурной общности лингвистического кода. Мы различаем два способа использования кода как маркера делимитации:

1) интенциональное использование (например, в силу необходимости разъяснения реалий своей лингвокультуры):

```
01  B:  ja=gUt. dAmals eh nannte sich [das erw]Eiterte
02  I:                                [ oder  ]
03  B:  oberschule; und=und hier eh (-)mittlerweile heißt das
04      gymnAsium.
```


2) непроизвольное использование с последующим переключением кода (лингвокультурная мимикрия):

```
01  B:  <<acc> na gUt.=die Arbeit hat mir aber sehr gut (.) eh
02      sehr viel spAss gemacht?>
```

Особо следует отметить роль дейктических указателей в процессе делимитации лингвокультурных общностей. Подобно тому как делимитация зачастую протекает на фоне актуализации реалии, названные группы средств делимитации раскрывают свой делимитирующий потенциал в условиях соотнесенности с дейктическими указателями места и времени. Такие дейктические указатели, как drüben, da hinten, heute auch noch, hier, erstmal, denn, nach der Wende, Wendezeit, vorher, nach der Öffnung, rüber- (как приставка с глаголами движения), ehemalig, damals, von hier aus, hier immernoch, gIbt es noch, разделяют общее коммуникативное пространство по принципу «здесь и сейчас» (= в старых землях, в объединенной Германии) и «там и тогда» (= в новых землях, до объединения). Их можно условно сравнить с контекстуализирующими указателями: подобно тому, как контекстуализирующие указатели служат ключами к пониманию того, в какой модальности ведется общение (например, улыбка указывает на переносное значение высказывания), дейктические указатели актуализируют потенциал других средств делимитации лингвокультурных общностей (например, географических названий). В качестве примера такого свойства дейктических указателей приведем коммуникативный эпизод, в котором интервьюер тематизирует тот факт, что детство соискателя прошло в ГДР.

Пример 23. pankow ist Ost; ne?

```
01  I:  sie sind e:h (1) in berlin gebOren, (1) pankow ist
02      Ost; ne?
03  B:  da ist Ost ja.
04  I:  ((lacht)) dAmals jedenfalls noch,
```

Не будучи соотнесенной ни с каким дейктическим указателем лексема «Ost» в первом коммуникативном ходе интервьюера воспринимается соискателем как нейтральное наименование территории, на что указывает выбранная им временная форма глагола (настоящее время) при ответе. Однако в своем следующем коммуникативном ходе интервьюер реинтерпретирует значение лексемы как название лингвокультурной общности, вводя дейктический указатель «damals», который актуализирует факт непригодности этой лексемы для обозначения актуального положения дел, т.е. наименования территории.

В целом можно утверждать, что данные собеседования, по выражению Б. Мюллера-Жаке, протекают в атмосфере «лингвистической осведомленности о культурной принадлежности другого» (linguistic awareness of culture). Одним из индикаторов инокультурности в данной ситуации общения становится представление участников о конвенциях жанра. В следующем коммуникативном эпизоде интервьюера удивила нетипичная формулировка в резюме соискательницы.

Пример 24. die mEisten schreiben logischerweise

```
01  I:  <<p,acc>mEnschen kennenlernen;>=(ja.) (.)
02      <<cresc>als hObby.> (-) <<p>gut okEe;>
03  B:  ha[ha
04  I:    [haha 'h joa.=es is:=eh (1) 'h e:hm
05      (1,5)
06  B:  <<acc>is Ungewöhnlich für sie;>
07  I:  joa; (-) <<rall>Ungewöhnlicher\ <<acc, f>jedenfalls
08      sch:reiben> das die meisten nIcht. (.) die mEisten
09      schreiben logischerweise 'h (.) 'hh (-) immer (.) e::h
10      (2) (.) irgendwelche spOrtarten? hh (2,5) bÜcherlesen
11      (1) 'h und sOwas kommt natürlich immer? (-) aber
12      [(mit menschen\)  ] [mit haha]
13  B:  [fAchbücher lesen,] [haha    ]
14  I:  'h mEnschen kennenlernen is da eigentlich (.) nich so;
15      (-)e::h (1) <<p>fürchterlich (-) oft;>
```

Непривычная для интервьюера формулировка (01-02) выступает в качестве симптома иррациональности соискательницы (того, что она не умеет составлять резюме). Его обработка происходит путем микродискурсивной практики трансфера знаний, а именно межкультурного консалтинга (07—10). С точки зрения делимитации лингвокультурных общностей формулировка, предложенная соискательницей, расценивается интервьюером как конвенция собеседования «там и тогда» (в ГДР), в то время как варианты, предложенные интервьюером, являются конвенциями собеседования «здесь и сейчас» (в новой Германии, в условиях гегемонии западнонемецкой лингвокультуры (Birkner, 2003)).

Изучению немецко-немецкого общения в условиях объединенной Германии посвящено немало книг, поэтому мы не будем далее углубляться в данную проблематику, а лишь заметим в заключение, что в данном исследовании мы хотели наметить более специализированные пути изучения патернализма и его микродискурсивных практик, а именно в межкультурном общении, а также в других контекстах его реализации (возрастном, гендерном, профессиональном и др.). На основании проведенного исследования и анализа литературы мы предполагаем, что межкультурное общение с высокой долей вероятности представляет собой реализацию дискурсивных практик патернализма на макро- и микроуровнях.

2.4. Стратегии аргументации патернализма в мигрантском обществе

В предыдущем разделе было показано, что общение между восточными и западными немцами может рассматриваться как межкультурная коммуникация, поскольку по мере своего развертывания обнаруживает разграничение западной и восточной немецких лингвокультур как разных ресурсов инкультурации. Это разграничение в свою очередь является благоприятным фоном для патерналистского вмешательства представителей западнонемецкой лингвокультуры в коммуникативную автономию представителей восточнонемецкой лингвокультуры. Иными словами, общение носителей одного языка отнюдь не всегда является монокультурным и таит в себе не меньший потенциал для патернализма, чем общение иностранца и представителя принимающей лингвокультуры. При ближайшем рассмотрении коммуникативных практик можно заметить, что в общении на родном языке инаковость возникает как продукт коммуникации — она конструируется интерактивно, в то время как в общении на неродном языке она является пресуппозицией. Общение, протекающее на неродном языке для одного из участников взаимодействия, потенциально патерналистично со стороны носителя языка и клиентелярно со стороны говорящего на иностранном языке, поскольку дефицитарное знание структур и форм языка воспринимается как иррациональность, которая в свою очередь служит фоном для патерналистского вторжения в автономию. Поясним сказанное на примере — рассмотрим фрагмент электронной переписки из архива авторов.

Пример 25. Bitte verlieren Sie diese nicht!

<...> Wir werden dann mit den öffentlichen Verkehrsmitteln, d.h. Bus / Bahn zum Hotel Günnewig fahren. Bitte verpacken Sie Ihr Poster so, dass es bei Regen nicht nass wird. Weiterhin erhalten Sie von Paula Ihre Wochenkarte für den öffentlichen Nahverkehr. Bitte verlieren Sie diese nicht! Im Falle eines Verlusts müssen Sie die Kosten für eine neue Karte selbst tragen.

Адресантом данного письма является немец — куратор группы иностранных стажеров, прибывших в Германию на полугодовую практику. Рабочим языком программы является английский, однако несколько участников владеют немецким на разном уровне. Данное письмо адресовано тем участникам, которые владеют немецким. Группа собирается отправиться на конференцию с постерными докладами, и автор информирует участников о месте встречи и дальнейшей поездке до места проведения конференции. Пресуппозиция отправителя информации о недостаточном знании немецкого языка участниками группы и их лакунарных культурных компетенциях проявляется в акте трансфера знаний, а именно разъяснении значения слова *Verkehrsmitteln* (общественный транспорт). Уровень владения немецким языком мыслится как дефицитарный и легитимирующий патернализм по отношению к участникам программы, поскольку в следующем предложении автор делает напоминание, которое необходимо скорее по отношению к ребенку (= недееспособному адресату), чем по отношению к взрослому человеку, а именно напоминает о том, что постеры нужно упаковать так, чтобы они не промокли во время дождя. Далее автор информирует адресатов о том, что им выдадут проездные билеты. В следующих двух предложениях автор снова проявляет патерналистскую установку по отношению к участникам программы: он просить их не терять билеты (иными словами запрещает их терять) и озвучивает наказание за потерю билета — необходимость купить новый самостоятельно, что, нужно полагать, участникам известно из их жизненного опыта. Иными словами, представление об иррациональности адресатов в инокультурной среде является пресуппозицией, и дискурс патерналистских отношений артикулируется в момент атрибуции симптома иррациональности *Verkehrsmitteln* во внешней автономии и ее последующей обработке; дальнейшая коммуникация представляет собой обработку иррациональности внутренней автономии, легитимность которой видится автору прежде всего в предполагаемом, дефицитарном знании немецкого языка адресатами.

Как замечает Н. Доросткар в статье об австрийской языковой политике в отношении мигрантов, «проблемы с языком проецируются на способность к принятию решений и приводят к генерализации представления о мигрантах как о недееспособных» (Dorostkar, 2012: 66). Представление о дефицитарном знании языка мигрантами как симптома неспособности принимать рациональные решения является отправной точкой языковой политики в Австрии. В процитированной выше статье Н. Доросткар характеризует ее как патерналистскую на основании аргументации необходимости обучения мигрантов немецкому языку в речах политиков и агитационных предвыборных материалах. В Австрии мигранты по закону обязаны изучать немецкий язык (Deutschlernpflicht). Автор выделяет пять стратегий аргументации этой необходимости: собственно патерналистскую, утилитаристскую, превентивную, морализаторскую и неопатерналистскую. Все они имеют целью заставить реципиента выучить немецкий язык, имплицируя в целом запрет на использование родного языка.

Собственно патерналистская аргументация необходимости изучения немецкого языка мигрантами опирается на аргумент о пользе знания немецкого языка для самих мигрантов. Автор приводит следующий пример из проведенного им интервью с австрийским политиком: *«Der/*[10] *das Problem ist da, das Erlernen der deutschen Sprache ist ah für Migrantinnen eine Notwendigkeit, wenn man/ wenn sie ah Chancen haben wollen aufm Arbeitsmarkt, wenn sie sich in die Gesellschaft integrieren wollen»* (Dorostkar, 2012: 68). Политик отождествляет знание немецкого языка и возможность трудоустройства и, как следствие, интеграции в общество, что мыслится как благо для самих мигрантов, а не для общества или третьих лиц.

Утилитаристская стратегия аргументации обязательного изучения немецкого языка мигрантами опирается на аргумент

[10] Здесь и далее в примерах автор использует следующие нотационные знаки : / — маркер саморепаратуры, · — маркер изменения интонации, [] — эллипсис, подчеркивание — эмоциональное выделение слова.

о пользе этого знания для общества. Автор приводит следующий пример из высказывания сотрудника министерства иностранных дел Австрии: *«<...> die Frage [ist], liegt das im Interesse der Öffentlichkeit, dass diese Menschen möglichst gut Deutsch können, ist das Interesse so groß, dass man dafür auch Steuergelder einsetzen soll, ich würde beides mit ja · beantworten, daher soll man das tun. Und da ah/ ich würde wie gesagt sogar noch diesen Schritt weiter gehen bis zur Verpflichtung zum Deutschunterricht, ähnlich wie ichs schon gesagt hab wie wies auch diese Sch/ wie auch die Schulpflicht · im achtzehnten Jahrhundert · ah eingeführt wurde für alle»* (Dorostkar, 2012: 69). Политик считает, что мигранты должны обучаться немецкому языку в интересах общества и что власти не должны скупиться на поддержку программ обучения мигрантов немецкому языку, поскольку они, по его мнению, сопоставимы по своей общественной значимости с введением обязательного школьного обучения в XVIII в.

Превентивная стратегия аргументации обязательности изучения немецкого языка мигрантами опирается на аргумент о предотвращении вреда, который может повлечь за собой незнание языка для третьих лиц (= тех, кто немецкий знает). В качестве примера такой аргументации автор приводит следующий текст агитационного плаката Австрийской народной партии: *«Unser Kurs ist der Bildung: der Deutschkurs. Wer in unseren Schulen etwas lernen will, muss Deutsch können. Daran führt kein Weg vorbei. Wenn viele Kinder in einer Klasse Sprachprobleme haben, leiden alle darunter. Die Auswirkung spürt man dann viele Jahre später. Wenn die, die neu zu uns kommen, zuerst unsere Sprache lernen, profitiert am Ende ganz Wien davon. Sie ist der Schlüssel zum Zusammenleben und zur Integration»* (Dorostkar, 2012: 69). В агитационном тексте партия излагает свое видение языковой политики — немецкий должен быть основным языком образования в школе в интересах немецкоязычных детей. Данная стратегия аргументации опирается на контраст вреда для третьих лиц (leiden alle) и пользы для общества (profitiert am Ende ganz Wien davon), поэтому может рассматриваться как утилитаристская в широком смысле.

Морализаторская стратегия обязательного изучения немецкого языка мигрантами опирается на представление о языке как одном из консолидирующих начал общества (наряду с культурой и моралью). В отличие от описанных выше стратегий, эта стратегия не предполагает использование аргумента о пользе знания языка для мигрантов, общества или третьих лиц, а реартикулирует аксиоматическое представление о ценности культурных норм как таковых. Автор приводит следующий пример морализаторской стратегии из речи сотрудника Министерства иностранных дел Австрии: *«Na das/ da gehts einfach auch um die Kohärenz innerhalb einer Gesellschaft. Es ist natürlich notwendig, eine gemeinsame Sprache zu finden, und warum sollte das nicht Deutsch sein in Ö/ in Österreich, nicht»* (Dorostkar, 2012: 69). В вопросе легитимности обязательного изучения языка мигрантами говорящий ссылается на то, что немецкий язык — объединяющее начало австрийского общества, и одного этого аргумента достаточно, чтобы тезис воспринимался как легитимный.

Неопатерналистская стратегия аргументации необходимости изучения немецкого языка мигрантами опирается на призыв к мигрантам взять на себя ответственность за успех интеграции в обществе. Данная стратегия используется для стимулирования желания мигрантов изучать немецкий язык. Прагматические средства реализации этой стратегии носят рекламно-информационный характер. В качестве примера такой аргументации автор приводит высказывание мигрантки, являющей собой пример успешной интеграции, размещенное на интернет-портале австрийской государственной программы интеграции мигрантов www.zusammenoesterreich.at: *«Als ich Ende 90er Jahre in Wien ankam, war mein Ziel zunächst das Erlernen der deutschen Sprache. Daraufhin konnte ich das Studium <...> mit Auszeichnung abschließen»* (Dorostkar, 2012: 80). Данное высказывание не призывает открыто изучать немецкий язык, не тематизирует его ценность для читателя, общества или третьих лиц, но побуждает к его изучению примером успешной интеграции (диплом с отличием — и уже состоявшаяся интеграция, и старт для ее углубления через профессиональную деятельность).

Данные стратегии аргументации патернализма следует признать микродискурсивными для этапа конструирования статуса дискурса патерналистских отношений, поскольку они легитимируют патерналистское вторжение, в случае несогласия на то реципиента или опасения патрона, что реципиент будет не согласен с вторжением в его автономию. Эту логику мы можем увидеть в следующем примере — приветственном обращении бургомистра немецкой коммуны Хардхайм (земля Баден-Вюртемберг) к сирийским беженцам.

Пример 26. Liebe fremde Frau, lieber fremder Mann[11]

Liebe fremde Frau, lieber fremder Mann!

Willkommen in Deutschland, willkommen in Hardheim. Viele von Ihnen haben Schreckliches durchgemacht. Krieg, Lebensgefahr, eine gefährliche Flucht durch die halbe Welt. Das ist nun vorbei. Sie sind jetzt in Deutschland.

Deutschland ist ein friedliches Land. Nun liegt es an Ihnen, dass sie nicht fremd bleiben in unserem Land, sondern ein Zusammenleben zwischen Flüchtlingen und Einwohnern erleichtert wird. Eine Bitte zu Beginn: Lernen sie so schnell wie möglich die deutsche Sprache, damit wir uns verständigen können und auch sie ihre Bedürfnisse zum Ausdruck bringen können.

In Deutschland leben die Menschen mit vielen Freiheiten nebeneinander und miteinander: Es gilt Religionsfreiheit für alle. Frauen dürfen ein selbstbestimmtes Leben führen und haben dieselben Rechte wie die Männer. Man behandelt Frauen mit Respekt.

In Deutschland respektiert man das Eigentum der anderen. Man betritt kein Privatgrundstück, keine Gärten, Scheunen und andere Gebäude und erntet auch kein Obst und Gemüse, das einem nicht gehört.

Deutschland ist ein sauberes Land und das soll es auch bleiben! Den Müll oder Abfall entsorgt man in dafür vorgesehenen Müllton-

[11] http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/benimmregeln-fuer-fluechtlinge-lieber-fremder-mann-13846048.html

nen oder Abfalleimer. Wenn man unterwegs ist, nimmt man seinen Müll mit zum nächsten Mülleimer und wirft ihn nicht einfach weg.

In Deutschland bezahlt man erst die Ware im Supermarkt, bevor man sie öffnet.

In Deutschland wird Wasser zum Kochen, Waschen, Putzen verwendet. Auch wird es hier für die Toilettenspülungen benutzt. Es gibt bei uns öffentliche Toiletten, die für jeden zugänglich sind. Wenn man solche Toiletten benutzt, ist es hier zu Lande üblich, diese sauber zu hinterlassen.

In Deutschland gilt ab 22.00 Uhr die Nachtruhe. Nach 22.00 Uhr verhält man sich dementsprechend ruhig, um seine Mitmenschen nicht zu stören.

Auch für Fahrradfahrer gibt es bei uns Regeln, um selbst sicher zu fahren, aber auch keine anderen zu gefährden. (Nicht auf Gehwegen fahren, nicht zu dritt ein Rad benutzen, kaputte Bremsen reparieren und nicht mit den Füßen bremsen). Fußgänger benutzen bei uns die Fußwege oder gehen, wenn keiner vorhanden, hintereinander am Straßenrand, nicht auf der Straße und schon gar nicht nebeneinander.

Unsere Notdurft verrichten wir ausschließlich auf Toiletten, nicht in Gärten und Parks, auch nicht an Hecken und hinter Büschen.

Mädchen und junge Frauen fühlen sich durch Ansprache und Erbitte von Handy-Nr. und facebook-Kontakt belästigt. Bitte dieses deshalb nicht tun!

Auch wenn die Situation für sie und auch für uns sehr beengt und nicht einfach ist, möchten wir sie daran erinnern, dass wir sie hier bedingungslos aufgenommen haben. Wir bitten sie deshalb, diese Aufnahme wert zu schätzen und diese Regeln zu beachten, dann wird ein gemeinsames Miteinander für alle möglich sein.

Обращение бургомистр начинает с делимитации своей и чужой культур, конструируя оппозицию «внутри группы» (in Deutschland) и «за пределами группы» (fremde Frau, fremder Mann). Внутригрупповая идентичность описывается как образцовая и желанная для беженцев (Deutschland ist ein friedliches Land), в то время как чужая идентичность предстает опасной и дефицитарной (Krieg, Lebensgefahr, eine gefährliche Flucht

durch die halbe Welt). Во втором абзаце бургомистр совершает вторжение в автономию беженцев — он предлагает им отказаться от своей прежней идентичности в пользу новой (nicht fremd bleiben), аргументируя этот отказ (или запрет на прежнюю идентичность) превентивной стратегией (ein Zusammenleben zwischen Flüchtlingen und Einwohnern erleichtert wird).

Для того чтобы приобрести новую идентичность и оказаться внутри группы, беженцы должны, во-первых, выучить немецкий язык (Lernen sie so schnell wie möglich die deutsche Sprache), и, во-вторых, следовать нормам немецкой культуры (Wir bitten sie deshalb, diese Aufnahme wert zu schätzen und diese Regeln zu beachten). Эти условия являются патерналистскими по своей сути, поскольку сопровождаются соответствующими стратегиями аргументации. В аргументации необходимости учить немецкий мы можем обнаружить две стратегии: утилитаристскую (damit wir uns verständigen können) и патерналистскую (und auch sie ihre Bedürfnisse zum Ausdruck bringen können). Иными словами, знание немецкого языка мыслится автором обращения как благо и для беженцев, и для общества. Необходимость следовать немецким нормам аргументируется с помощью утилитаристской стратегии (Wir bitten sie deshalb, diese Aufnahme wert zu schätzen und diese Regeln zu beachten, dann wird ein gemeinsames Miteinander für alle möglich sein), эксплицирующей всеобщее благо.

Описание норм поведения в Германии не сопровождается объяснением их ценности. Автор полагает эти нормы аксиомами социального взаимодействия, ведь их соблюдение гарантирует целостность общества. Иными словами, описание норм — это морализирующая стратегия. После описания каждой из норм (свобода вероисповедания, равноправие мужчин и женщин, уважение частной собственности, соблюдение чистоты в доме и в общественном пространстве, соблюдение правил дорожного движения, соблюдение режима тишины после 22 часов, недопустимость испражнения на улице) бургомистр вводит очевидные в уже созданном контексте правила поведения, служащие соблюдению каждой нормы,

которые конструируют абсолютную иррациональность беженцев, которые, по его мнению, или не способны сделать соответствующие выводы из контекста, или привыкли придерживаться противоположных норм поведения. Иррациональность обрабатывается посредством трансфера знаний о нормах немецкой культуры и экспликации правил поведения.

Из приведенного анализа мы видим, что обращение бургомистра сконструировано в соответствии с его представлением о распределении власти в мигранстком обществе — мигранты обязаны учить немецкий язык и подчиняться нормам принимающей культуры как для своего блага, так и для блага общества. Данное обращение вызвало резонанс в немецких СМИ и подверглось критике за патерналистскую тональность и создание негативного образа беженцев на фоне примеров менее иерархичного обхождения с данной темой, например, в справочнике для беженцев, подготовленном благотворительной организацией «Rummelsberger Diakonie» (http://www.refugeeguide.de/de).

По словам составителей, справочник представляет собой сборник ответов на вопросы о жизни в Германии, которые чаще всего задают мигранты. Он содержит информацию об основных нормах поведения и социальном устройстве общества, а также советы, как мигрантам следует себя вести в той или иной ситуации. Составители сборника утверждают, что он не является перечнем законов или правил, обязательных к выполнению в Германии, а лишь информирует читателя о том, как чаще всего обстоят дела. Справочник доступен на нескольких языках, в том числе на упрощенном немецком — для читателей, владеющих языком на уровне А2. Мы выбрали версию на упрощенном немецком для анализа стратегий аргументации патернализма.

В отличие от обращения бургомистра, косвенные директивы, содержащиеся в справочнике, не сопровождаются аргументацией, нормы, о которых идет речь, разъясняются на примерах, поскольку они могут не иметь ценности в культуре того, кто обратится к этому справочнику. Например, для

представителей культур с коротким горизонтом планирования немецкая норма поддержания вежливой дистанции вряд ли очевидна. В справочнике она объясняется таким образом:

Пример 27. Privatleben

Privatleben:
Das Privatleben ist den Menschen in Deutschland wichtig.
Die Menschen in Deutschland wollen oft Ruhe haben
und nicht gestört werden.
Sie sitzen zum Beispiel alleine im Bus oder im Zug.
Oder die Menschen sitzen lange neben Fremden
und sagen nur "Guten Tag"
oder "Auf Wiedersehen".
Die Menschen in Deutschland schließen die Türen
von den Büros und den Häusern.
Bevor andere Menschen hineingehen,
klopfen sie an der Tür.

С целью упрощения восприятия текст форматирован в виде стихотворения, его лексическое и грамматическое оформление соответствует уровню А2. Индивидуализм описан в нем через внешние проявления, и траектория интерпретации текста не задана. Авторы оставляют читателю право самостоятельно сделать вывод о том, как вести себя, чтобы не нарушать чужих границ и не допускать нарушения своих.

Составителям справочника была очевидна проблема патерналистской тональности подобной литературы, и они постарались ее минимизировать, отказавшись от аргументации и явных директивов и позволив себе немного самокритики (Die Fahrkarten-Automaten sind oft schwierig zu verstehen). Однако, несмотря на это, сущность справочника остается патерналистской — он нужен для того, чтобы мигранты «не оставались чужими», как это было сказано в обращении бургомистра (nicht fremd bleiben in unserem Land), и эта цель достигается за счет неопатерналистской мотивации к смене идентичности — справочник не заставляет, а скорее вдох-

новляет на усвоение норм немецкой культуры, эксплицируя их ценность и поведенческие фреймы.

Таким образом, тематизация проблемы инокультурности в сочетании с миграционными контекстами почти автоматически формирует у носителей «принимающей культуры» представление об иррациональности мигрантов и необходимости конструирования в отношении них патерналисткого дискурса. К вербальному репертуару подобного дискурса можно отнести прежде всего указания, поучения, нормативные регламентативы, критические высказывания, имплицитные запреты и т.д.

Выводы по главе II

Анализ конституирующих патернализм элементов в разных сферах общения показал, что интегральной для всех проявлений коммуникативного патернализма является ситуация заботы через запрет. Под запретом мы понимаем волеизъявление говорящего по поводу прекращения существующего или недопущения возможного положения дел. Ситуация запрета может быть описана как совокупность следующих параметров дискурса патерналистских отношений:

- обстановка: коммуникативные пространства;
- участники: асимметричная ролевая пара «эксперт-дилетант»;
- тональность: социальная близость;
- инструментарий: коммуникативный патернализм находит реализацию в устно-синхронном, устно-асинхронном, письменно-квазисинхронном и письменно-асинхронном типах коммуникации.

В результате дальнейшей формализации патерналистской коммуникации как абстрактного явления (дискурса) нам удалось выявить ряд его инвариантных свойств, или дискурсивных практик. Под дискурсивной практикой вслед за М.В. Йоргенсен и Л. Филлипс мы понимаем метод производства и потребления текста, который, являясь формой более широкой социальной практики, вносит вклад в конституирование социального мира (Йоргенсен / Филлипс, 2008). Понятие дискурсивной практики применяется нами для описания процессов структурирования как отдельного коммуникативного события (микродискурсивная практика), так и самоорганизации дискурса в целом (макродискурсивная практика). К числу макродискурсивных практик коммуникативного патернализма относятся:

- атрибуция иррациональности субъекту общения путем актуализация ее симптомов;
- дискурсивная обработка атрибутированной иррациональности;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

В процессе атрибуции иррациональности субъекту общения один из участников общения придает статус симптома иррациональности фрагменту предыдущей коммуникации или какому-либо положению дел (источник коммуникативной проблемы). Это происходит путем референции к проблемному фрагменту коммуникации или фрагменту действительности и атрибуции ему иррациональности как постоянного или временного свойства.

Обработка атрибутированной коммуникативному партнеру иррациональности как прием восстановления рациональности может быть как фрагментарной, так и комплексной, в зависимости от вида симптома иррациональности. Фрагментарная корректировка картины мира собеседника ситуативна, а комплексная корректировка имеет стратегический характер. Она представляет собой комплекс дискурсивных действий, направленных на решение проблемы иррациональности как цели коммуникации на определенном этапе коммуникативного взаимодействия.

Стратегия корректировки картины мира представляет собой последовательность коммуникативных действий, в результате совершения которых адресант коммуникативно-

го патернализма стремится заставить адресата осознать иррациональность его действий или намерений и действовать далее, основываясь на рациональных, на его взгляд, пресуппозициях. Ведущая стратегия включает в себя ряд вспомогательных стратегий и приемов достижения цели. В качестве вспомогательных стратегий мы выделяем прагматические стратегии убеждения и воззвания, а также приемы риторического воздействия: описание текущего положения дел, описание желаемого положения дел, экспликация авторитета, патерналистская аргументация.

Перечисленные коммуникативные стратегии и тактики рассматриваются как инвариантные свойства патерналистской коммуникации, не зависящие от конкретной ситуации общения. Вариативность форм лингвистической реализации «запрета во благо» на уровне стратегичности коммуникативного взаимодействия зависит, на наш взгляд, от общего контекста общения — главным образом, коммуникативного жанра. Анализ данного аспекта проводился в работе с привлечением остальных параметров дискурса патерналистских отношений (жанр, нормы, цели, последовательность действий), объединенных в рамках аналитического подхода к исследованию коммуникативных жанров, разработанного немецким социологом Т. Лукманом. Как дополнительный выявленный нами компонент патерналистской коммуникации мы рассматриваем стратегию интимизации, заключающуюся в создании доверительной, располагающей к откровенности атмосферы. Она является особенностью реализации коммуникативного патернализма в рамках коммуникативного жанра «собеседование при приеме на работу». Данная стратегия включает в себя такие тактики, как создание сценария возможного развития событий и идентификация себя со слушающим.

Под конструированием статуса дискурса патерналистских отношений мы пониманием ратификацию или опровержение действий адресанта патерналистского воздействия адресатом. В случае, если адресат принимает коммуникативную помощь со стороны адресанта, то дискурс

патерналистских отношений подтверждается как состоявшийся. В случае, если адресат оспаривает то положение дел, при котором он предстает нуждающимся в опеке (оспаривает роль дилетанта), то дискурс патерналистских отношений опровергается, оспаривается иным видением действительности, иным дискурсом.

Каждый отдельный эпизод патерналистской коммуникации конституируется набором микродискурсивных практик. Нам удалось выявить следующие микродискурсивные практики дискурса патерналистских отношений:

- переосмысление источника коммуникативной проблемы как симптома иррациональности путем а) повторения части источника проблемы; б) перефразирования источника проблемы; в) резюмирования фрагмента коммуникации, содержащего источник проблемы; г) непосредственного введения проблемного компонента;
- атрибуция иррациональности субъекту общения путем а) упоминания; б) подчеркивания; в) разъяснения;
- коммуникативная / дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения путем а) объяснения; б) раскрытия значений; в) трансфера знаний; г) запроса на разъяснение; д) предоставления вариантов понимания; е) запрета; ж) рефлексии; з) помещения проблемного компонента коммуникации за границы рационального;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений путем а) ратификации его как состоявшегося; б) оспаривания значений его узловых точек другими дискурсами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Патернализм, представляющий собой явление опеки и покровительства самого широкого спектра, изучается рядом социально-гуманитарных наук как способ структурирования социальных отношений. Несмотря на достаточную

разработанность концепции патернализма в целом и ее отдельных аспектов, ни одно из направлений исследования не рассматривает коммуникативную природу патернализма в качестве его основной характеристики.

С целью анализа коммуникативно-языкового измерения патернализма мы трансферировали основные понятия из философско-правовой концепции патернализма в теорию языкознания и теорию дискурса. В качестве ключевых понятий, необходимых для описания патерналистской коммуникации, были выделены следующие:

1) коммуникативная автономия, понимаемая, с одной стороны, как условие протекания дискурса (внешняя коммуникативная автономия) и как дееспособность и лингвокультурная компетенция участников общения (внутренняя коммуникативная автономия) — с другой;

2) атрибутированная иррациональность субъекта общения как повод к патерналистскому вторжению в его коммуникативную автономию;

3) взаимообратность патерналистского взаимодействия как основа для ратификации или опровержения патерналистской коммуникации, состоявшейся в результате борьбы дискурсов, на пересечении которых протекает коммуникация, за значение изменчивого знака «забота» (в терминах теории дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф).

Операционализация ключевых понятий концепции патернализма позволила сформулировать следующее определение коммуникативного патернализма: коммуникативный патернализм представляет собой способ непосредственной или опосредованной дискурсивной обработки или превенции иррациональности одного субъекта общения другим субъектом общения и реализуется как статусно-ориентированный тип общения, в ходе которого актуализируется базовое статусное неравенство его участников как рационально и иррационально действующих, находящее свое отражение в процессе конструирования комплементарной ролевой пары «эксперт-дилетант».

В ходе настоящего исследования элементы патерналистской коммуникации были идентифицированы в различных сферах и ситуациях общения, которые могут быть объединены в три отдельные группы, названные нами коммуникативными пространствами патернализма: 1) бытовой дискурс; 2) институциональный (профессиональный) дискурс; 3) дискурс государственного уровня. На основании представленности элементов патерналистской коммуникации в структуре разных дискурсов мы рассматриваем явление коммуникативного патернализма как интердискурс (с позиции прагмалингвистического подхода к классификации типов дискурса).

Интегральной для всех проявлений коммуникативного патернализма является ситуация заботы через запрет, которая может быть описана как совокупность следующих параметров дискурса патерналистских отношений:

- обстановка: коммуникативные пространства;
- участники: асимметричная ролевая пара «эксперт — дилетант»;
- тональность: социальная близость;
- инструментарий: коммуникативный патернализм находит реализацию в устно-синхронном, устно-асинхронном, письменно-квазисинхронном и письменно-асинхронном типах коммуникации.

Аспект влияния контекста общения на форму реализации «запрета во благо» рассматривается в работе на примере коммуникативного жанра «собеседование при приеме на работу» и включает анализ остальных параметров дискурса патерналистских отношений: жанр, нормы, цели, последовательность действий. Эти параметры были проанализированы нами в рамках аналитического подхода Т. Лукмана, который предлагает исследовать коммуникативный жанр на уровнях внешней структуры (предназначение жанра как способа решения рекуррентных коммуникативных проблем), внутренней структуры (языковые средства) и промежуточной структуры (уровень интеракции).

Результаты дискурсивного анализа патернализма в рамках коммуникативного жанра показали, что ведущей стра-

тегией коммуникативного патернализма является стратегия корректировки картины мира собеседника. Данная стратегия представляет собой последовательность коммуникативных действий, в результате совершения которых адресант коммуникативного патернализма стремится заставить адресата осознать иррациональность его действий или намерений и действовать далее, основываясь на рациональных, с его точки зрения, пресуппозициях. Ведущая стратегия включает в себя ряд вспомогательных стратегий и приемов достижения цели. В качестве вспомогательных стратегий мы выделяем прагматические стратегии убеждения и воззвания, а также следующие приемы риторического воздействия: описание текущего положения дел, описание желаемого положения дел, экспликация авторитета, патерналистская аргументация. В качестве дополнительной стратегии патернализма в контексте общения в рамках жанра «собеседование при приеме на работу» была выделена стратегия интимизации, т.е. стратегия создания доверительной атмосферы в разговоре с целью проникновения в автономию другого. Данная стратегия включает в себя тактики создания сценария возможного развития событий и идентификации себя со слушающим.

Наряду с параметрами дискурса патерналистских отношений в работе рассматриваются конституирующие его дискурсивные практики. К числу макродискурсивных практик, структурирующих дискурс патерналистских отношений в целом, мы относим следующие:

- атрибуция иррациональности субъекту общения посредством актуализации ее симптомов;
- дискурсивная обработка атрибутированной иррациональности;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений как состоявшегося или опровергнутого.

Каждый отдельный эпизод патерналистской коммуникации конституируется набором микродискурсивных практик. На основе проанализированного корпуса материала нам удалось выявить следующие микродискурсивные практики дискурса патерналистских отношений:

- переосмысление источника коммуникативной проблемы как симптома иррациональности путем а) повторения части источника проблемы; б) перефразирования источника проблемы; в) резюмирования фрагмента коммуникации, содержащего источник проблемы; г) непосредственного введения проблемного компонента;
- атрибуция иррациональности субъекту общения путем а) упоминания; б) подчеркивания; в) разъяснения;
- коммуникативная / дискурсивная обработка иррациональности субъекта общения путем а) объяснения; б) раскрытия значений; в) трансфера знаний; г) запроса на разъяснение; д) предоставления вариантов понимания; е) запрета; ж) рефлексии; з) помещения проблемного компонента коммуникации за границы рационального;
- конструирование статуса дискурса патерналистских отношений путем а) ратификации его как состоявшегося; б) оспаривания значений его узловых точек другими дискурсами.

На основании проведенного исследования и анализа литературы было установлено, что межкультурное общение с высокой долей вероятности представляет собой реализацию дискурсивных практик патернализма на макро- и микроуровнях.

К числу перспективных направлений дальнейшего исследования проблематики коммуникативного патернализма можно отнести изучение контекстов его реализации, разграничиваемых по признаку идентификации адресата патерналистского воздействия адресантом с той или иной социальной группой, характеризующейся в его представлении определенным типом иррациональности (возрастной, межкультурный, гендерный и другие контексты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина и др. — М.: Наука, 1992.

2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. — 3-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2003.

3. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. — 2-е изд., доп. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

4. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2002.

5. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2007.

6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс: Универс, 1994.

7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собрание сочинений: в 7 т. — М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 1997. — Т. 5.

8. Бахтин М.М. Человек в мире слова. — М.: Наука, 1995.

9. Белецкий С.Б., Куликова Л.В. Стратегии коммуникативного патернализма в межкультурном дискурсе // Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры: сб. научных статей / под ред. О.С. Иссерс. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. — Вып. 1. — С. 122—127.

10. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность: Твер. гос. ун-т. — Тверь, 1990а. — С. 26—31.

11. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. — Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1990б.

12. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1993.

13. Бочарникова Е.А. Интертекстуальность в научном дискурсе: к истории вопроса // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. — Тамбов, 2007. — Ч. 1. — С. 50—51.

14. Вацлавик П. Как стать несчастным без посторонней помощи / пер. с англ. О.В. Захаровой; послесл. И.В. Бестужева-Лады. — М.: Прогресс, 1990.

15. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993.

16. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2009.

17. Гендер и язык / сост. А.В. Кириллина / Московский гос. ун-т; лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005.

18. Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. — М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.

19. Гловинская М.Я., Голанова Е.И., Ермакова О.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI вв.: монография / под ред. Л.П. Крысина. — М.: Языки славянских культур, 2008.

20. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. — М.: Лабиринт, 1998.

21. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007.

22. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989.

23. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. — 1997. — № 1. — С. 109—121.

24. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. — М.: Гнозис, 2006.

25. Дементьев В.В. Типы коммуникативной инициативности // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. — Вып. 2. — С. 27—38.

26. Донец П.П. Основы общей теории коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. — Харьков: Штрих, 2001.

27. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997.

28. Дубинина И.И. Способы выражения иерархических отношений в организационной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2007.

29. Еремеев Я.Н. Авторитетность и диалогичность // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4 / под общ. ред. В.Б. Кашкина. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т: Издательский дом Алейниковых, 2008. — С. 24—38.

30. Зайцева Е.В. Психологические условия и факторы снижения конфликтности личности в системе «Руководитель — подчиненный»: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1998.

31. Иванова О. В. Коммуникативно-прагматическое описание диалога принуждения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994.

32. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — 2-е изд. стереотип. — М.: Едиториал УРСС, 2002.

33. Исупова О.Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология. — 2002. — № 15. — С. 33—52. — URL: http://www.isras.ru/files/File/4M/15/Isupova.pdf (дата обращения: 16.08.2009).

34. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод; пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

35. Карасик В.И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.

36. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.

37. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: сб. научных трудов. — Тамбов: ТГУ, 2005. — С. 337—353.

38. Кириллина В.Н. Гендерный конфликт как фактор политических изменений // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. — 2004. — № 5. — М. — С. 5—25.

39. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. — М.: Наука, 2010.

40. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.

41. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. — Красноярск: Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006.

42. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. — М.: Флинта: Наука, 2009.

43. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. — Красноярск: РИО КГПУ, 2004.

44. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. — М.: Гнозис, 2005.

45. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. — М.: Гнозис, 2007.

46. Макаров М.Л. Лингвистическая антропология: очерк направления // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XX века: материалы международной конференции, посвященной 60-летнему юбилею факультета иностранных языков. 5—6 октября 2006 г. / отв. ред. Л.В. Куликова; ред. кол. — Красноярск, 2007. — С. 218—232.

47. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003.

48. Матвеева Т.В. К лингвистической теории жанра // Collegium: Междунар. науч.-худ. журнал. — 1995. — № 1—2. — С. 65—71.

49. Моммзен Т. История Рима. — М.: Эксмо, 2009.

50. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. — М.: Гнозис, 2007.

51. Осипова Т.Н. Особенности патернализма в условиях трансформации социально-экономической системы: диссертация ... канд. экон. наук. — Челябинск, 2006.

52. Основы теории коммуникации: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020300 «Социология» / М.А. Василик и др.; под ред. М.А. Василика. — М.: Гардарики, 2006.

53. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. — М.: Наука, 1988.

54. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). — Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2000.

55. Плотникова С.Н. Технологизация дискурса: процесс и результат // Вестник ИГЛУ. — 2008. — № 4. — С. 138—147.

56. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. — М.: Флинта, 2006.

57. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. — М.: Наука, 1995.

58. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика и В.И. Подлесской. — М: Языки славянских культур, 2009.

59. Рогозин Д., Яшина А. Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью // Социальная реальность. — 2007. — № 5. — С. 86—101. — URL = http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=383 (дата обращения: 24.06.2008).

60. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. — М.: ИЯ АН СССР, 1988.

61. Седов К.Ф. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация: монографическое издание. — М.: Лабиринт, 2007.

62. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004.

63. Седов К.Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. — Саратов, 1998.

64. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 1994. — С. 14—24.

65. Смирнова М.Н. Социальная феноменология в изучении современного общества. — М.: Канон+: Реабилитация, 2009.

66. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. — М.: Академия, 2008.

67. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.

68. Стернин И.А., Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С. Коммуникативное поведение. Профессиональная коммуникативная личность. — Воронеж: Истоки, 2007.

69. Стернин И.А., Стернина М.А. Американское коммуникативное поведение. — Воронеж: Ворон. межрегиональный ин-т общественных наук, 2001.

70. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. — М.: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999.

71. Сургай Ю.В. Интердискурсивность кинотекста в кросскультурном аспекте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук:. — Сургут: Изд. центр СурГУ, 2008.

72. Сусов И.П. История языкознания: учеб. пособие. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2006.

73. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. — М.: Слово / Slovo, 2000.

74. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветер Е. Методы анализа текста и дискурса: пер. с англ. — Харьков: Гуманитарный центр, 2009.

75. Харченко В.К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. — М., 2008.

76. Чеботарева О.А. Патернализм в отечественной медицине: дисс. ... канд. социол. наук. — Волгоград, 2006.

77. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дикурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006.

78. Шейгал Е.И. Власть и речевая коммуникация / Е.И. Шейгал, Е.В. Черватюк // Известия РАН. Серия литературы и языка: журнал РАН. — М.: Наука, 2005. — Т. 64. — № 5. — С. 38—45.

79. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация: колл. монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; вып. 4 / под общ. ред. В.Б. Кашкина. — Воронеж: Ворон. гос. университет: Изд. дом Алейниковых, 2008. — С. 184—194.

80. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. — Саратов, 1997. — С. 88—98.

81. Шушкова Н.В. Патернализм как социальный институт в переходном обществе: дисс. ... канд. социол. наук. — Пермь, 2004.

82. Aaken van A. Begrenzte Rationalität und Paternalismusgefahr: Das Prinzip des schonendsten Paternalismus. — In: Paternalismus und Recht / Hrsg. von M. Anderheiden, P. Bürkli, H.M. Heinig, S. Kirste, K. Seelmann. — Tübingen: Mohr Siebeck, 2006. — S. 109—145.

83. Albert M.-T. Weltweite Entwicklungen und kulturalistische Bildung: eine Kritik. — Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1993.

84. Anderson H. Das therapeutische Gespräch. Der gleichberechtigte Dialog als Perspektive der Veränderung. — Stuttgart: Klett-Cotta, 1999.

85. Apel K.O. Ist Intentionalität fundamentaler als sprachliche Bedeutung? Transzendentalpragmatische Argumente gegen die Rückkehr zum semantischen Internationalismus der Bewusstseinsphilosophie. — In: Forum für Philosophie Bad Homburg. — Frankfurt/M: Suhrkamp, 1990. — S. 13—54.

86. Atkinson J.M. Displaying Neutrality: Formal Aspects of Informal Court Proceedings. — In: Talk at Work. Interactions in Institutional Settings / P. Drew, J. Heritage (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — P. 199—211.

87. Atkinson J.M., Heritage J. Structures of Social Action. Studies in Conversational Analysis. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

88. Auer P. Rhythm in Telephone Closings // Human Studies, 13. — 1990. — P. 361—392.

89. Auer P., Luzio di A. The Contextualization of Language. — Amsterdam, 1992.

90. Austin J.L. How to do Things with Words / J.L. Austin, J.O. Urmson, M. Sbisà (Eds). — 2nd edition. — Harvard: Harvard University Press, 1975.

91. Beamer L., Varner I. Intercultural Communication in the Global Workplace. — New York: McGraw-Hill/Irwin, 2001.

92. Bellert I. Linguistic Universal, Experience and Quantificational Structure. — In: The role of experience in science: proceedings of the 1986 Conference of the Académie international de philosophie des sciences (Bruxelles) held at the University of Heidelberg / E. Scheibe (Ed.). — Walter de Gruyter, 1988. — P. 48—56.

93. Bensing J., Dulmen van S., Tates K. Communication in context: new directions in communication research. — In: Patient Education and Counseling / S.W. Smith, S.R. Wilson. — SAGE Publications Inc, 2009. — P. 27—32.

94. Bergmann J., Luckmann T. Reconstructive Genres of Everyday Communication. — In: Aspects of Oral Communication / Ed. by U.M. Quasthoff. — Berlin, New York: De Gruyter, 1995. — P. 289—304.

95. Bergmann J.R. Ethnomethodologische Konversationsanalyse. — In: Dialogforschung. Jahrbuch 1980 des Instituts für deutsche Sprache / Hrsg. von P. Schröder, H. Steger. — Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1981. — S. 9—51.

96. Birkner K. Bewerbungsgespräche mit Ost- und Westdeutschen: Eine kommunikative Gattung in Zeiten gesellschaftlichen Wandels. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2001.

97. Birkner K. Hegemoniale Kämpfe oder Wissenstransfer? Ost- und Westdeutsche im Bewerbungsgespräch. — In: Sprache und politische Wandel / Hrsg. von H. Gruber, F. Menz, O. Panagl. — Frankfurt a.M.: Lang, 2003. — S. 89—111.

98. Birkner K. Subjektive Krankheitstheorien im Gespräch // Gesprächsforschung, 7 / Hrsg. von A. Deppermann, M. Hartung. — Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2006. — S. 152—183. — URL: http://gespraechs forschung-ozs.de/heft2006/ga-birkner.pdf (дата обращения: 09.11.2008)

99. Boothe B. Der Patient als Erzähler in der Psychotherapie. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1994.

100. Brinker K., Sager S.F. Linguistische Gesprächsanalyse: eine Einführung. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1996.

101. Brown P., Levinson S.C. Politeness: some universals in language use. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

102. Buche I. Theorie der interkulturellen Kommunikation: Die Eroberung der Göttinen: Dissertation am Fachbereich Neuere Philologien. — Frankfurt-am-Main: I. Buche, 2002.

103. Byrne P., Long B. Doctors talking to patients: a study of the verbal behaviour of general practitioners consulting in their surgeries. — London: HMSO, 1976.

104. Deppermann A. Gespräche analysieren. Eine Einführunginvitation. — 2. Aufl. — Opladen: Leske / Budrich, 2001.

105. Dijk van T.A. Discourse and Context. A sociocognitive approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

106. Dijk van T.A. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. — L. Erlbaum Associates, 1980.

107. Dijk van T.A. Studies in the pragmatics of discourse. — Hague: Mouton, 1981.

108. Dijk van T.A. Text and context: explorations in the semantics and pragmatics of discourse. — London: Longman, 1992.

109. Drew P. «Open» Class Repair Initiators in Response to Sequential Source of Troubles in Conversation // Journal of Pragmatics, 28. — Elsevier, 1997. — P. 69—101.

110. Drew P. Conversation Analysis. — In: Rethinking Methods in Psychology / J. Smith, R. Harré, L. van Langenhofe (Eds.). — London: Sage, 1995. — P. 64—79.

111. Dürscheid C. Medienkommunikation im Kontinuum von Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Theoretische und empirische Probleme. // Zeitschrift für Angewandte Linguistik, 38. — Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang Verlag, 2003. — S. 37—56.

112. Duncan S. On the structure of speaker-audition interaction during speaking turns // Language and Society, 2. — Cambridge: Cambridge University Press, 1974. — P. 161—180.

113. Duranti A., Goodwin C. Rethinking Context: An Introduction. — In: Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon / Ed. by A. Duranti, C. Goodwin. — Cambridge: CUP, 1992. — P. 1—42.

114. Dworkin G. Paternalism. — In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E.N. Zalta. — URL: http://plato.stanford.edu/archives/win20 05/entries/paternalism/ (дата обращения: 05.10.2007).

115. Dworkin G. The Theory and Practice of Autonomy. — Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

116. Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and Gender. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

117. Egbert M. Der Reparaturmechanismus in deutschen Gesprächen. — Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2009. — URL:

http: //www.verlag-gespraechsforschung.de/2009/pdf/reparaturen.pdf (дата обращения: 03.03.2010).

118. Egbert M. Some Interactional Achievements of Other-initiated Repair in Multipersonal Conversation // Journal of Pragmatics, 27. — Elsevier, 1997. — P. 611—634.

119. Egbert M. Other-initiated Repair and Membership Categorization — Some Conversational Events that Trigger Linguistic and Regional Membership Categorization // Journal of Pragmatics, 36 (8). — Elsevier,2004. — P. 1467—1498.

120. Ehlich K., J. Rehbein. Sprachliche Handlungsmuster. — In: Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Hrsg. von H.G. Soeffner. — Stuttgart: Metzler, 1979. — S. 243—274.

121. Eisenstadt S.N., Roniger L. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

122. Elwyn G., Edwards A., Kinnersley P. Shared decision-making in primary care: The neglected second half of the consultation // British Journal of General Practice, 49, 1999. — P. 477—482. — URL: http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1313449/pdf/1056275 1.pdf (дата обращения: 16.02.2009).

123. Emanuel E.J, Emanuel L.L. Four Models of the Physician-Patient Relationship // JAMA; Research Library, 1992. — P. 2221—2226. — URL = http://www.chass.utoronto.ca/~gsreeniv/4models.pdf (дата обращения: 16.02.2009).

124. Ende J., Kazis L., Ash A., Moskowitz M. Measuring patient's desire for autonomy. — J Gen Intern Med, 4, 1989. — P. 23—30.

125. Fairclough N. Discourse and Social Change. — Cambridge: Wiley-Blackwell, 1993.

126. Fairclough N. Language and power. — Edition 2. — Essex: Pearson Education, 2001.

127. Fairclough N. Technologisation of discourse. — In: Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — N. Y.: Routledge, 1996. — P. 143—159.

128. Fateh-Moghadam B. Die Einwilligung in die Lebensorganspende: Die Entfaltung des Paternalismusproblems im Horizont differenter Rechtsordnungen am Beispiel Deutschland und Englands. — München: Verlag C.H. Beck — 2008.

129. Feinberg J. Harm to Others. The Moral Limits Of The Criminal Law. — Oxford: Oxford University Press, 1987.

130. Feinberg J. Legal Paternalism. — In: Paternalism / Ed. by R.E. Sartorius. — Minnesota: U of Minnesota Press, 1983. — P. 3—18.

131. Fiehler R., Barden B., Elstermann M., Kraft B. Eigenschaften gesprochener Sprache. — Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004.

132. Flader D., Koerfer A. Die diskursanalytische Erforschung von Therapiegesprächen // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie, 24. — Duisburg, 1983. — S. 57—90.

133. Fox B., Hayashi M., Jasperson R. Resources and Repair: a Cross-linguistic Study of the Syntactic Organization of Repair. — In: Interaction and Grammar / E. Ochs, E. Schegloff, S. Thompson (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 185—237.

134. Fritzsche K.P. Auf der Suche nach einer neuen Sprache. — In: Sprache im Umbruch / A. Burkhardt, K.P. Fritzsche (Hrsg.). — Berlin, New York, 1992. — S.199—207.

135. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — Malden MA: Wiley-Blackwell, 1994.

136. Gibson R. Intercultural Business Communication. — Oxford: Oxford University Press, 2002.

137. Giddens A. Interpretative Soziologie. Eine kritische Einführung. — Frankfurt/M., New York, 1984.

138. Giesinger J. Pädagogischer Paternalismus. Eine ethische Rechtfertigung: Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. — St. Gallen, 2005. — 227 S. — URL: http://opac.nebis.ch/exlibris/aleph/u18_1/apache_media/M41VB8C6D8M1SVIPILPUTFX68DX1RD.pdf (дата обращения: 14.11. 2007).

139. Goffman E. Ordnung in der Interaktion. — In: Sprachliche Interaktion / Hrsg. P. Auer. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. — S. 168—175.

140. Goffman E. Relations in Public: microstudies of the public order. — Edition 4. — N.Y.: Harper & Row, 1972.

141. Goffman E. Strategic Interaction. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.

142. Gofmann E. Interaktionsrituale: Über Verhalten in direkter Kommunikation. — Frankfurt-am-Main: Suhrkamp Verlag, 1975.

143. Goodwin C. Conversational Organization. Interaction between Speakers and Hearers. — New York: Academic Press, 1981.

144. Goodwin C. Gestures as the Resource for the Organization of Mutual Orientation. — Semiotica, 62 (1/2), 1986. — P. 29—49.

145. Gramsci A. Einige Gesichtspunkte der Frage des Südens. — In: Antonio Gramsci — vergessener Humanist?: e. Anthologie / Hrsg. H. Neubert. — Berlin: Dietz Verl, 1991. — S. 41—68.

146. Greenhalgh T., Roob N., Scambler G. Communicative and strategic action in interpreted consultations in primary health care: A Habermasian perspective // Social Science & Medicine, 63. — Elsevier, 2006. — P. 1170—1187.

147. Grice H.P. Logic and Conversation. — In: Syntax and Semantics 3. Speech Acts / P. Cole, J. Morgan (Ed.). — New York: Academic Press, 1975. — P. 41—58.

148. Günthner S., Luckmann T. Wissensasymmetrien in interkultureller Kommunikation. — In: Kultur(en) im Gespräch / H. Kotthoff (Hg.). — Tübingen: Narr, 2001. — S. 213—244.

149. Gumperz J.J. Contextualization and Understanding. — In: Rethinking Context. Language as an interactive phenomenon / A. Duranti, C. Goodwin (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 229—252.

150. Gumperz J.J. Discourse Strategies. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

151. Harris Z.S. Papers in structural and transformational linguistics. — Dodrecht: Reidel, 1970.

152. Hausendorf H. Kommunizierte Fremdheit: Zur Konversationsanalyse von Zugehörigkeitsdarstellungen. — In: Kultur(en) im Gespräch / H. Kotthoff (Hrsg.). — Tübingen: Narr, 2002. — S. 25—59.

153. Heringer H.J. Interkulturelle Kommunikation. Grundlagen und Konzepte. — Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2004.

154. Heritage J. Greatbatch D. On the Institutional Character of Institutional Talk: The Case of New Interviews. — In: Talk and Social Structure / D. Boden, D.H. Zimmermann (Eds.). — Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991. — P. 93—137.

155. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. — London: Tavisto, 1977.

156. Jefferson G. Sequential Aspects in Storytelling in Conversation. — In: Studies in the Organization of Conversation Interaction / J. Schenkein (Ed.). — New York: Academic Press, 1978. — P. 219—248.

157. Jefferson G. Two Explorations of the Organization of Overlapping Talk in Conversation // Tilburg Papers in Language and Literature, 28. — Tilburg: Tilburg University, 1983. — P. 1—33.

158. Kampits P. Das dialogische Prinzip in der Arzt-Patient-Beziehung. — Passau: Wissenschaftsverlag Rothe, 1996.

159. Kistler P. Die interaktive Produktion von Formalität und Informalität. Gespräche zwischen Deutschen und Indonesiern. — München: JUDICIUM Verlag GmbH, 2003.

160. Koch P. Gesprochene Sprache in der Romania: Französisch, Italienisch, Spanisch / P. Koch, W. Oesterreicher. — Tübingen: Niemeyer, 1990.

161. Koerfer A. Training und Prüfung kommunikativer Kompetenz. Aus- und Fortbildungskonzepte zur ärztlichen Gesprächsführung / A. Koerfer, K. Köhle, R. Obliers, B. Sonntag, W. Thomas, C. Albus // Gesprächsforschung, 9, 2008 — URL: http://gespraechsforschung-ozs.de/heft2008/ag-koerfer.pdf (дата обращения: 24.02.2010).

162. Kotthoff H. Stilunterschiede in argumentativen Gesprächen oder: Zum Gesellichkeitswert von Dissens. — In: Still und Stilisierung, Arbeiten zur interpretativen Soziolinguistik / Hrsg. von V. Hinnenkamp, M. Selting. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1989. — S. 187—202.

163. Kumbier D., Schulz von Thun F. Interkulturelle Kommunikation: Methoden, Modelle, Beispiele. — Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2006.

164. Labov W. Fanshel D. Therapeutic Discourse. Psychotherapy as Conversation. — New York: Academic Press, 1977.

165. Levelt W.J.M. Monitoring and Self-repair in Speech // Cognition, 14. — ELSEVIER, 1983. — P. 41—104.

166. Levinson S.C. Pragmatik. — Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000.

167. Luckmann T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung: Kommunikative Gattungen // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 27. — 1986. — S. 191—211.

168. Maaz H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR. — Berlin: Argon, 1990.

169. McHoul A.W. The Organization of Repair in Classroom Talk // Language in Society, 19. — Cambridge, 1990. — P. 349—377.

170. Meerwein F. Das ärztliche Gespräch: Grundlagen und Anwendungen. — Bern: Huber, 1986.

171. Mill J.S. On Liberty. — Indianapolis: Hackett Pub. Co., 1978.

172. Moebius S. Postmoderne Ethik und Sozialität. Beitrag zu einer soziologischen Theorie der Moral. — Stuttgart: ibidem-Verlag, 2001.

173. Müller-Jacquier B. 'Cross-cultural' versus Interkulturelle Kommunikation. Methodische Probleme der Beschreibung von Inter-Aktion. — In: Konzepte der Interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive / Hrsg. vom H.-J. Lüsebrink. — St. Ingberg: Röhring Univärsitätsverlag, 2004. — S. 69—113.

174. Nowak J. Poulantzas, Geschlechtsverhältnisse und die feministische Staatstheorie. — In: Poulatzas lesen: Zur Aktualität marxistischer Staatstheorie / Hrsg. von L. Bretthauer, I. Schützle. — Hamburg: VSA-Verlag, 2006. — S. 137—152.

175. Quill T., Brody H. Physician recommendations and patient autonomy: finding a balance between physician power and patient choice // Ann Intern Med, 125. — 1996. — P. 763—769.

176. Raster P. Perspektiven einer interkulturellen Linguistik: Von der Verschiedenheit der Sprachen zur Verschiedenheit der Sprachwissenschaft. — Frankfurt-am-Main; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002.

177. Rieger C. Repetitions as Self-repair Strategies in English and German Conversations // Journal of Pragmatics, 35(1). — Elsevier, 2003. — P. 47—69.

178. Rost-Roth M. Kommunikative Störungen in Beratungsgesprächen. Problempotenziale in inter- und intrakulturellen Gesprächskontexten. — In: Verständigungsprobleme und gestörte Kommunikation / R. Fiehler (Hrsg.). — Radolfzell: Verlag für Gesprächsforschung, 2002. — S. 216—244.

179. Roter D., Hall J. Doctors talking with patients, patients talking with doctors. — Dover MA: Auburn House, 1992.

180. Sacks H. Lectures on conversation. Volumes I&II / Ed. by G. Jefferson. — Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell, 2000.

181. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-taking for Conversation // Language, 50 (4), 1974. — P. 696—735.

182. Schegloff E.A. Discourse as an Interactional Achievement: Some Uses of 'uh huh' and other Things that come between Sentences. — In: Analyzing discourse: text and talk / D. Tannen (Ed.). — Georgetown: Georgetown University Press, 1982. — P. 71—93.

183. Schegloff E.A. On some Questions and Ambiguities in Conversation. — In: Structures of Social Action. Studies in Conversational Analysis / J.M. Atkinson, J. Heritage (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 28—52.

184. Schegloff E.A. Sequence in Conversational Opening. — In: Directions in Sociolinguistics / J.J. Gumpez, D. Hymes (Eds.). — Oxford: Blackwell, 1972. — P. 345—380.

185. Schegloff E.A. Sequence Organization in Interaction: A Primary in Conversational Analysis. — Cambridge, New York, Melbourne, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press, 2007.

186. Schegloff E.A. The Relevance of Repair to Syntax-for-conversation // Syntax and Semantics, 12. — Oxford, 1979. — P. 261—286.

187. Schegloff E.A., Jefferson G., Sacks H. The Preference for Self-correction in the Organization of Repair in Conversation // Language, 53 (2), 1977. — P. 361—382.

188. Schwitalla J. Gesprochenes Deutsch. Eine Einführung. — 2., überarbeitete Auflage. — Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2003.

189. Searle J.R. Speech acts: an essay in the philosophy of language. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

190. Seedhouse P. The Interactional Architecture of the Language Classroom: A Conversation Analysis Perspective. — Malden, MA: Blackwell, 2004.

191. Selting M. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem / M. Selting, P. Auer, B. Barden, J. Bergmann, E. Couper-Kuhlen, S. Günther, C. Meier, U. Quasthoff, P. Schlobinski, S. Uhmann // LB, 173. — 1998. — S. 91—122.

192. Selting M. Interaktionale Stilistik: Methodologische Aspekte der Analyse von Sprechstilen. — In: Sprech- und Gesprächsstile / Hrsg. von M. Selting, B. Sandig. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997. — S. 9—43.

193. Selting M. Reparaturen und lokale Verstehensprobleme. Oder: Zur Binnenstruktur von Reparatursequenzen // Linguistische Berichte, 108/9. — Helmut Buske Verlag, 1987. — S. 128—149.

194. Selting M., Sandig B. Sprech- und Gesprächsstile. — Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1997.

195. Shiffrin S.V. Paternalism, Unconscionability Doctrine, and Accommodation // Philosophy and Public Affairs, 29. — 2000. — P. 205—251.

196. Streeck J. Knapp M.L. The Interaction of Visual and Verbal Features in Human Communication. — Advances in Nonverbal Communication / F. Poyatos (Ed.). — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1992. — P. 1—23.

197. Streeck J. Konversationsanalyse. Ein Reparaturversuch // Zeitschrift für Sprachwissenschaft, 1. — Walter de Gruyter, 1983. — S. 72—104.

198. Strull W., Lo B., Charles G. Do patients wish to participate in medical decision making? — JAMA, 1984. — P. 2990—2994.

199. Tannen D. Andere Worte, andere Welten: Kommunikation zwischen Frauen und Männern. — München: Goldmann, 1999.

200. Tannen D. Das hab' ich nicht gesagt! — München: Wilhelm Goldman Verlag, 1999.

201. Thomas A., Kammhuber S., Schroll-Machl (Hg.) S. Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation // Bd. 2. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.

202. Tomalin B., Stemplenski S. Cultural Awareness. — Oxford: Oxford University Press, 2002.

203. Wadsworth M., Robinson D. — Studies in everyday medical life. — London: M. Robertson, 1976.

204. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. — Frankfurt: Suhrkamp, 1976.

205. Zude H.U. Paternalismus. Fallstudien zur Genese des Begriffs. — Freiburg: Alber, K, 2006.

Справочная литература

206. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — Т. 10.

207. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

208. Леонтович О.А. Жизнь и культура США: англо-русский лингвострановедческий словарь. — Волгоград: Изд-во Станица-2, 1998.

209. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.

210. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999.

211. Психология. Иллюстрированный словарь / И.М. Кондаков. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

212. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1997.

213. Советский энциклопедический словарь / научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). — М.: Советская Энциклопедия, 1983.

214. Экономический словарь / под ред. А.И. Архипова. — М.: Проспект, 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Транскрипционные знаки[12]

Последовательная структура

слово [слово] [слово]	наложение высказываний
=	отсутствие паузы между высказываниями

Паузы

(.)	микропауза (десятые доли секунды)
(-), (--), (---)	короткие, средние, продолжительные паузы от 0,25—0,75 с. до 1 с.
(2)	оцениваемая пауза (указывается от 1 с.)
(2.85)	измеренная пауза (с десятичным значением)

Прочие обозначения последовательной организации

und=äh	отсутствие паузы внутри высказывания
:, ::, :::	растягивание (количество знаков приблизительнопоказываетдлинурастягивания)
‘	гортанная смычка
\	резкая остановка без гортанной смычки

Смех

so(h)o	смех в момент произнесения
haha, hehe, hihi	слоговый смех
((lacht))	описание смеха

Сигналы приема

hm, ja, nein	односложные сигналы
hm=hm, ja=a nei=ein, nee=e	двусложные сигналы
‘hm‘hm	с гортанной смычкой

Ударение

amZENT	главное ударение
akzEnt	второстепенное ударение
ak!ZENT!	силовое ударение

Движение тона

?	высоковосходящий
,	средневосходящий
–	без изменений

[12] (Selting, 1998).

;	среднепадающий
.	глубокопадающий

Изменение громкости и скорости речи

<<f> >	= forte, громко
<<ff> >	= fortissimo, очень громко
<<p> >	= piano, тихо
<<pp> >	= pianissimo, очень тихо
<<all> >	= allegro, быстро
<<len> >	= lento, медленно
<<dim> >	= diminuendo, становится тише
<<cresc> >	= crescendo, становится громче
<<acc> >	= accelerando, становится быстрее
<<rall> >	= rallentando, становится медленнее
<<staccato> >	= отрывисто

Вдох и выдох

.h, .hh, .hhh	вдох (количество знаков показывает длительность)
h, hh, hhh	выдох (количество знаков показывает длительность)

Регистр высоты голоса

<<t> >	низко
<<h> >	высоко

Прочие обозначения

B:	= Bewerber/in, соискатель/ница
I:	= Interviewer, интервьюер
((hustet))	пара- и внеязыковые явления и события
<<hustend> >	пара- и внеязыковые явления в момент произнесения
<<erstaunt> >	комментарий
( )	фрагмент речи неясен
(wort)	предполагаемое слово
al(s)o	предполагаемый звук или слог
(solche/welche)	предполагаемые варианты
((...))	часть транскрипта опущена
->	указание на анализируемую часть транскрипта

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Корпус данных[13]

Коммерческий банк. Вакансии: 1) программа подготовки выпускников вузов, 2) непосредственная банковская деятельность. Интервьюеры: начальник отдела кадров (I).

Обозначение	Вакансия	Пол	Вост./Зап.*	Интервьюер	Дата записи
Bank 1	1	м	вост.	I	02.1995
Bank 5	1	ж	вост.	I	07.1995
Bank 6	2	м	вост.	I	09.1995
Bank 7	1	м	зап.	I	05.1996

* Интервьюер является представителем западнонемецкой лингвокультуры.

[13] (Birkner 2001: 46 – 47).

Научное издание

Белецкий Станислав Борисович
Куликова Людмила Викторовна

ПАТЕРНАЛИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Монография

Подписано в печать ??.??.2017. Формат 60x88/16.
Усл. печ. л. ???. Уч.-изд. л. ???.
Тираж 300 экз. Изд. № 2288. Заказ 000000.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии».
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5